

смена

№ 24 (1382) ДЕКАБРЬ 1984

«...достигнув снежного зенита,

Наш флаг

над полюсом колеблется, крылат,

И обозначены углом теодолита

Восход луны

и солнечный закат».

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ
Из стихотворения «Седов».

ЖУРНАЛ
ГЛАЗАМИ
ЧИТАТЕЛЕЙ.

Итоги
дискуссии
о нравственности.

О ПЕСНЕ
СО ВСЕЙ ОТКРОВЕННОСТЬЮ.

МАСТЕРСТВО, ДЕРЗАНИЕ, ДОБЛЕСТЬ

Никого из нас не оставит равнодушным вопрос: как мы будем жить завтра? Вопрос и трудный и простой. Трудный, потому что совсем нелегко заглянуть даже в ближайшее будущее. Простой, потому что на него есть четкий и ясный ответ: жить будем так, как работаем сегодня. А сегодня мы завершаем четвертый год пятилетки. От его результатов в немалой степени будут зависеть результаты и будущего года, и пятилетки в целом. Вот почему мы оцениваем свою работу в этом году строго и объективно. Помните, какое неспокойное время переживает сейчас планета. Понимая, что добросовестная работа каждого из нас сегодня — это и работа на мир. Поэтому и выполнение государственного плана должно быть для всех нас не просто обязанностью — патриотическим и интернациональным долгом. Мы немалого добились в истекшем году. Наращивают темпы практически все отрасли промышленности и сельского хозяйства. На год раньше срока уложено последнее звено Байкало-Амурской магистрали, дороги, которую справедливо называют комсомольской. Успешно развивается отечественная газовая индустрия, одна из ведущих и высокоеффективных отраслей топливно-энергетического комплекса страны. Сейчас с применением газа производится: 92 процента стали, 93 процента чугуна, 60 процентов цемента, 30 процентов электроэнергии всех электростанций и практически весь объем минеральных удобрений. Сетевым и сжиженным газом пользуются в быту 215 миллионов советских людей. Решающий вклад в развитие отрасли вносят газовики Тюменской области, крупнейшей ударной комсомольской стройки. В декабре они выходят на рекордный рубеж суточной добычи газа. Этому событию посвящена Всесоюзная Почетная интернациональная вахта. В истекшем году мы особое внимание обращали на соответствие слова делу, на выполнение принятых обязательств. Потому что только дело раскрывает, какими усилиями ума, совести, воли рождаются высокие обязательства. Какие человеческие и гражданские чувства вложены в них. Одним из первых, кто поддержал инициативу повысить сверх плана производительность труда на 1 процент и снизить себестоимость продукции на 0,5 процента, был коллектив Московского завода автоматических линий имени 50-летия СССР. В начале нынешнего года «Смена» писала о высоких обязательствах заводчан. Эти обязательства почти вдвое перевыполнены! Вот стиль работы, требуемый сегодня. Не успокаиваться достигнутым. Видеть за цифрами и процентами реальную продукцию. Развивать и укреплять все лучшее. Подводить итоги — значит нацеливать себя на новые большие дела, думать о завтрашнем дне, о подготовке смены, на плечи которой вскоре лягут все заботы нашего государства. Для Ленинского комсомола, для всей молодежи страны год уходящий будет памятен особо. Ведь это был год принятия программного для всех нас документа — постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи». Оно требует поиска новых форм и методов работы с молодежью, особого, внимательного отношения к воспитанию подрастающего поколения. Каким же он будет, год 1985-й? Мы верим, что будет он мирным. Принесет новые радости, новые победы, новые успехи в труде. Это будет год 40-летия Победы, год подготовки к XXVII съезду КПСС, год Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Большие планы на будущий год у комсомола. «Мы уверены, что вклад Ленинского комсомола в развитие страны будет расти, умножаться», — отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Константин Устинович Черненко. Скажу больше: составляя планы на ближайшую пятилетку и вплоть до следующего века, мы в значительной мере рассчитываем именно на мастерство рук, на дерзание мысли, на трудовую доблесть нынешней молодежи».

СПЛОЧЕ ЛЕДОМ

Георгий СУШКО

ПАМЯТНИК У ДОРОГИ

Операция «Памятник» была проведена в ночь с одиннадцатого на двенадцатое февраля. Погода выдалась морозная, и ярко светили звезды с высокого неба, и успокоился ветер, гнавший с вечера поземку. Автострада будто отдохнула от дневных забот, редкие автомобили проносились мимо и исчезали в зимней ночи. Их пассажиры мало обращали внимания на десяток скреперов и бульдозеров, на холм земли у дороги. Раз работают, значит, так и надо — стойка есть стойка.

— Ну что, Камбулатыч, загоняем?

— Погоди-ка. Посмотрим, как со стороны видится.

Наурбиеv отшел к обочине дороги, оглядел только что отсыпаный курган, лег на дорогу и с этой точки оглядел его еще раз. Что-то не нравилось бригадиру, а что — он и сам еще не мог объяснить себе. Наурбиеv поднялся, отряхнул снег с куртки, отшел метров на двадцать вправо: «Нет, не то!»

— Знаете что? Давайте мы передвинем этот холм чуть вглубь и поставим не вдоль дороги, а немножко под углом.

Механизаторы разошлись по машинам. Снова взревели моторы, разрывая звонкую и морозную тишину, и все начались сначала.

Скреперы, бульдозеры сдвинули курган в сторону, на то место, которое показал бригадир. Время подходило к четырем, но было еще далеко до февральского рассвета.

— Вот теперь порядок! — удовлетворился Наурбиеv. — Загоняем!

Желтого цвета скрепер взревел, развернулся, медленно вполз на холм и там заглушил свой мотор навсегда. Следом за ним забрался бульдозер, пристроился за скрепером, и тоже замолчал его двигатель.

Снова установилась тишина, и фары других бульдозеров и скреперов освещали холм и двух своих собратьев на нем. А на высоком дровке реяло огромное алое полотнище, было слышно, как оно трепещет на ветру.

Наутро горожане увидели: на белом-белом поле черный курган, и на нем желтые скрепер с бульдозером и красный гордый флаг. На склоне надпись: «Слава первостроителям КамАЗа!»

И пошли разговоры: «Наурбиеv се-бе памятник поставили!»

Да. Поставили. Только меньше всего думали они в ту февральскую ночь о себе. Это памятник тем, кто первым пришел на стройку, памятник юному городу, памятник молодости — первоходцам.

Помню семьдесят третий год, когда я только что приехал в Набережные Челны. Помню, увидел скрепер с надписью над лобовым стеклом: «Мы — первоходцы!». И надо же такому случиться, что именно этот скрепер и стал памятником! Когда я об этом узнал, стало радостно, как будто старого друга встретил.

Этот неожиданный памятник, не предусмотренный никакими проектами, — тем, кто начинал эту стройку с нуля. Они имеют на это право...

«ПРОШУ УВОЛИТЬ...»

Найти на дороге подкову — к счастью и удаче. Но попробуй сыщики на асфальтовых дорогах КамАЗа подкову: дети, рожденные в этом городе, поди, и лошади живой ни разу не видели, откуда ж

ИНОСТЬ

В БРИГАДЕ — 90 ЧЕЛОВЕК.

ВПЕРВЫЕ СОЗДАН
СТОЛЬ КРУПНЫЙ
МЕХАНИЗИРОВАННЫЙ

КОМПЛЕКС

В СТРОИТЕЛЬСТВЕ.

ЧТО ЭТО ДАЕТ
ЧЕЛОВЕКУ И ПРОИЗВОДСТВУ?

ЧЕМ СИЛЬНА
ТАКАЯ БРИГАДА?

КАК
СКЛАДЫВАЮТСЯ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ЛЮДЕЙ,
МИКРОКЛИМАТ
В КОЛЛЕКТИВЕ?

тут взяться подкове? А вот наурбиецы нашли. Случайность? Но ведь приятная же случайность! На стене своей бытовки они и прибили этот символ удачи, выкрасив старую подкову в красный цвет.

В их бытовке можно и побывать — здесь всегда угощают гостя крепким и вкусным чаем; здесь можно спокойно потолковать друг с другом или посмотреть телевизор. В свободное, разумеется, от работы время.

Сюда приводят новичков и знакомят их с историей комсомольско-молодежной бригады. А история эта богата на факты! Семидесятый год — начало работ на водозаборе и базе стройиндустрии, семьдесят первый — ремонтно-инструментальный завод и автосборочный, семьдесят второй — земляные работы в Новом городе, семьдесят третий — строительство литьевого завода и ТЭЦ. Нет такого объекта в городе, где бы не работали скреперисты Наурбиеva — кузнецкий и прессово-рамный, аэропорт Бегишево и Нижне-Камская гидроэлектростанция, колесный завод в Заинске и завод двигателей... Об этом, о людях бригады, об успехах и проблемах — обо всем узнаешь тут.

С проработом Дмитрием Тимановым мы проехали вокруг заводов, вспоминая первые годы, когда только разворачивалась и набирала силу стойка. Рядом с заводом двигателей был огромный холм. Сняли его скреперисты — будто выгладили площадку, кто теперь подумает, что тут холм этот был!

— А вот здесь мы и тонули! Дожди, грязь, машины вязнут, буксуют... Только из одной ямы выберешься — в другую садишься. Пока буксир заведешь, нервы все истреплешь. А колесо менять?.. Нет, про то даже вспоминать жутко! — Но сам Тиманов ведь улыбается, рассказывая... — Прокол чувствуешь сразу. А как в грязь ту прыгать не хочется, если б кто знал! Хорошо, что ребята рядом, тоже из своих теплых кабин — под дождь. Одно колесо впятером меняем, все мокрые до последней нитки, в грязи — лиц не увидать. По два часа копались. И никуда не денешься — надо! Это уже потом научились мы колесо за полчаса менять...

Как-то на вечере передовиков ведущий задал Дмитрию вопрос:

— Что вам наиболее памятно на КамАЗе?

— Памятно? Тут ведь что ни день — то память. Впрочем... Мы до-

срочно выполнили девятую пятилетку — первую пятилетку КамАЗа, и тогда же родилась моя первая камазонка — Иришка. А после второй камазовской пятилетки, когда мы получили на вечное хранение знамя, в семье у нас родилась вторая камазонка, а первая пошла в первый класс.

Зап улыбался.

До семьдесят первого года жил Тиманов в одной из станиц Ростовской области, работал в колхозном гараже. Друг Димы Николай Барсуков уехал как раз в то время на стройку и приспал письмо, в которое вложил газетную вырезку о КамАЗе...

И так получилось, что за пару дней молодая семья Тимановых — три месяца-то всего и женаты — собрала свои вещи, в два чемодана все и вместились, и приехала сюда, в этот город.

Начал Дима шофером, потом выучился на скрепериста, перешел в бригаду механизаторов. Работали они тогда на строительстве термогальванического корпуса — рыли котлован. И хотя старались, выкладывались до упора, а вот не заладилось что-то — и хоть тресни. Бригады один за другим меняются, а результатов никаких. О заработках и говорить нечего.

Как-то в дождливый октябрьский день собирались всей бригадой в тесной, забрызганной грязью и мазутом железной будке, которая именовалась бытовкой. Настроение сникшее, да и с чего веселиться, коль накануне, в день полочки, их соседи наурбиецы, работая на таких же машинах, с тем же самым грунтом, получали из той же кассы, что и они, по шестьсот — семьсот рублей зарплаты, а у них едва-едва по тридцать — сорок натягивалось. В тот день пятнадцать человек из бригады подали заявления на расчет.

— Вернусь-ка я в свой колхоз, сяду за барабанку «зилка». Рублей триста всегда накатаю, верно, Дима? — толкнул Тиманова Серега Балыбердин. Сереге хорошо. Он холостой.

— А я к Альчикову пойду, на стройку. Они бетон швыряют, а заработки куда больше наших, — сказал Сережа Толстых. — Надоело мне с этим динозавром возиться.

Вот тут-то и пришел Наурбиеv.

— Что принули, а?

— А ты, Камбулатович, веселился бы на нашем месте?

— Веселиться не с чего, это верно. Помолчал. — А как вы посмотрите, парни, если я вашу бригаду возьму?

— В свою, что ли, влить хочешь? Объединить?

— Нет. Моя сама по себе останется. А я у вас бригадиром буду. Что скажете?

— А не боишься, Умат Камбулатович? — спросил тогда Тиманов. — Мы ведь в передовиках не ходим.

— Боюсь — не боюсь, а что-то делать надо. И если вы мне поможете...

Вот так в ту серую осень и пришел Наурбиеv в эту бригаду. Те, что подали заявления об уходе, забрали их назад. И только Толстых

Фото
Владимира
ВАСИЛЬЕВА

с Балыбердиным не поверили. Ушли. Первое, что сделал новый бригадир,—создал партийную и комсомольскую группы. Тиманова выбрали комсоргом.

ЭТИ СТРАННЫЕ РВАЧИ

Наурбиевцы первыми перешли на бригадный подряд. Это было время создания новой организационно-технологической структуры производства земляных работ—механизированных комплексов. Инженеры изучили все виды работ и земляных сооружений—а ведь их более двух с половиной тысяч! Оказалось, что все их можно свести в тридцать восемь технологических групп. Для выполнения работ по этим группам разработано двенадцать видов механизированных комплексов.

В комсомольско-молодежном автоскреперном механизированном комплексе Наурбиеva трудаются сегодня девяносто человек. В их распоряжении тридцать один скрепер, двенадцать бульдозеров, автогрейдер и рыхлитель «Комату». Ежемесячно комплекс обрабатывает двести пятьдесят—двести шестьдесят тысяч кубометров грунта. Надо сказать, что верхний плодородный слой чернозема, который был снят скреперами—а это ни много ни мало 9404 тысячи кубометров,—сохранен и теперь используется для рекультивации и благоустройства территории города, вывозится на поля окрестных колхозов.

— Кто отвечает за всю эту землю?—спрашивает скреперист Володя Чугунов.—Конечно, мы. Ведь мы не только хозяева данного объекта—мы хозяева земли!

Один мой знакомый бригадир, узнав, что я интересуюсь бригадой Наурбиеva, сказал:

— Наурбиевцы—асы! Дело знают и работают чисто и красиво. Но все же врачи.

Встанем-ка на точку зрения этого бригадира. Комплекс Наурбиеva работает сразу на нескольких объектах: строительство картонно-бумажного комбината и атомной электростанции, работы на заводе по ремонту двигателей и на заводе транспортного электрооборудования. И случись где какая задержка, Наурбиеv сам вправе перебросить свои механизмы с одного объекта на другой, где-то усилить напор, в другом месте, наоборот, ослабить, снять несколько скреперов, которые можно будет использовать в полную мощь на новом объекте. Маневренный, одним словом, комплекс. И просто в данном случае действительно исключаются: всегда, в любой момент можно найти занятие. А коль есть дело, то есть и заработка. А поскольку наурбиевцы работают, порою не считаясь со временем, то и пошла такая слава: за рублем гоняются. Если так, то врачи есть, как по-иному?

А эти «врачи» в свободное от работы время завезли несколько тысяч кубометров чернозема на дачные участки, выделенные ветеранам Великой Отечественной. Они же бесплатно отработали на благоустройстве территории будущей зоны отдыха возле набережной Тукая. Памятник первостроителям они, кстати, тоже ставили во внераочное время. Рекультивировали двадцать два гектара возле завода двигателей—эта территория отдана заводчанам.

Директор завода двигателей, узнав, что Наурбиеv завез чернозем и спланировал эти гектары, вызвал к себе одного из замов.

— Вы сколько заплатили Наурбиеvu?

— Нисколько.

Не поверил директор. Вызвал начальника отдела вертикальной планировки:

— Вы рассчитывались с Наурбиеvым за эту территорию?

— Нет, они все сделали бесплатно.

А они действительно завезли чернозем в свободное время, отработали, кстати, на сэкономленном топливе и не взяли за это ни копейки.

Какие-то странные «врачи», эти наурбиевцы. Где он, тот знакомый мой бригадир? Что он про такое скажет?

ГЛОТОК ВОДЫ ДЛЯ СКРЕПЕРА

..Раскаленный, знойный воздух и густое облако пыли—таким запомнилось лето, когда бригада работала на расширении взлетной полосы в аэропорту Бегишево. Мощные скреперы, издали напоминающие огромных доисторических животных, лениво, словно бы нехотя, ползали в этом пыльном мареве. Где-то запропала в жаре водовозка. И когда она подойдет, кто его знает! А в радиаторе уже закипает вода. И скреперист Александр Григорьевский не выдержал. Последнее ведро чистой питьевой воды вылил в радиатор... Можно было остановить работу и где-нибудь в тени дождаться затерявшуюся водовозку—никто бы не упрекнул. Можно было, конечно...

Как-то одна из бригад автоскреперистов, с которыми наурбиевцы соревновались, предложила: нельзя ли объединиться, войти в состав наурбиевского коллектива?

Наурбиеv ответил:

— Думаю, что это пока преждевременно. Мне не по плечу еще руководство таким большим коллективом. А вот помочь вам, если хотите, помогу.

И помогли. Освобождается, скажем, бульдозер у Наурбиеva—он его к соседям. Не нужен сегодня ДЭТ-250, рыхлитель,—опять же к ним. Но при этом расходы за эксплуатацию механизмов комплекса Наурбиеva целиком брали на себя. И положение у соседей выправилось. А можно было бы просто отмахнуться: у нас свои дела, свои заботы, а вы выкручивайтесь сами. Но в том и дело, что бригада теперь считает так: коль мы хозяева стройки, то будем же по-хозяйски и относиться ко всему. А что касается соревнования между бригадами, то оно перестало быть формальной игрой в показатели (у нас лучше, у вас хуже), а стало формой совершенствования работы каждого отдельно и всех сообща. Опять же это результат заинтересованного, хозяйственного подхода к проблеме.

— Умат Камбулатович,—спросил я Наурбиеva,—вы помогли своим коллегам техникой, поддержали их в трудную минуту. Слышал, что вы не держите в секрете свои достижения, опыт...

— Опыт нашего комплекса—не наше личное богатство. Вся страна помогала строить КамАЗ, и наш опыт—это в конечном итоге результат той самой помощи. Держать его под замком, ни с кем не делиться мы просто не имеем права—так считает вся бригада. Мне пришло побывать на многих стройках. На Украине, в Нефтеюганске, Ульяновске, Смоленске, на Кулундинском канале. На всех этих стройках многое приходится начинать с азов, повторяя иногда же самые ошибки, вновь и вновь изобретая колесо. Распространение передового опыта организовано крайне плохо, конкретные меры в этом направлении, считаю, необходимы. И наш опыт, в частности, тоже пригодится...

Пока шел наш разговор за стаканом чая, двери в бытовку почти не закрывались. Забежал Володя Евлатов, помялся смущенно:

— Ко мне, Умат Камбулатович... Ну, невеста, одним словом, приехала! Хотели бы заявление сегодня подать... Не могли бы вы пораньше меня отпустить? То, что от меня зависело, я все сделал...

— Я видел, Володя. Молодец! Иди, иди!

Заходили люди, подсаживались, наливали чаю себе, включались в разговор. Между делом решались производственные вопросы: расчет горючесмазочных материалов, автокрана, запасных частей. Никого не торопил Наурбиеv,—мол, у тебя работа, не задерживайся тут. Он знал: эти десять—пятнадцать минут, которые человек проведет здесь за стаканом чая, он компенсирует с лихвой, они, эти минуты, не потеряны—счет времени ведется строгий.

Зашел отогреться Евгений Беляев—обветренное и красноватое от мороза лицо и совершенно седые волосы, хотя и лет еще не так много. Это один из опытнейших работников: он вулканизаторщик и слесарь, скреперист и механик—универсал, одним словом. Следом за ним забежал Виталий Иванов, медник—в любой день и в любую погоду он всегда обеспечивает выход техники на линию. Стакан чая, сигарета, и снова работа.

ХАРАКТЕРЫ

На следующий день мы с Наурбиеvым ехали на строительство Татарской атомной электростанции. Там, на месте деревни Камские Поляны, растет новый город, который будет называться так же.

По дороге Наурбиеv рассказывал о своей бригаде, о себе.

— Умат Камбулатович, девяносто человек—большой коллектив. Разный возраст, разные характеры, интересы—не может быть так, чтобы все жили чем-то одним, пусть даже необходимым...

— Срывы бывают и у нас. Но тот микроклимат, который нам удалось создать в бригаде, позволяет говорить с человеком откровенно, остеречь его от дальнейших нежелательных поступков. Вот есть у нас один парень, Алексеем зовут. Всем он хороший, и парень честный, и работает неплохо, а вот была у него слабость к вину. Не сказать, чтобы он особо злоупотреблял этим, но... Бывали, короче, у него такие дни. Выгонять-то жалко—трудяга каких поискать! Долго мы с ним возились, а все, вижу, вступило. Как-то приходит в бригаду Семик, крепкий такой мужик, мы два месяца назад его на пенсию проводили, но решил он вернуться. «Какую машину?—спрашивал.—дашь?» Отвечаю ему я: «Машину дам самую плохую. Отремонтируешь ты ее в два счета, я знаю, но дело не в этом. Мне нужно, чтобы ты человека вытащил. С Алексеем напарниками будете». Прошло какое-то время, смотрю, уже не тот Алексей. Дай-ка, думаю, звеньевым его поставим. Обсудили на совете бригады, утвердили—и пошло дело.

Другой случай. У нас много молодых в бригаде. И мы всегда стараемся идти им навстречу, стараемся поддержать. Есть у нас такой Замиль Набиуллин. Доверили мы ему новую машину. Заработок у него, естественно, подскочил. Парень молодой, холостой, зачастил в ресторан. Однажды узнаем: драка устроил, в милицию попал. На совете бригады сказали ему: нет, друг, так дело не пойдет! Рано тебе, видать, такие деньги получать, раз распоряжаться ими не можешь и нас еще при этом позоришь. Переходи на старую машину и работай на ней. И времени на ресторан у тебя, глядишь, не будет, потому как ее ремонтировать нужно. Обида, конечно, в нем взыграла, но крепкий парень оказался. Толк из него будет.

— Умат Камбулатович, а бывает так, чтобы мнение совета бригады расходилось с мнением бригадира?

— Бывает. Но на то и совет бригады, чтобы принимать коллегиальные решения. И если какие расхождения у меня с советом бывают, мы стараемся найти компромисс. Меня ведь...—Наурбиеv замялся малость, но все же, видимо, решил договорить.—Меня тоже как-то обсуждали...

— Это за что же?

— Не выдержал однажды, вспылил, человека ни за что обругал. А он совсем не виноват оказался. Вызвали меня на совет, поговорили... С тех пор стараюсь понапрасну не горячиться.

— Я так думаю,—сказал чуть погодя Наурбиеv,—если коллектив может указать бригадиру на его ошибки, а тот найдет в себе силы признать правильность замечаний, то это сильный и здоровый коллектив. Хотя, когда меня обсуждали, чуть было на дыбы не встал.

Хорошо, что вовремя понял: а ведь они правы!..

— Вспоминаю и эпизод семилетней давности,—продолжал бригадир.—Во время спуска по откосу неожиданно развернуло скрепер Рафаэля Сайфуллина, и он встал. Шедший следом за ним Геннадий Мордяшов вынужден был резко вывернуть в сторону. Из-за резкого перекоса радиатор на скрепере Мордяшова дал течь. Мордяшов, человек решительный и темпераментный, выскоцил из кабин и с руганью налетел на Сайфуллина. За десять—пятнадцать минут машины растащили, но нервное напряжение не спало. На совете бригады досталось обоим. Рафаэль с Геннадием выслушали все, что говорили им члены совета, а приятного, надо заметить, в этих словах было мало, и подали друг другу руки. А потом, не сговариваясь, дружно обрушились на бригадира, чтобы тот наконец-то решил вопрос о поставке гидравлических насосов, которые давно уже износились и не создавали необходимого давления в системе.

Но не хотелось бы, чтобы кое-кто подумал, будто совет бригады только и делает, что разбирает нарушения дисциплины. Вовсе нет! Он и поощряет лучших механизаторов. Герману Теплыню был выделен за ударный труд автомобиль «Жигули», Михаилу Морозову за отличную работу дали ордер на двухкомнатную квартиру. Наурбиеv получил подлинное издание Пушкина.

В состав совета бригады входят пятнадцать человек. Это те люди, которые своим трудом заслужили беспрекословный авторитет среди товарищей, их справедливому и откровенному слову верят. Возглавляет совет бывший фронтовик, орденоносец Гаяз Гатинович Ибрагимов. Мне запомнилось, что сказал о своем совете один из механизаторов: комплекс—это кулак, и совет бригады—мышца, которая этот кулак скимает.

Камские Поляны неблизко от города, поэтому и решили наурбиевцы работать вахтовым методом: неделю работают и живут здесь, потом их сменяют другие звено бригады.

Чистое, открытое настежь всем ветрам поле, морозный воздух, легкая поземка и блеклое зимнее небо—такою нас встретила новая стройка. Скреперистам Наурбиеva предстоит сделать здесь срезку растительного слоя, провести работы по устройству насыпи и полотна дороги. Тут же, по соседству с наурбиевцами, трудится бригада скреперистов Алексея Зверева. Недавно организованный, еще молодой во всех отношениях коллектив невозможно да пока и незачем даже сопоставлять с наурбиевским—нет еще опыта, скропки, своей производственной базы, как у Наурбиеva, да и по количеству механизмов—семь скреперов и четыре бульдозера—они далеко отстают от мощного, мобильного комплекса. Но за сравнительно короткий период ребята Зверева уже успели произвести вертикальную планировку нижней площадки АЭС, закончить земляные работы на котельной, подготовить площадку под основание бетонного завода. Кто знает, может быть, скоро заговорят и об этой бригаде. Рядом ведь работают, далеко за опытом ходить не надо.

На долгий рабочий день скреперист остается в тесной кабине один на один с огромной машиной.

— В эти минуты я как бы сливаюсь со скрепером воедино. Я слышу мою машину, чувствую ее,—так рассказывает о своей работе Володя Чугунов,—как бы говорю ей: ну, давай, родная! Выскочим! Давай, милая, не подведи! И когда я чувствую: она мне повинуется—это небывалое чувство...

«Время молодых наступает,—так говорит Наурбиеv.—За дело я спокоен—руки у них надежные, головы в порядке. Ну и потом, наша красная подкова теперь им будет приносить удачу».

ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ МЕРЫ ПРИНЯТЫ

Не по всякому тревожному письму читателей редакция посыпает на место своего корреспондента. Но ни один читательский сигнал о неполадках не остается без внимания со стороны журнала. По каждому письму, требующему вмешательства, принимаются меры.

Редакцию встревожило коллективное письмо, в котором сообщалось о непорядках в работе пионерского лагеря «Костер» Калининского механического завода объединения «Калининмашдеталь». Письмо мы направили в Калининский областной комитет народного контроля. Ответ подтвердил справедливость жалобы читателей:

«Действительно, отдых детей в первую смену организован был плохо. Более того, проверка выявила в коллективе обслуживающего персонала пионерского лагеря факты нарушения трудовой дисциплины, злоупотребления служебным положением.

Администрация завода, партийное бюро и профсоюзный комитет приняли меры, навели порядок в работе лагеря. За неудовлетворительное руководство и допущенные нарушения начальник пионерского лагеря «Костер» В. И. Бутакова освобождена от занимаемой должности. За использование служебного положения в корыстных целях уволены с работы экспедитор Г. И. Козина и шеф-повар Г. А. Парфенов.

Профком завода и обком профсоюза рабочих машиностроения и приборостроения установили в дальнейшем за работой пионерского лагеря строгий контроль. Например, была проведена финансовая ревизия облсовпрофа. Жалоб и претензий на работу администрации пионерлагеря во второй и третьей сменах не поступало.

По результатам проверки руководство завода предупреждено. Предложено принять меры, исключающие отмеченные нарушения в 1985 году.

Г. ТЕРЕНТЬЕВ,
заместитель председателя
Калининского областного комитета
народного контроля».

Наша читательница Галина Литвиненко, бывая у родителей в Тульской области, неоднократно видела, что местные жители откармливают скот и птицу хлебом. Об этом она написала в «Смену».

В ответ на запрос из редакции заместитель председателя исполкома г. Узловая Н. Н. Самсонов сообщил: меры приняты. Заведующая магазином А. Д. Минаева освобождена от занимаемой должности. Городской отдел внутренних дел усилил контроль за выполнением Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении ответственности за скармливание скоту и птице хлеба и других хлебопродуктов, скупленных в государственных и кооперативных магазинах».

По сигналу читательницы Л. Чумаковой из г. Калязина, медсестры областной клинической больницы, на месте проведена проверка качества организации работы среднего и младшего медперсонала. Трудности в работе медсестер, объяснил в своем ответе в редакцию заведующий Калининским облздравотделом Ш. Хондакян, обусловлены неукомплектованностью кадрами. На состоявшемся собрании, поводом для которого послужили вопросы, поставленные в письме Л. Чумаковой, внесены конкретные предложения по улучшению труда медсестер.

Благодаря сигналу читателей из Минска проведена проверка работы 18-й и 19-й городских поликлиник, обслуживающих школьников. «Комиссией выявлены упущения и недочеты в наблюдении и лечении близорукости у школьников, в работе спектакльной и ЛФК. Администрации 18-й и 19-й городских поликлиник предложено устранить отмеченные недостатки, усилить контроль за работой врачей-офтальмологов и медицинских работников школ», — ответила редакции заведующая Минским горздравом Г. Мазурова.

Молодежь колхоза имени Горького с. Старостинцы Винницкой области обратилась в «Смену» с жалобой на то, что администрация не уделяет внимания вопросам труда, быта и отдыха молодежи.

На запрос редакции получила ответ председателя исполкома В. Г. Тымуна:

«Исполком районного Совета народных депутатов обсудил письмо молодежи с. Старостинцы. В с. Старостинцы есть новый Дом культуры, который полностью обеспечен музыкальными инструментами, техническими средствами пропаганды и культурного творчества. Однако культурно-массовая работа в селе организована на недостаточном уровне.

При проверке письма работниками района отдела культуры оказана необходимая методическая и практическая помощь дирекции Дома культуры с. Старостинцы в улучшении работы.

Вопрос о закреплении молодежи на селе рассмотрен на заседании комитета комсомола колхоза. Его работа взята на контроль райкомом комсомола».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 24 (1382) ДЕКАБРЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка: учебный
барк «Седов».
Фото Глеба КОСТЕЦКОГО.
Репортаж
«ХОЖДЕНИЕ ЗА МОРЕ»
читайте на 12-й странице.

- 1 Георгий СУШКО. «СПЛОЧЕННОСТЬ ДЕЛОМ».
- 4 «СМЕНА»-85. Что пишут читатели?
- 6 КАК ЖИТЬ? СОГЛАСНО ИДЕЕ ИЛИ СОГЛАСНО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ?
Подводим итоги дискуссии.
- 8 Рассказ Геннадия МАШКИНА «БРИЛЛЯНТ ГРЮН».
- 10 Конкурс одного стихотворения
«ЗЕМЛЯ МОЯ — СУДЬБА МОЯ».
- 12 «ХОЖДЕНИЕ ЗА МОРЕ».
Фоторепортаж Юрия ИВАНОВА и Глеба КОСТЕЦКОГО.
- 15 Петр НОВИКОВ. «ВАШ СЧЕТ №...»
- 16 ОТЕЧЕСТВО.
«СВЕТ НЕЗАКАТНЫЙ».
Фotoочек Алексея НИКОЛАЕВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 18 Стихи Михаила ШЕВЧЕНКО.
- 22 «ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ЛУКАЧА».
- 24 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
«ГЕОМЕТРИЯ КОСТЮМА».
- 25 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 27 Повесть Николая ОГАНЕСОВА «ИГРАЕМ В «СПРИНТ»».
- 31 «В БУДУЩЕЕ — С НАДЕЖДОЙ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель
главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора),
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

'Смена' 85

'Смена' 84

'Смена'

'Смена'

Что читатели пишут?

B

ваших руках, дорогие читатели, последний номер «Смены» за 1984 год. По традиции мы подводим итоги года уходящего, уточняем планы на будущий. И оценка сделанного, и перспективное планирование — все это основывается прежде всего на ваших пожеланиях.

К середине декабря мы получили более 120 тысяч писем. Для сравнения скажем: это на 40 тысяч больше, чем получено за весь 1983 год. Такой рост почты объективно свидетельствует о расширении круга наших читателей, о возросшей популярности журнала.

В эти дни особенно много писем, связанных с приближающимся 40-летием Победы. Очень взволновал читателей очерк В. Янелиса «Обратитесь к Драгунову» (№ 18), рассказывающий о работе черниговского клуба «Поник».

«Читали очерк с горькими слезами и глубокой благодарностью редакции — за то, что опубликовали рассказ о таком замечательном человеке. Мы, ветераны, прошедшие ужасы войны, сердечно благодарны Владимиру Денисовичу Драгунову за ту огромную работу, которую он ведет, разыскивая погибших, за его человечность, добрую, бескорыстие. Он так же помогает ветеранам разыскать своих однополчан, как помог и одному из нас.

Воины, отдавшие жизнь за нашу Родину, заслуживают того, чтобы память о них была сохранена. Но нас волнует то, что поисковая работа проводится только инициативными людьми — такими, как Драгунов, и школьниками. И, к сожалению, не везде, где прошла война. «Смена» правильно ставит вопрос об организации поиска в общегосударственном масштабе».

Ветераны войны и труда Н. М. Бурылова, майор медслужбы; К. П. Чертушкин, капитан медслужбы, г. Пермь.

Ветеранов поддерживает и **Александр Волковад из Киева:**

«В конце августа мы с отцом привезли горсть родной земли на могилу моего дяди. Через сорок лет брат пришел к брату... А разыскал могилу Владимир Денисович. И я согласен с вами в том, что нужно объединить усилия и опыт следопытов, создать центральный орган, координирующий поисковую работу в масштабе страны».

Вполне естественно, что эти письма мы воспринимаем как читательский наказ и в будущем сердечно рассказывать о людях, посвятивших себя поиску неизвестных героев войны, о тех, кто защищал Родину в годы Великой Отечественной.

Что еще привлекает читателей в «сменовских» публикациях?

«Я постоянный подписчик вашего журнала, — пишет **М. Бибилов из Махачкалы**, — и всегда с нетерпением жду очередного номера. В каждом из них открываю для себя что-то новое, многому учусь. Особенно меня интересуют нравственные вопросы, которые поднимаются на страницах журнала. Статьи на эти темы заставляют нас думать о своем месте в жизни, трезво оценивать свои поступки, очищать душу от всего мелочного, наносного. Очень хотелось бы, чтобы нравственные проблемы занимали большее место на страницах журнала. Ведь нам, молодым, порою так не хватает духовной пищи!»

Полагаем, слова **М. Бибилова** в полной мере относятся и к очеркам «Оскдение» (№ 16) и «Отступились» (№ 20).

«Оскдение» я читал моим ребятам, — сообщает **В. Чередниченко, учитель из Днепропетровска**. — Когда закончил чтение, в классе долго стояла полная тишина. Видел бы автор лица восьмиклассников в те минуты!»

Прочел в № 20 очерк «Отступились... Я также стал работать в «Комсомольском проекторсте» по своему желанию. Честно говоря, иллюзия не строил, тем более что мне нередко приходится рисовать карикатуры на пьяниц и прогульщиков. Причем мои карикатуры имеют сходство с оригиналами... «Пострадавшие» до сих пор на меня в обиде. Но что же мне — извиняться, заискивать перед ними? А в общем, большинство рабочих нашего цеха спуску разглядя не дают.

Я хочу сказать вот что: люди портят себе жизнь страхом не меньше, чем физическим. Страх свойствен каждому человеку, но одержать над ним победу, убить в себе подленьку мысль — «как бы чего не вышло» — уже мужество. И еще мне хочется сказать «отступившимся»: невозможно, нельзя отступать бесконечно, всем есть предел. Есть ситуации, когда отступление смерти подобно. Твоей смерти как гражданина... Избегать возможных неудач — значит обречь себя на поражение. Будьте же в житейском море капитанами, а не утопленниками!

Уважаемая редакция! Хоть я и не просил у вас помощи, вы мне очень помогли своими публикациями».

С уважением
**Александр Белоусов,
г. Коломна Московской области.**

Вопросы нравственности, морали... Они волнуют людей всех возрастов, всех профессий.

«Хорошо, что такие темы, — считает **В. Рошин из Чебоксар**, — вы решаете не в «лоб», не преподносите, как правоучительные лекции, не навязываете нам свое мнение, а как бы советуетесь с читателями, интересуетесь и его мнением».

Совет с читателем... Это — незыблемое правило работы редакции. Очень часто именно совет читателя подсказывает новую грань, новый поворот темы. Вот одно из таких писем.

«Считаю, что комиссар педагогического отряда студентов-уральцев Дмитрий Шеваров прав, когда в статье «У твоего порога» («Смена» № 14) говорит о том, что в детских домах и школах-интернатах очень нужны молодые учителя и воспитатели. В интернате, где живу я, так и есть — молодых большинство. Только нельзя забывать и о тех, у кого за плечами богатый жизненный опыт, свои дети (уже взрослые). Зачастую они умеют прылкать, утешить, понять ребенка лучше, чем молодые воспитатели».

Лена Скорынина,
ученица 10-го класса,
г. Сургут.

Многие интересуются материалами о деятельности педагогов, рассказывают о своих делах, своих трудностях, просят совета. Одно из писем на эту тему — из г. **Беслан Северо-Осетинской АССР**.

«На комсомольском собрании нашего завода «Автостецбординование» мы решили создать педагогический отряд. (Подшефная школа-интернат у нас имеется.) Более половины работающих на заводе — молодежь до 30 лет. Собрали ребят, побывали у детей, рассказали о нашей работе, об истории завода. Теперь хотим пригласить восьмиклассников на завод.

Вот пока и все, что мы придумали. А дальше что делать, как интереснее вести работу? Надеемся, что «Смена» подскажет нам, как лучше организовать шефство над детьми, ведь просто посещения школы — этого мало и для нас, и для подшефных. Мы знаем, что журнал всегда помогает в работе молодежным коллективам. Мы тоже не сидим сложа руки, ищем свои пути. Но ваш совет был бы очень нужен!»

По поручению педагога
Юрий Шишкун.

Благородное дело начали комсомольцы из Осетии. И «Смена», чем может, будет помогать им и другим коллективам педагогических отрядов.

Многие публикации «Смены» долго не забываются читателями. Почти два года назад («Смена» № 4, 1983 г.) была опубликована статья «Престиж инженера», а отклики на нее продолжают поступать. Наш читатель из Ижевска, **молодой инженер Николай Кузнецов**, пишет о том, что многие работники только

числятся инженерами, а на самом деле исполнюют обязанности техников, чертежников, снабженцев и т. д. Автор обеспокоен неправильным использованием инженеров: загруженные неквалифицированной работой, не имея возможности применять на практике свои знания, они рискуют постепенно растерять все то, чему учились в институтах. С другой стороны, инженерные должности нередко занимают люди, не имеющие достаточной подготовки, специального образования. Все это, считает Н. Кузнецов, ведет не только к снижению престижа инженера, но и к замедлению темпов научно-технического прогресса. Словом, как показывают письма читателей, в деле подготовки инженеров, в организации их труда остается еще немало проблем. Так что поставить точку и считать тему закрытой, видимо, еще рано.

В нашей почте особое место занимают письма со Всесоюзных ударных комсомольских строек. И это не случайно: «Смена» постоянно ведет разговор о строительстве новых городов, предприятий, территориально-производственных комплексов.

Совсем недавно произошло событие, к которому строители шли десять лет, — уложено «золотое звено» Байкало-Амурской магистрали. Но все мы знаем: стыковка еще не завершение десятилетнего труда. Предстоит огромная работа по освоению зоны БАМа. Тема эта обширная; одну из ее граней подсказывает Любовь Земляная из поселка Таксимо.

«Хорошо снабжает государство поселки магистрали, — пишет она. — Но БАМ уже встал на ноги. Так дайте ему возможность кое в чем самому о себе позаботиться. Например, в снабжении некоторыми продуктами. Рядом с нашим поселком — заболоченное озеро. Есть торф, плодородный озерный ил, вода. Нет только этому благству настоящего хозяина.

Население в Таксимо — 8 тысяч. Дети. Без свежих овощей — беда. Приспособливаемся.

Сме

Возым торф. Каждый — в свой дворик. Теперь представим то же самое, но очищенное мелиораторами озеро. На сосновом берегу — новая, капитальная школа (строить ее так или иначе придется — времянка от переполнения трещит по швам). Поблизости, на торфе с песочком, сдобреным илом, — парниковый комбинат. И все в комплексе. В соответствии со школьной реформой. А то ведь у нас сейчас сотням подростков не к чему даже руки приложить! Много женщин-домохозяек. Они бы и рады поработать, да негде пока БАМ-то в основном строят мужчины. Хочется, чтоб министерства и ведомства серьезно занимались о гармоничном развитии бамовских городов и поселков, чтоб у каждого из них был единий, рачительный хозяин».

Да, при освоении Сибири и Дальнего Востока возникает немало острых вопросов, трудностей — как объективных, так и порожденных чьей-то неразворотливостью, «ведомственным» подходом к делу, бесхозяйственностью, плохой организацией труда.

Г. Гаджиев приехал на КАТЭК в составе комсомольского отряда.

«Приведу лишь один пример, — пишет он в «Смену». — Наша бригада две недели сидела без дела. Бригадир несколько раз разговаривал по этому поводу с начальником участка, главным инженером строй управления, ходил даже к управляющему трестом. И, что, вы думаете, тот ответил? «Скоря новый год, и за этот год вы еще наработаетесь» — сказал управляющий. И ничего не сделал. Конечно, если руководители будут разговаривать с нами подобным образом, то с каким настроением мы будем выходить на работу? Мы работы не боимся. Но разве мы не можем требовать, чтобы каждый человек — руководитель в первую очередь — занимался своим делом как следует, со всей ответственностью?»

Разумеется, в письмах с БАМа, КАТЭКа, других ударных строек говорится не об одних недостатках, трудностях. Но критические письма подсказывают нам: надо острее говорить на страницах журнала о нерешенных проблемах и не «складывать перья». Пока эти проблемы не начнут по-деловому решаться. Стиль работы, деловитость, ответственность — такие темы будущих публикаций «Смены».

В дискуссии, начатой выступлением писателя Диаса Валеева («Смена» № 2), приняло участие более 1200 читателей журнала. Ее итоги подводят сегодня Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий кинодраматург Евгений ГАБРИЛОВИЧ и редактор отдела коммунистического воспитания «Смены» Борис ДАНЮШЕВСКИЙ.

Корр. Приглашая вас, Евгений Иосифович, принять участие в завершении разговора о том, как жить — согласно идеи или согласно обстоятельствам? — мы передали вам все письма, которые редакция получила в течение года от читателей, внимательно следивших за дискуссией. Писем было действительно много — разных, непохожих друг на друга и по тону, и по мыслим, и по настроению их авторов, остро полемизирующих и соглашающихся с писателем Диасом Валеевым, со статьи которого во втором номере началась дискуссия. Речь в статье шла о двух молодых людях — Николае Дружинине и Юрии Качалине, почти ровесниках, жизненные позиции которых оказались настолько противоположны-

зависимости от тысячи непредвиденных обстоятельств, которые не вписываются ни в заповеди, ни в схемы.

Вот тут и надо бы разобраться в человеке не по заготовленным штампам, а по душе. Вникнуть во все пружины его характера, разобрать все его винтики и сердечные рычаги. И не при помощи общих фраз и общезвестных истин, а, что называется, с глазу на глаз, сердцем к сердцу. Посмотреть на его нравственную основу и на его нравственные принципы.

Корр. Вот именно об этом — о нравственной позиции человека — прежде всего и рассуждают наши читатели. Студентка из Омска Елена Новикова сразу предложила считать вопрос дискуссии «Как жить?»

емые обстоятельства, под тяжестью которых человек ломается, не выдерживая ударов об острые углы жизни. Вот письмо девушки из Чапаевска, которая, скрывшись за инициалами I. A., пишет: «Я с детства верила в торжество разума, добра и справедливости. Но слишком часто за добро мне почему-то платили злом, а несправедливость брала верх. Я не хотела з это верить... но когда меня предали два самых близких мне человека, что-то во мне сломалось... Было невыносимо тяжело: слишком все случившееся противоречило моей натуре...»

Е. Габрилович. Да, я вас понял. Знаете, в силу своего богатого жизненного опыта и наблюдений могу сказать на это следующее: с молодежью надо обо всем говорить честно. В жизни встречаются такие сложные, такие трудные моменты, которые ведут к упадку сил, к разочарованиям, и к отчаянию. Иногда мы это отчаяние начинаем скрывать от других, что, на мой взгляд, совершенно недопустимо. Молодежь надо готовить к трудностям: с каким бы несчастьем, разочарованием ни встретится человек, какой бы сильный упадок физических и духовных сил он ни испытывал, как бы он ни думал, что жизнь не удалась, это всегда временно, проходящее. Пройдет эта волна, наступит нечто новое, начинается новая жизнь.

Корр. И разве не показательно в этом смысле, что свой отклик — да какой интересный! — приспал нам бывший алкоголик, который сейчас находится в ЛТП. Человек все-таки нашел в себе силы лечиться, хотя только сейчас понял, что 30 лет жил зря, потерял семью, друзей, работу. Он цитирует М. Горького: «Уже и маленькая победа над собой делает человека сильнее», — и пишет: «Вот и я понял, что надо становиться Человеком». Запоздалое прозрение в тридцать лет, не правда ли?

КАК ЖИТЬ? СОГЛАСНО ИЛИ СОГ

ми, что привели одного из них — легко и естественно — к твердому убеждению, что и сегодня можно быть революционером, помогая патриотам тех стран, которые с оружием в руках борются за свою свободу, а другого — на скамью подсудимых за тяжкое преступление. Эти две жизни не оставили равнодушными наших читателей. И самое первое впечатление от развернувшейся дискуссии заключается, по-моему, вот в чем: буквально все читатели пишут, что вопрос дискуссии задел их за живое, заставил отложить свои срочные и несрочные дела, задуматься о сути своего бытия и поискать для себя самого ответ на вопрос «Как жить? Согласно идеи или согласно обстоятельствам?».

Е. Габрилович. Я тоже с огромным интересом прочитал материалы дискуссии и почту, которую вы мне передали. Должен сразу сказать, что совсем не хотел бы начинать нашу беседу со слов: «Здесь не так все просто...» или «Это сложный вопрос...». Если же кто-либо, отвечая на вопрос дискуссии, начал бы разговор с этих слов, я бы смело утверждал, что этот человек хочет уйти от прямого и честного ответа.

И все-таки, действительно, как жить? Согласно идеи или согласно обстоятельствам? Казалось бы, в самой постановке вопроса заключен простой и ясный ответ. Конечно, согласно идеи. И, между прочим, все, кто считает себя примерным и положительным, отвечают именно так. И выступают в своих письмах с советами, как быть примерными и положительными.

Однако замечу, что очень легко поучать, а следовать поучениям — это знает каждый из нас — гораздо трудней. И даже самые правильные нравоучения, если они черствы и азбучны, становятся от бесконечного повторения не чем иным, как бюрократической жвачкой, нередкой, к несчастью, на молодежных собраниях. Уверен, что именно эта самая жвачка дает порой совершенно обратный эффект. «Ах, вы ждете, — думает молодой человек, — чтобы я ответил на ваш вопрос, что хочу жить по идеи? Так вот, я назлю вам напишу, что не нужны мне ни книги, ни ваши наставления, потому что я хочу жить не так, как вы наставляете, а как просит душа. А душа моя просит раздолья, шатания в компаниях по вечерам, звона гитар и разбитых окон...» Позволю себе предположить, что именно с такими мыслями жил, катясь по наклонной плоскости к преступлению, Юрий Качалин — антигерой очерка Диаса Валеева.

Когда я читал письма молодых людей, я как бы исследовал их, пытался дойти до истоков их характеров. И у меня создалось впечатление, что те, кто поучительствует в своих письмах в редакцию, выглядят не столь уж ангелами и святыми, равно как и те, кто демонстративно выставляет на общий показ свою «черноту», не так уж черны.

Мне думается, что нельзя размечтать людей только плюсами и минусами. В жизни мало стерильного. Даже самое чистое золото, как верно подмечено в одном из писем, считается 96-й, а не сотой пробы. И — скажу уже от себя — эта проба, если ее измерять человека, меняется в течение жизни, то увеличиваясь, то уменьшаясь, а порой даже достигает и нуля,

вопросом исключительно нравственным. Во многих письмах повторяется мысль о том, что сегодня, как никогда раньше, важно воспитывать в молодых чувство, определяющее их нравственность, — это чувство ответственности. Ответственности за свои поступки и помыслы, за окружающих тебя людей, за события, свидетелем и участником которых ты являешься.

Е. Габрилович. Тем более что жизнь предлагает нам эти самые события на каждом шагу, и не так-то легко в них разобраться, если пользоваться всего двумя мерками: плюсом и минусом.

Расскажу вам историю, с которой недавно свела меня судьба.

Жил-был парень, совсем молодой, инструктор райкома комсомола. Столкнулся он со злоупотреблениями, которые допускал директор огромного комбината. Поднял шум. Прав парень? — спрошу я вас. Прав! Плюс ему? Плюс!

Но тот директор имел крепкие связи в районе и в области, и инструктор вопреки всякой логике был снят с работы. И все-таки продолжал борьбу. Согласно идеи? Конечно. Плюс? Плюс!

У парня была молодая жена, которая горячо вступилась за него. Борьба затянулась, жить им становилось все трудней и трудней. Жена стала нервничать, попрекать его, постепенно сдаваться... Вспыхивали сканы, все чаще, крупней. Парень продолжал борьбу. И вот жена ушла от него. Он остался один, сделалось совсем печально и одиноко. Однако борьбу продолжал. Плюс? Плюс...

Прошло время, жена вдруг вернулась. В слезах и отчаяния умоляла она простить ее. «Я не могла забыть тебя, разлюбить, хотя так старалась», — говорила она, рыдая. — Ты самый лучший и честный из всех, кого я встречала в жизни». Однако он не простил ее. Он сказал, что она его предала в самый тяжелый час, и хотя он по-прежнему любит ее, но с предательницей у него не может быть ничего общего. Прав он? Плюс ему? По идее он поступил?

По идее-то, может, и по идее, а нет у меня четкого ответа. Вот тут-то и надо бы спокойно во всем разобраться. И в нем. И в ней. Вникнуть во все пружины и частности, исследовать все сердечные рычаги. Потому что НАША ИДЕЯ при всех других своих нравственных требованиях предполагает и глубокую ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ.

Это следует помнить всегда, когда речь идет о человеке и его судьбе, иначе под маской идеиности легко соскользнешь в бесчувственность и фарисейство.

Корр. История, которую вы, Евгений Иосифович, только что рассказали, лишний раз свидетельствует, что сама жизнь преподносит часто столь непредсказу-

мые обстоятельства, под тяжестью которых человек ломается, не выдерживая ударов об острые углы жизни. Главное — человек наконец-то прозрел. Значит, осознал, что в нем заложены огромные силы. Человеческий организм вообще неисчерпаем по своим возможностям и часто даже медиков приводят в изумление. Я тоже часто удивляюсь той нравственной силе и тем животворящим импульсам, которые живут в нем. Живут и снова и снова выводят его из кризиса на верный путь. Это должны знать все: нет ничего такого, что может привести человека к непоправимому отчаянию. Все можно преодолеть, все перемочь, пересилить. Но эту органическую уверенность надо в себе воспитывать.

Корр. Мне кажется, Евгений Иосифович, что один из ответов на вопрос «Как жить?» может быть и таким: воспитывать в себе личность! А как ее воспитывать? — могут нас спросить читатели. Кстати, и спрашивают. Вот у меня уже собралась целая переписка с одним молодым человеком, живущим в северном городе Инта. Буквально в каждом своем письме этот Володя просит дать совет, как ему вылечиться от трусости. «Я рохля», — пишет он, — не могу постоять за себя или за знакомую девушку. Я и хотел бы дать сдачи обидчику, но не могу, меня словно что-то держит. Скажите, как мне воспитать в себе силу воли?»

Е. Габрилович. Интересно, и что вы этому Володе ответили?

Корр. Послал ему уже несколько писем, и в каждом красной нитью звучало: «Ты уже достаточно взрослый человек, чтобы самостоятельно осмысливать ситуации и отвечать за свои поступки. Пора брать жизненные заботы на свои плечи, а не сваливать их на близких или на «доброго дядю». Нельзя всю жизнь прожить по чужой подсказке. Необходимо наконец-то почувствовать себя человеком, а не улиткой.

Злостному обидчику, если уж до того дошло, можно дать и сдачи, пусть знает, что ты умеешь и готов постоять за себя. А главное — быть ближе к людям, не сторониться и не чураться их, а учиться понимать. Потому что к нам обычно относятся так же, как мы сами относимся к другим».

Е. Габрилович. Вы знаете, мне хотелось бы несколько обнажить истоки этого тревожного явления, которое кто-то из ученых справедливо назвал «соци-

альным инфантлизмом». Когда я читал почту, у меня невольно появилось ощущение, что многие молодые люди и задают свои вопросы вам, молодежному журналу, потому что заражены уже этой болезнью. Я встречаюсь с ними и вижу: их вплоть до совершенного летия весят ручку и постоянно винчали, что они еще маленькие, что все в жизни дается легко и просто. Вот отсюда, кстати, и эти вопросы: «Как жить?» — все-таки они ведь понимают, что живут не так, что надо что-то менять в себе.

Мне приходилось вести подобные разговоры и с родителями, которым я говорил, что не надо приучать своих детей к легкой жизни. Они мне отвечали: «Слушайте, мы с вами прожили трудную жизнь. И мы хотим, чтобы наши дети не знали тех трудностей, что выпали нам». Это, конечно, суждение неправильное. Родители, рассуждающие так, как раз и воспитывают в своих детях эту самую инертность, инфантальность, амебообразность. Парень не может защитить свою девушку, потому что в нем никто не воспитал нравственной сопротивляемости, способности бороться. Мы часто употребляем это слово «борьба» и подразумеваем борьбу политическую, социальную, а не следуют забывать и о борьбе за самого себя. Надо бороться и за свою жизненную позицию, и за свои убеждения, и за себя как за человека, которого не сломят обстоятельства жизни, никакое дуновение ее. Хотя достаточно пройтись по коридорам ГИТИСа, где я преподаю, во время экзаменов и наблюдать за абитуриентами — многие впадают просто в чудовищное отчаяние от несданного экзамена. А ведь ничего не потеряно. Сильная личность должна понимать, что не сегодня, так завтра можно будет добиться успеха. И то, что у нас есть такие молодые люди — это упрек и нашей общественной работе, и всем, кто старается стереть сложности,

ему сердцу? Она, девушка правильная во всех отношениях, комсомольский вожак, оказывается лицом к лицу с определенными нравственными проблемами.

Кстати, я обратил внимание, что в почте дискуссии немало писем-откликов от девушек. И в том числе от тех, кто еще не нашел своего места в жизни, кто колеблется с парнями по улицам. Я задумался: чем это объяснить?

Объяснений довольно много, и я боюсь заблудиться в них. Остановлюсь на одном, которое кажется мне пусть не главным, но вполне убедительным. Все это происходит не всегда от распущенности, грубости и даже безжалостности современных молодых представительниц слабого пола, а, как это ни странно, от ЧУВСТВА НЕЗАЩИЩЕННОСТИ. Это защитная реакция, оборонительное стремление подделаться под общий тон компании, с которой проводишь время. Это естественный результат вечной (и как бы даже узаконенной бытом) иронии над мягкостью, нежностью, ранимостью. Парень боится быть обвиненным в рыцарстве, девушка опасается прослыть стеснительной, кроткой, нежной. Задразнят! В моде мускулы, сила, уверенность в убедительности тумаков и затрешина.

А в итоге — бесчувственность. Смех и свист в кинозале в момент наиболее драматических сцен. Парень стыдится быть с девушкой любезным и даже попросту вежливым. Он не ухаживает за ней, «клейтся». Придумали же такое точное слово. Именно «клейтесь».

В школе им рассказывают о романтиках и мечтателях, помилован даже Грин, а во дворе, на улице, на жаргоне гитарных компаний мечтания — это «муть», нечто самое дырявое и слюнявое на свете.

И словно бы в унисон с ними в одном из писем с высоты «идеинности» его авторши звучит презрение к девушкам из общежитий, которые украшают свои комнаты всевозможными чебурашками, вышивками, а на окнах — вы представляете! — занавесочки.

Знаю я эти куколки и чебурашки, встречал их не раз в общежитиях. И не только на стройках, но и на фронте. Видел, кстати, как-то на Курской дуге, в палатке, где жили две летчицы, известные всей стране. Да, были тут и куколки, и кружевца, и

главному для себя делу. Между прочим, в этом он напоминает мне Николая Дружинина, который тоже твердо знает, чего хочет в жизни, верен своей мечте. Но мы ведь сегодня говорим с вами не только о людях дружининского типа, а и о тех, кому он противостоит как личность — о кочалиных, о «примыкающих», у которых, собственно, нет осознанного стремления к достижению какой-нибудь жизненной цели, о тех, о ком в народе говорят: «Живет, как трава растет».

Корр. Они, кстати, тоже прислали нам свои письма-отклики на дискуссию и, между прочим, тоже рассуждают о счастье.

Е. Габрилович. Это и естественно, и понятно. Вот им-то я как раз хочу сказать следующее: знаете, друзья мои, прожив немалую жизнь, я отчетливо вижу, что то, что мы так восторженно подчас называем счастьем, конечно, прекрасно, но, увы, бывает быстролетно. Счастье не может существовать постоянно, оно как вспышка, как всплеск. Это «пики» жизни. Но между «пиками» лежат пространства, достаточно ровные. Это и есть сама жизнь.

Мне кажется, что прочное счастье на этих ровных пространствах есть увлеченность: работой, творчеством, семьей, жизнью вообще и — всем, что она нам приносит. Любимым делом — оно может быть самым маленьким и простым, трудным, обыкновенным, однако таким, к чему бы притягивалась душа. И светилась при этом. Без этого жить глуховато.

Как найти это желанное дело? Как прийти к нему? Скажу прямо: не без усилий. Жизнь вообще состоит не из зефиров. Много есть колдобин и препятствий, которые на протяжении долгих лет, с юности и до седин, стерегут человека. Счастье само никогда не придет, даже если вы примерно следите всем нормам производственной и общественной жизни.

«Если я как человек вполне сложился, — пишет в своем письме один из участников дискуссии, — состоялся как личность, то какими бы большими и страшными ни были волны, набегающие на остров моей жизни, мои отношения с миром будут вполне ясными и четкими».

Не зарекайтесь, мой друг! Посмотрим, что скажете, когда придут действительные, а не воображаемые волны!

ИДЕЕ ЛАСНО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ?

которые появляются на пути молодых, и тем самым приводят их к осознанию того, что все прекрасно, что им самим уже ничего не надо делать для своего счастья — все, дескать, придет и так. В то время как нужно «из себя» сотворить себя. Я убежден, что истинное воспитание — это прежде всего побуждение к самовоспитанию. Опыт самовоспитания, которым воспользовались многие талантливые люди, известные мне, подтверждает: человек не должен, просто не имеет морального права винить в своих неудачах или провалах обстоятельства жизни, а тем более оправдывать себя и свои поступки этими обстоятельствами, идти у них на поводу. Выбрал себе дорогу — ступай по ней твердо, настойчиво, и ты скоро сам поймешь, что стал человеком, несущим в себе твердую духовную и нравственную позицию.

Корр. При этом она должна быть обязательно активной. В противном случае это будет не позиция, а поза. Ведь нельзя же быть нравственным только для себя, что называется, замкнувшись в себе. Человека касается все. В связи с этим хотелось бы вспомнить некоторые ваши фильмы, такие, например, как «Машенька», «Коммунист», «Твой современник». На мой взгляд, они прекрасно и убедительно отвечают и на вопрос дискуссии «Как жить?», и на вопрос, который мы сейчас с вами затронули: как же становиться активным, воспитывать в себе личность с малых, юношеских лет?

Е. Габрилович. Да, мне приятно вспомнить свою первую картину «Машенька» — это 30-е годы, это картина моей молодости. То было время, когда ношение галстука считалось позором для комсомольца, я уж не говорю о крашении губ и т. п. Комсомольцы были люди, непоколебимые в своих идеальных убеждениях. Вот и героя фильма мы старались показать именно такой: чистой, романтической, прямолинейной. Ей 18—19 лет, она член партии, и жизнь она воспринимает по-своему: у нее нет ни сложностей, ни сомнений в понимании путей, по которым она пойдет, ни в суждениях о жизни. И вдруг она сталкивается с ситуацией, когда любимый человек изменяет ей с ее лучшей подругой. Так происходит первое ее столкновение с самой жизнью, столкновение ее идей с обстоятельствами жизни. И перед ней вопрос: чему следовать — своей идентичности или сво-

цветочками, и мечты о замужестве и будущих ребятишках. И что? Как не хватает нам всем порой среди множества звонких фраз вот этих искренних, тихих слов о семье и домашнем уюте! Я вижу в этих цветочках и кружевцах среди грома и гибели войны нечто извечно женское, трогательное и удивительное, я вижу ПОДЛИННОСТЬ этих двух юных женщин. Как желал я тогда, чтобы те их фронтовые думы в военной палатке с подушечками и цветочками осуществились! Увы, обе они погибли. Во славе великого, но вовсе не женского дела. Они совершили героический воинский подвиг!

Корр. Евгений Иосифович, вот еще один виток нашего разговора: нравственная позиция человека обязательно проявляется в деле, которым он живет. Наше время, как никогда, требует людей деятельных. Людей, утверждающих себя не словами, а поступками. Таких людей сегодня очень много — это первооткрыватели космоса, это те, кто в свои молодые годы построил «дорогу века» — БАМ, это доблестные воины, зорко охраняющие наши священные границы, это молодые работники сельского хозяйства, выполняющие Продовольственную программу... Все они смело могут называть себя продолжателями дела Павки Корчагина, молодогвардейцев, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло, Сергея Чекмарева. Кстати, в его дневниках нашел я однажды замечательные слова, очень подходящие к нашему разговору о выборе места в жизни. «Для счастья, для самого личного счастья человека, — написал он, — необходима горячая привязанность его к какому-то делу и какой-то проблеме, к какой-то «идее»... И если человек страшно желает достигнуть какой-то цели, если его желание не дает ему покоя, если он ночи не спит с этой страстью, тогда удовлетворение желания приносит ему такое счастье, что весь мир кажется ему сияющим, земля поет под ним. И пусть даже цель еще не достигнута, важно, чтобы человек страшно желал ее достигнуть, мечтал, горел этой мечтой».

Вот, по-моему, ясное и четкое понимание цели своей жизни и счастья, сделанное, кстати, молодым человеком в возрасте 22 лет.

Е. Габрилович. Что ж, вы привели пример цельного человека, способного подчинить все свои мысли, повседневные действия и поступки какому-то одному,

мещанство, на мой взгляд, совсем не в куклах, не в чебурашках и не в цветочках на окнах. Мещанство в уверенности, что ты все знаешь и понимаешь, что тверд, как скала, и можешь судить и миловать с высоты своей безупречной непогрешимости.

Корр. Мне хочется вслед за нашим постоянным читателем Владимиром Федоровичем Рудневым из Москвы повторить слова Алексея Максимовича Горького: «Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую». Прекрасные, по-моему, слова, очень точно и емко отвечающие тем, кто ищет ответ на вопрос «Как жить?». Кстати, я хорошо знаю самого Владимира Федоровича Руднева, немолодого уже человека, пенсионера, который не представляет своей жизни без того, чтобы не отдавать частицу ее другим людям, помогая им и теплым словом и конкретным добрым делом.

Е. Габрилович. Конечно, в жизни каждого человека должна быть ведущая идея, во имя которой он живет. Жить согласно идеи! Казалось бы, четко и просто. А вот не просто!

Наша страна проводит невиданную работу по духовному изменению человека и обновлению общества в целом. Постепенно входят в души и сердца людей великие, справедливые нравственные нормы. Не случайно многие читатели, приславшие письма в редакцию, связывают ответ на вопрос «Как жить?» с размышлениемами о мире, с борьбой за сохранение мира на планете. Я уверен, что в этих письмах нет лицемерия. Хотя их написали люди, которые слыхом не слыхивали, что такое война, и не видели ее подлинных ужасов.

То, что наша молодежь с такой горячностью и энергией занимается твердые позиции борьбы за мир, свидетельствует, что она находится на передовой линии строительства коммунизма — нашей общей прекрасной и светлой идеи. Но, повторяю, на пути к ее осуществлению у нас еще множество трудностей. Надо бороться и помнить, что жареные утки не летят сами в пот — придется еще многое претерпеть и быть готовыми к любым испытаниям. Тем более, что именно в испытаниях крепнет и мужает человек.

Корр. Большое спасибо вам, Евгений Иосифович, за участие в нашей дискуссии.

H

ачалось с того, что среди бела дня посреди комнаты повис на невидимой паутине громадный паук.

— Быть беде! — побледнел отец, только что возвратившийся с работы. — Весь идет нехорошая, зажми ее в дымоход!

И как в воду глядел: к вечеру принесла почтальонша Блошка телеграмму. Сунула в руки отца листок, склеенный бумажной же полосочкой, не потирахтела, как обычно, лица не показала и упрыгала в поселок.

А наш сухонький отец сел на завалинку, разорвал полоску и расправил телеграмму на коленях. Прочитал и уставился в землю.

Мать зачумяла недадное, подобрала телеграмму и прочитала ее по складам вслух: «Скоропостижно умер отец похоронили без тебя виду удаленности дом усадьбой требуют раздела приезде решай сам Сипеевы».

— Ах вы ж, сурки, — взревел тут отец, сминая телеграмму. — Когда сообщили! Не могли сразу, как заболел! Про телеграф вспомнили, а самолет забыли? Толстопятые самовары! Сероштанники! Обыватели, всех бы вас в дымоход!

И так он кричал трое суток, все в том же духе.

Наше семейство притихло, глядя на разъяренного хозяина. Но особых переживаний никто не испытывал. Жалели отца, у которого от приступа бешенства лицо простегивалось морщинами вдоль и поперек. Семья удивлялась, что ярость хозяина такая бурная: с далекими курскими Сипеевыми его связывали слабые узы, покойник не питал к родному сыну особой любви, и родня со стороны мачехи поступила разумно, отдававшись телеграммой. Семья помнила последние ссоры отца с его папашей. Те безобразные стычки развели этих вроде б родных людей навсегда. И особой печали отец не должен был ощущать. Самолюбие, конечно, задето, сыновние чувства как-никак. Но ненадолго ж — не те уже годы, чтобы бушевать. И действительно, на четвертый день в семье уже решался вопрос о наследстве.

— Да я ни пяди им не отдаю, — не унимался отец, скимая острые кулаки. — Разделяю куркульский их двор! Насолю специально, чтоб попрыгали. Поняли, какая все же личность, не смотри, что далекая.

— Перестань, Коль, — мягко вступалась мать. — Проявишь великодушность, тогда больше поймут.

— Правда, батя, — поддержал маму я. — Зачем тебе лишние хлопоты? Курск не ближний свет все-таки. Нашему брату не под силу собраться и добраться в один день туда: они это прекрасно знают.

— Если бы там была родня, пап, — страдательно заметил Юрий, — а то так...

— И при отце вы были с мачехой чужие люди, — проговорила Алевтина. — А без отца пойдут распри страшнее атомной войны.

— Непонятно, как они вообще сообщили, — рассудила наша младшая. Ластик, — не подвох ли какой там? Не обхаживают ли тебя, пап, чтоб разжалобить, на великодушии сыграть?

Отец будто налетел на стол после этих слов. Смял в какой-уже раз телеграмму и крутил глазищами, переводя взгляд с одного домочадца на другого. Перед ним собралась вся его семья, но были в далеком Курске и другие вроде как родственники. И в первый раз он ощутил себя над всеми Сипеевыми старшим. Холодок затомил под сердцем — мятный, колючий, ползкий: нет больше бати, Изота Михайловича Сипеева, сам стал теперь во главе рода. Получилось, как на фронте:

Иркутск — Слюдянка. Будто понимала попрыгушка, что в Сибири привольнее будет жить.

И в самом деле, здесь как-то незаметно стала поправляться ребятня на картошке, грибах, свином сале, ягодах и орешках. Сам Николай Изотович клал печи на станции и полустанках Прибайкалья. Жена вела домашнее хозяйство, а ребятишки учились. Он видел детей ночью да рано утром, следить за учебой было некогда, тем более в старших классах, до которых сам не додел. Но они молодцов: старший, Евгений, в институте; Юрий овладевает в лесотехническом техникуме специальностью технолога по деревообработке; Алевтина и Ластик пока бегают в школу, обе учатся хорошо. Побледнела над книжками младшенькая: читает запоем, как Женяка, стихи сочиняет и готовится поэтическим постом старшего, перекатишика.

Зато Алевтина себе на уме — в мате: туяга, ровно кочан капусты, хозяйственная и одевается уже по моде. Ну, дочери все равно в будущем — отрезанный ломоть. Другое дело сыновья, надежда и опора!

И он даже подтянулся, как в строю перед объявлением благодарности от командования. А что, разве это не заслуживает доброго отзыва — вырастить двух таких будущих бойцов? Юрочка — выпитый отец, худенький, но жилистый, остроглазый и мастеровитый. Баян с детства полюбил, у поселковских баянистов обучился игре, в техникуме закрепил музыкальную грамоту. Мог бы сопровождать своей музыкой вечную мечту отца — яркий цирковой номер: «Сипеев с сыновьями в чудесах наяву! Спешите видеть! Персонажи русских сказок! Конь-огонь! Скачки под куполом цирка! Русалки на золотых деревьях! Погоня за ведьмой на метле! Живая вода и мертвая! Молодильные яблоки! Отведайте, кто желает!.. Парень, молодуха, пионер и даже старенький пенсионер! Брильянт грун-алле! Сипини Николай и сыновья! Эх...

Хотел в войне нажиться,

До чина дослужиться

И в рыцарских доспехах

В Берлине щеголять!..

Да не спится, не лежится,

И все в глазах двоятся

Могила в два аршина

С березовым крестом!

Ох-хо-хо-хо-хо!..»

Николай Изотович глубоко вздохнул, почесался в кудрях и скосил глаза на старшего сына, который уклонился в свою книгу, будто высказался и больше его не касалась семейная сходка. «Вот частично из-за кого сорвался номер! — уныло подумал Николай Изотович. — Много и других причин, не спорю, но без поддержки грамотея Женеки какой цирк?» Отец чуть заикался перед своим первенцем и находил, что его старший выдался в деда, чьего имени терпеть не мог. А такой же крепкий, ширококостный и подозрительный. Захотел учиться на геолога, окончил школу с медалью и добился своего. И презирает чуток отца за неудачливость. Сколько ни бился над ним родной батя, не смог полностью переломить в свою сторону, чтоб пошел учиться на циркача и отцу потом облегчил путь на арену. Держится матери. Ее надежда и защитник. Даже на баяне играть не стал, как ни просил отец. Не говоря уж про фокусы, к которым хотел приспособить старшего

“БРИЛЛЬЯНТ ГРЮН”

Геннадий МАШКИН

РАССКАЗ

вышел из строя командир взвода, командуй, помкомвзвода! И странно, и горько, и страшно, когда заступаешь на место старшего. Какой бы ни был папаша ветряк, пропойца, изменник, а все же родная кровь! И куда бы ни уезжал Николай Изотович Сипеев из родных мест, везде помнил про батю. Всегда возле сердца был какой-то горячий родничок, про который и семья-то свою не догадывалась. Жена думала, что ее Никола навек рассорился со своим папашей. Да разве с родным батькой можно так? Всегда гнездилась мыслишка, что папаша образумится с годами, снизойдет до Кольки и его семьи и станут они всем кагалом жить в Курске.

Но Изот Михайлович не помягчел до самой смерти. Заглох поэтому родничок у сына, не дав реки, которая принесла бы его к родному порогу. Вот и сейчас мятная хладость в груди. Знобит, хоть за окнами солнце палил вовсю, разомлели воробы на распустившейся черемухе, марево дрожит над крышами поселка и девственно-зелеными Иркутными лугами. А рядом жена пригрелась в ситцевом пестром халатике, Женяка в любимом тренировочном костюме с белой полоской на шее полистывает какую-то книжонку, Юрий в одних трусах и майке развалился на диване собственной конструкции и изготовления. Алевтина уже развязала шелковый шнурок на груди, а Ластик сдувает капельки пота с лица, выдыхая низко губу сошников.

Только у самого леднеет сердце от тяжких раздумий. Папаша закончил свой земной непутевой путь. Да подумал он хоть перед смертью, что свалится на плечи родного сына?! Поманил наследством! Как теперь соединить Сибирь и центр России? Там все дорогое до слез, но будто в дальнем синем мареве-дымке. А тут все на глазах, на ощупь, весомо, родно. Все здесь связано крепкими вязками с семьей и стало вдруг дороже во много раз и родней. Каждая щербинка в штукатурке стен — сам штукатурил, а сыновья помогали. Мебель тоже делалась сообща — столов, табуреток, телефонер, деревянные кровати, этажерка. А покрывала да занавесочки изготавлива жена с дочерьми. Семья не покладала рук с тех пор, как они обосновались в Иркутске. Намучились в Курске у родни, так рады были и этому углу в бревенчатом бараке на отшибе города в полупоселке-полудеревне Заливановка. Жена тогда, в пятидесятском году, после отъезда в Сибирь, расцвела — румянец до сих пор не сходит со скул, глаза переливаются смоляным отливом и ноздри подергиваются, как у хозяйки, которая знает себе цену и вся на страже благополучия своего выводка. А ребятишки как рады были уехать тогда, в пятидесятком, из Курска, из большого, но неуютного дома деда. Даже младшая, Ластик, чувствовала неприятность дедовского дома. «Едем от деда мы без обеда! — прыгала она от радости, когда отец после очередной ссоры со своим папашей и мачехой завербовался на строительство железнодорожной линии

отец. Юрий хоть на баяне выучился, а Женяка бросил еще в школе: «Нужна мне эта бандура, и про фокусы ты, батя, даже не заикайся! Время мое для книг!»

Юрка все же уважительный парнишка. Университетов не стал домогаться, пошел в простой техникум, а в свободные часы — отцу помощник. Хороший будет столяр и печник, только б старший, насмешник, не смеялся б над младшим. Ну, что тут зазорного — печи класть, людей обогревать? Нет же, скалит зубы, чуя чего: «Баянист-столярист с печным уклоном!» Толкает брата всерьез учиться дальше. Да зачем в каких-то там университетах чахнуть, когда и так баян в руках, как игрушка, и любого, прямо как гипнозом, завораживает Юркина игра. Не говоря уж, какие мебели может сварганить! Оно бы при добром раскладе можно подучить и Юрия. Да, в беспокойных переездах пришлось Николаю Сипееву со многими мечтами распрощаться. Перевелся сипеевский талант на каждого ненавистные низкие заботы, и не сговорил он многих чудес, какие ему полагалось согласно прозвищу Фокусник.

«Но теперь ты полноправный наследник такого дома! — Охгла скомканная телеграмма. — И можно еще взлететь высоко в глазах как своих, так и тех, курских».

— Что ж, разломай меня хоть до фундамента, — высказал наконец он, — батю и впрямь не вернешь... А нам жить надо! Мачехе с ее сыночком придется все же со мной теперь посчитаться!

— Оставил бы ты их в покое, Коль, — пыталась протестовать хозяйка. — Пусть пришлют нам чуток денежок за дом и живут с богом!

Но Николай Изотович отмахнулся от жены, набычившись, заходил по комнате и стал развивать перед семьей свой план. Сколько ни ездил по белу свету, говорил, а на родину тянет. В Сибири холодно, даже дальней родни нет никакой и жизнь дороже, чем на западе. Особенно если учесть, что свой дом есть свой, да еще материнский и отцовский.

Я отставил Гражданский кодекс РСФСР: разговор приобретал действенный оборот — надо было быть начеку.

— Если б одним нам жить в нем! — охнула мама. — Да не уйдет же твоя мачеха из насиженного гнезда, Николка.

— Выкупим, — отрезал отец.

— За какие шиши? — урезонила мама.

— Займем! — выдохнул отец. — Обтрясся всех друзей на такой случай.

— А не согласится мачеха продавать свою часть?

— Отгородимся, — рыкнул отец. — Учи, я теперь старший в роду! Поселю их в одной комнате, как они нас тогда...

— Что геологу делать в своем Курске? — заявил я, хмыкнув. — Нас же, в частности, ориентируют на сибирские условия.

Рисунок
Вениамина
КОСТИЦЫНА

Отец кротко остановился передо мной, моргая, как от горького чада. Он смерил меня прикидным взглядом, будто задымившуюся печку.

— Не может такого быть, чтобы у нас там не нашлось применения твоей голове по интересу, — ответил он раскатисто и сощурился. — А кроме того, ты окажешься куда ближе к Питеру.

— Это не определяющий момент, — пробормотал я, натягивая на себя личину наблюдателя. — И вообще расстояние здесь ни при чем.

Но отец как старый фронтовик-разведчик уже сообразил, что нанес крепкий удар по сыну. Все в доме знали о моей дружбе с Кирой Циферовой, вспыхнувшей в десятом классе. Вслух не говорили по увлечению их студента, но многоизначительные подхихивания сестренок были красноречивей слов. Проказницы прочитали, конечно, и дневник брата, как тщательно ни прятал я эту невзрачную общую тетрадь, правда, испанную четким почерком, с рисунками, виньетками и подчеркиваниями. Прочитали и доложили родителям, о чем затавлено думает их будущий инженер-геолог, о чем мечтает, что чувствует, как относится к друзьям Калику и Феде и в особенности к надменной Кирушке, уехавшей из посконной Сибири учиться аж в Ленинград.

И все домочадцы поняли, что хозяин берет верх, его трудно остановить.

— Когда же ты собираешься ехать в Курск? — оторвал Николая Изотовича от раздумий вкрадчивый голос жены, которая отвлекала на себя внимание хозяина, чтобы старший сын мог сосредоточиться для ответного хода.

— Жалко, отпуск использовал, — закачался отец, — а то бы на днях и махнуть... Без содержания не дадут — самое ремонтное время!

— Отпусканье промотала я, — пригорюнилась жена. — Ластику платьице спротивила, Алевтине саложки «со смехом» — мода пошла, Юрочке на ремонт баяна пришлось добавить. Жену книжки выкупил подписные... Дети — одно разоренье, сам знаешь, Коль. Можешь посчитать.

— Да знаю, чего там пересчитывать... Подхалтурить придется вечерами, до следующего отпуска подкоплю деньжонок.

— Правильно, отец!

— Вот это по уму!

— За год мало ли что случится...

Николай Изотович, присевший было на стул, подскочил, будто под ним оказался гвоздь.

— Ничего не случится! — выкрикнул хозяин, и по лицу его запрыгали гребешки. — Две беды подряд, что ли?

— Не в том дело, Коль, — мягко стелила хозяйка. — Тот дом может тебе в такие затраты влететь, что легче новый купить!

— Дед не зря без завещания помер, — вторил я глубокомысленно. — Явно лягнуть тебя напоследок хотел!

— Чтоб ты начал грызню из-за имущества, отец, — поддакнул Юрий.

— Перестаньте покойника охавивать! — прикрикнул отец. — Я ему сын родной все ж таки! И совесть у него была, хоть и глубоко запрятанная.

— Да мы что, — заволокла Алевтина резкость отцовских слов своим голосом, — мы тебя не хотим дать в обиду, папа. Следовательно, прислушайся к нашим советам...

— И на всякий случай ознакомься вот с соответствующими статьями по наследственному праву, — добавил я и потряс книжечкой.

Николай Изотович походил между женой и детьми, обрушивая на каждого самый неистовый взгляд: не заговорил ли против него в семье? Но лица родных оставались спокойно-сочувственными. Можно было продолжать совет. И он, подозрительно косясь на старшего, с опаской взглянул на заглавие книжонки. На обложке невзрачной этой книжечки было выписано красными буквами строгое название под гербом: «Гражданский кодекс РСФСР».

Раскаленными головнями ссыпались на Николая Изотовича казенные слова, которые вдруг стали определять его связь с родным гнездом. Да, его Женя не лыком шел: подготовил-таки мину, знает, буквоед, что отцу-недоучке вся эта писаная законность — острый нож к горлу.

— Ну, почитай, — попросил отец сына упавшим голосом, — что там сказано относительно нашего случая.

— Твоего случая, пап, — уточнил я, раскрыл кодекс и начал нараспев излагать соответствующие статьи о правонаследовании.

— Признается, что наследник принял наследство, когда он фактически вступил во владение наследственным имуществом или когда он подал нотариально-му органу по месту открытия наследства заявление о принятии наследства.

Указанные в настоящей статье действия должны быть совершены в течение шести месяцев со дня открытия наследства.

— Выходит, надо подавать заявление? — раздумчиво протянул отец, которому составить любую бумагу тоже было, словно серпом по сердцу.

— Да, батя, придется писать самому, чтоб начать раздел, — заметил Юрий. — А то попадешься, как кур в оцин!

— Ну, ботать — не работать, — произнес отец хорохристо. — Как-нибудь нацарапаем.

Я удовлетворенно обмахнулся книжечкой, мигом нашел другую статью и прочитал все с той же пародийно-судейской певучестью:

— «Не допускается принятие наследства под условием или с оговорками».

— У меня только одно: чтоб дождались меня,— буркнул отец.— Не ближний же свет. Сезон ремонтный. Надо же печи по всей дистанции отремонтировать, чтоб зимой люди не кляли печника.

— «Статья пятьсот сорок семь. Продление срока для принятия наследства».— Я многозначительно поднял книжечку на уровень глаз, будто давно знал о существовании такого раздела, да чуть подзабыл.— «Срок для принятия наследства, установленный статьей 546 настоящего кодекса, может быть продлен судом, если он признает причины пропуска срока уважительными...»

— А у тебя разве для суда уважительные причины, Коль?— подала голос мама.— Суду на твои печки наплевать.

— А на меня?— зарычал на жену хозяин, будто она была на стороне мачехи.— Или я не ждал столько лет отцовского вызова, чтоб примириться с ним? Или сердце мое — курушка, чтобы сразу за наследством кидаться? Или у рабочего человека два отпуска в году? Или же из Сибири до Курска рукой подать?!

— Да, папа, у тебя причины веские,— вмешалась Алевтина, незаметно подмигивая остальным,— только ты напиши нотариусу подробное письмо с объяснениями, почему сейчас не можешь принять наследство, и что приедешь в следующий отпуск по этому вопросу с некоторым опозданием. Да отправь с уведомлением!

Отец нашупал в кармане душегрейки узкую пачку «Дымка», чиркнул зажигалкой и закурил, тяжело посыпав ноздри.

— Предупредить надо... Пусть помнят: в Сибири живы-здоровы наследники. Не шутка — дом о трех комнатах, с флигельком, застекленной теплой верандой, на каменном фундаменте, двор, огород, сад... Здесь когда еще подойдет очередь на благоустроенную, а там свой дом!

Из окон видны пригородные сады, сады... — зашлась жена в долгом вздохе.

— Так чего откладывать, — засуетился отец, — сейчас и написать письмо! А?

— Пиши своим почерком, батя, — зевнув, заметил я, — и своим языком, чтоб в случае чего надежно было.

Юрий развел руками, на которых волнисто взыграли пальцы, всем своим видом давая понять: «Тут, отец, я не помощник тебе».

Алевтина сказала, что с этими разговорами они совсем забыли про огород, картошка останется недосаженной.

Ластик тут же сорвалась с места и загремела на кухне ведрами.

Отец смотрел на детей с грустью: им не хотелось связываться с отцовским наследством. Курское прошлое тяготило их. Они привыкли к здешней земле. Свое будущее мыслили только здесь. Из приличия лишь сочувствовали терзаниям отца. «Но я-то сам хозяин здесь или нет? — спросил себя Николай Изотович и ответил, набычившись: — Глава я! И должен вывести детей к благодатному берегу! И рыба выживает в неблагополучном озере, да мельчает при этом. И треба вернуть ее в родную воду, чтоб выросло до прежних статей! И разве не благое дело — вернуть детей своих на землю предков?»

А сыновья и дочери торопились к выходу, теснясь в дверях, незлобиво поругиваясь и шлыняя друг друга на ходу. Девчонки не уступали парням. «Совсем как маленькие, — подумал Николай Изотович, закуривая новую сигарету. — И плрут, как малыши... И по старинке никакой печали. Вот чего ты добился, Изот Михайлович! Внукам твоя смерть, будто пуговица оторвалась от старой телогрейки. Не хотел бы я такого конца и подобной памяти».

Порастяся и Николай Изотович Сипеев свой отцовский авторитет в неудачных порывах, напрасных надеждах и нелепых выходках. Все старался как лучше, а получилось хуже. Себе хотел подъема на должную высоту, детям — справной жизни. А получилось: сам скатился в Сибирь, жене испортил столько крови, а дети выросли на подножном корму. И сейчас они ловко отделались от отцовской заботы, с шуточками и прибаутками пошли засаживать огород. А ведь не работа уже для них это, просто случай вспомнить свое картофельное детство, привычка, как у него к куреву, правда, иного рода.

Он припал к оконной раме, озирая огород. Всего-то пять соток, окруженных серым частокольчиком. Но если вовремя покопаться на этом пятнышке, то к осени он щедро покроется кустиками картофельной сочной ботвы, потянутся к солнцу грядки помидоров, подпертыми палочками, зарадует глаз зеленая щетина лука, полезут из рассадника огуречные плети и снова взгляд притянут к себе кучерявые рядки картошки... Она, родимая, и выручала всех до войны, во время и после. И дети шли сейчас по пустынному огороду осторожно, как танцоры по сцене. Прошлогодней пожухлой картофельной ботвой они восхищались сейчас больше, чем внезапной жизненной окрыленностью своего отца. Они уже не верили, что их папаша способен послить семью на законных основаниях в наследственном доме, где в огороде прямо на грядках зреют помидоры, а яблони протягивают в окна антоновку и золотой налив.

— Эх, брильянт греческий!

— Тише вы — услышит...

Они покосились на окна, засмеялись и перешли на полголоса.

— Пусть их, — виновато заметила жена, — повырастали — никто им теперь не указ.

— Нет, я укажу, — забормотал Николай Изотович, глядя на солнечное пятнышко-зайчик на стене от надраенного ведра в огороде. — Пусть не думают... Если в грамоте родителей перешёголяли, так отец и не нужен? Пусть не зазнаются! У меня с моим стариком получилась катавасия, так это не довод! Я наверстаю! Это здесь я растерял силу. А там соберу... На родной земле все возвратятся. Там я натворю... Вспомнят еще Фокусника! Его Брильянт греческий! Не на манеже, так в жизни!

И под ахи жены Николай будто выдернулся из воздуха синью авторучку. Потом приблизился к солнечному зайчику и вроде снял его со стены — в руках его оказался чистый листок бумаги. Вот уж воинству Сипеев-старший был на подъеме: давно ему не удавались такие чудеса. Видно, от напряжения мыслей, боли сердца и нервной встряски вернулось к нему на миг фокусное чудодейство. Правда, авторучка с расколотым колпачком не писала, сколько он ни встрихивал ее. Пришло же искать в портфеле Алевтины ее вечное перо.

Николай Изотович же в это время осторожно подтянул к себе кодекс, оставленный на столе, и раскрыл его на заложенном красном карандаше. В глаза бросилась жирно подчеркнутая статья 550. «Отказ от наследства». Взгляд неодолимо повел вдоль строчек, словно мастер печного дела выискивал изъян в фигурной кладке. Но в этом Гражданском кодексе все было сцеплено по уму.

«Наследник по закону или по завещанию в течение шести месяцев со дня открытия наследства вправе отказаться от наследства. При этом он может указать, что отказывается от наследства в пользу других лиц из числа наследников по закону (статья 532) или по завещанию (статья 534), в пользу государства или отдельной государственной, кооперативной или общественной организации...»

Наследник задумался над чистым листом бумаги. Надолго задумался. До самого того момента, как, глубоко вздохнув, написал заявление об отказе от своей доли наследства в пользу мачехи.

ЗЕМЛЯ МОЯ — СУДЬБА МОЯ

Сергей ЗОЛОТОВ

Замкнутый круг

А тишина...

Такая тишина,
как будто нет ни норда,
ни зайд-веста.

О борт тихонько шлепает волна,
а мы...

Мы не находим себе места.

Нам неуютно с этой тишиной.

Мы ищем даже в ней приметы шторма.

— И месяц что-то вроде не такой...

— И тучи на закате были черные,
а солнце в них садилось.

Ты видел?

— Вот-вот...

— А у меня колено ноет...

— Барометр еще вчера упал...

— И чаек тоже что-то беспокоит...

А море сонно плачет за бортом,
обманчиво спокойно и покорно.

Так и живем.

Сначала — шторм.

Потом...

Нет-нет, не штиль —

лишь ожиданье шторма.

Рейс как рейс

Упрямое море нас качало
все девяносто дней.

Оно, злорадствуя, ворчало:

— Вам не видать своих причалов,
посмотрим, кто сильней!

И все штормило,

все штормило,

зля самое себя.
Волною в борт нещадно было,
все, что лежало плохо, смыло,
в пучине погреба.

Но мы упорно пробивались
сквозь этот рев и вой.

И только желваки вздувались,
когда вершины волн вздымались
у нас над головой.

И, наконец, над дикой пеной
прорезал мглу маяк,
невозмутимо и степенно
освобождая нас из плена
всех наших передряг.

Мы жадно за лучом следили,
боясь его спугнуть.
До дома —

считанные мили.
Весь рейс мы этой встречей жили.
Еще чуть-чуть...
Чуть-чуть...

И, запахнув плотней зайдвестку,
обдернув рукава,
заметил боцман Нильевич:

— Ну вот и все.

Почти на месте.

Дошли пали, братва!

А через месяц все сначала...

Ну что нас держит здесь?

Морская публика молчала.

Упрямое море нас качало.

Заканчивался рейс.

У братской могилы

Здесь тысяча двести гвардейцев лежат,
тысяча двести.

Тысяча двести молчалих солдат,
вы слышите песни?!

Песни о вас,
кто свои не допел,
не досмеялся.

Песни о вас, кто, как факел, горел,
но не сдавался.

Гимном бессмертия нас озарят
солнце над вами.
Вечной Кантатой над вами горит
Вечное Пламя.

И, не смолкая,
 трубят тополя
скорбные Марши.

Слушайте!
Это поет вся Земля
Реквием Павшим.

В течение нескольких лет на страницах «Смены» публикуются стихи участников конкурса одного стихотворения. И в этом году со своими первыми поэтическими опытами в журнале выступили самодеятельные поэты — рабочие, инженеры, журналисты, военнослужащие из многих городов и сел страны. А всего в редакцию было прислано стихов на конкурс свыше 2000.

Конкурс проходил под девизом «Земля моя — судьба моя». Жюри с удовлетворением отмечает, что тема эта понята участниками широко и нестандартно: в опубликованных стихах самодеятельные авторы воспели Отчество, родной край, милые каждому сердцу уголки русской природы.

Победителями конкурса за 1984 год жюри признало Сергея Золотова (Баку) и Анатолия Тучина (Москва).

Коротко о победителях. С. Золотов — капитан водолазного судна на Каспийском море. Первая его литературная публикация — в 1972 году в газете «Вышка», когда он был членом литературного объединения «Родник». Затем регулярно выступал в республиканской периодической печати. Его стихи глубоко лиричны, окрашены высоким гражданским чувством.

А. Тучин работает наладчиком в монтажном управлении Московской железной дороги. Служил в армии, несколько лет работал на Крайнем Севере. Стихи начал писать недавно, однако они обратили на себя внимание. Им присущи искренность, теплота и задушевность.

Напоминаем, что конкурс одного стихотворения продолжается. Его условия: принять участие в нем могут все, кто пишет стихи (не члены Союза писателей СССР); обязательно указывайте профессию, фамилию, имя, отчество, возраст, домашний адрес; прсылайте только одно стихотворение; рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премией — годовой подпиской на «Смену».

Ждем ваших писем.

Полярные березки

Под нами Заполярье.

Склоны, скалы

в застегнутых до подбородка мхах.

Здесь сицца трав даже весной мало.

Все правильно.

Куда теплей в мехах.

Внизу ветрище кустики мотает,
невзрачные

и гибкие, как плеть.

С улыбкой стюардесса приглашает
«березовую рощу» посмотреть.

И мы,
как будто чудо открывая,
забыв на время о своих делаах,
глядим,
как в этом неуютном крае
растут березки на семи ветрах.

Пусть не невесты,
как у нас в Поволжье,—
наряды здесь,
меж сопок,

ни к чему.

Они скромней,

корявее

и все же

стоят в своем,

в березовом дыму.

Они и в этом климате прижились.

А может быть,

не так уж

страшен черт?!

Пилот, будь другом,
покружи еще нас,
не убежит от нас аэропорт.

Пилот,
будь другом,
дай нам разобраться

и в совести

и в памяти своей,

чтобы научиться жить

и утверждаться

у этих хрупких,

слабеньких

ветвей.

Подвахта

Подвахта —

это значит быть готовым
прийти на помощь,
если друг устал.
И просто взгляном
или добрым словом
разуть его чуть тлеющий запал.

Ты нужен.
Понимаешь, очень нужен!
А отдых,
он не гордый,
подождет.

Ты недоспал?
Давно остыл твой ужин?
Но это мелочи,

которые не в счет.

Они потом окунятся с лихвою...
Ну, а сейчас
давай-ка шевелись!
Скорей туда,
где над крутой волной
тебя уже ребята заждались.

И громче шутки.
И прямее плечи.
И даже океан заметно стих.

И кажется работа
второе легче,
когда ее разделишь на двоих.

Рисунки
Андрея МАРТЫНОВА

Прощание с летом

Я дождусь — будет вновь солнцезарное лето
и опять поплынут в синеве облака,
будет запах степного горячего ветра
и в тени камышей затянется река.

Я дождусь — будут снова росистые зори,
будут плыть из тумана ко мне острова,
и опять упадет по широкому взгорью
под звенящей косой молодая трава.

Я дождусь — и пойду босиком через речку,
оставляя следы на прибрежном песке,
но однажды опять я негаданно встречу
сероглазую осень в цветастом платке.

Пошел в атаку белый снег
из мглы небес
на хмурый лес.
Шел на зеленые штыки,
шел на короткие клиники,
бросал шинели на забор,
оврагам шел наперекор.
И сеть колючек вдоль канавы
шиловщик ставил, как заставы,
и встали дымовой завесой
березы вдоль опушки леса.
Но шел в атаку белый снег
из мглы небес
на хмурый лес.

Тогда могучие дубы
решительно взметнули лбы
и выгнули крутые плечи
штурмующим ветрам навстречу.
Но белый снег из мглы небес
пробился сквозь дымы завес
и сквозь зеленые штыки,
прошел короткие клиники,
укрыл сугробами забор,
овраги застелил, как двор,
сковал дубам их лбы и плечи,
и лесу защититься нечем.
И сдался в плен осенний лес
пришельцу северных небес.

Гжель

Десятки деревень (а кратко — Гжель)
известны сотни лет. Но и теперь
народные умельцы здесь живут,
прославив Гжель и вдохновенный труд.

И синий цвет ложится на фарфор,
и синий — черному — всегда наперекор:
и небо — синее, и синие глаза,
и — синевой — случайная слеза.

Иду я в Гжель сквозь говорок на «у»,
резных наличников я вижу бахрому,
вдали над речкой в синеве — кусты
и, тоже синие, знакомые мосты.

По ним спешат весь день грузовики,
на миг мелькая в зеркале реки.
А заводские рвутся корпуса,
как раньше церкви рвались в небеса.

Мне стала Гжель понятна и близка,
как чистая вода из родника,
который издавна мы творческим зовем
и силы из которого берем.

Меня порой подстерегают
обиды близких и друзей,
и мысль тревожная блуждает
усталой памятью моей.

Я вспоминаю все сначала,
свои ошибки ворошу
и к долгожданному причалу,
как лодка утлавя, спешу.

Я для того и боль падений
в далеком детстве постигал,
чтобы теперь багаж сомнений
со мной по жизни кочевал.

Чтобы всегда в момент удачи
меня он трезвостью студил,
чтобы в чужом и горьком плаче
и я ранимым сердцем был.

И потому хожу я твердо,
не задирая головы,
что отношусь к паденьям гордо,
и выхожу всегда «на вы».

В тайге

Дремлют сосны на мохнатых лапах,
над рекой суглинок морщит лоб.
старый кряж в гнилушках,
как в заплатах,
держит снега смерзшийся сугроб.

Ранний сумрак тенями струится,
вдали уходит ломкая лыжня,
хочется скорей остановиться,
посидеть у жаркого огня.

Но еще и в сумраке заметен
рысий неразгаданный секрет —
вдоль неясно видимых отметин
сквозь тайгу направившийся след.

Я спешу, но хмурая поземка
вдоль опушек быстро проползла —
и заледенелая тесемка
мне под кедром руки обожгла.

Темный лапник брошен для постели,
свежий чай и горек и душист,
и уходят к звездной колыбели
из-под бревен мириады искр.

Чутко спит усталая собака,
рвутся кедры, раскосматясь, ввысь,
и вдали от круга Зодиака
все крадется северная Рысь.

рабле», — считал адмирал Макаров. Оказавшись в открытом море, порой промокший до нитки, прогодгий, измученный морской болезнью, паренек решает окончательно и бесповоротно: «Тяжело, но это мое, буду моряком!» Или, пряча глаза от товарищей, умоляет судьбу: «Только бы до берега добраться»...

Юношеские мечты о плавании под

ИДЕТ СБОР
ПОДПИСЕЙ
ПОД ПРИЗЫВОМ ЗА МИР.

ХОЖДЕНИЕ ЗА МОРЕ

Юрий ИВАНОВ.
Фото Глеба КОСТЕЦКОГО

Черт-те что, ветер должен отходить, а он заходит! — со-крушился Алексей Борисович Перевозчиков, капитан «Седова». Он расхаживал по мостику, глядел вверх на обмякшие паруса, и лицо у него было встревоженным.— Так хочется удержаться в семидесяти процентах, а он, стервец, играет с нами! По прогнозам, ему уже давным-давно пора быть за кормой, а он заходит в нос, видите?

Вижу. Флюгерок, укрепленный на клотике первой грот-мачты, развернулся чуть ли не навстречу нашему движению. Ветер не жмет в паруса, он их лениво обтекает. А так надо сохранить эти семьдесят процентов, то есть время хода только под парусами. Мы в наших планах и мечтах готовимся к очень дальним плаваниям.

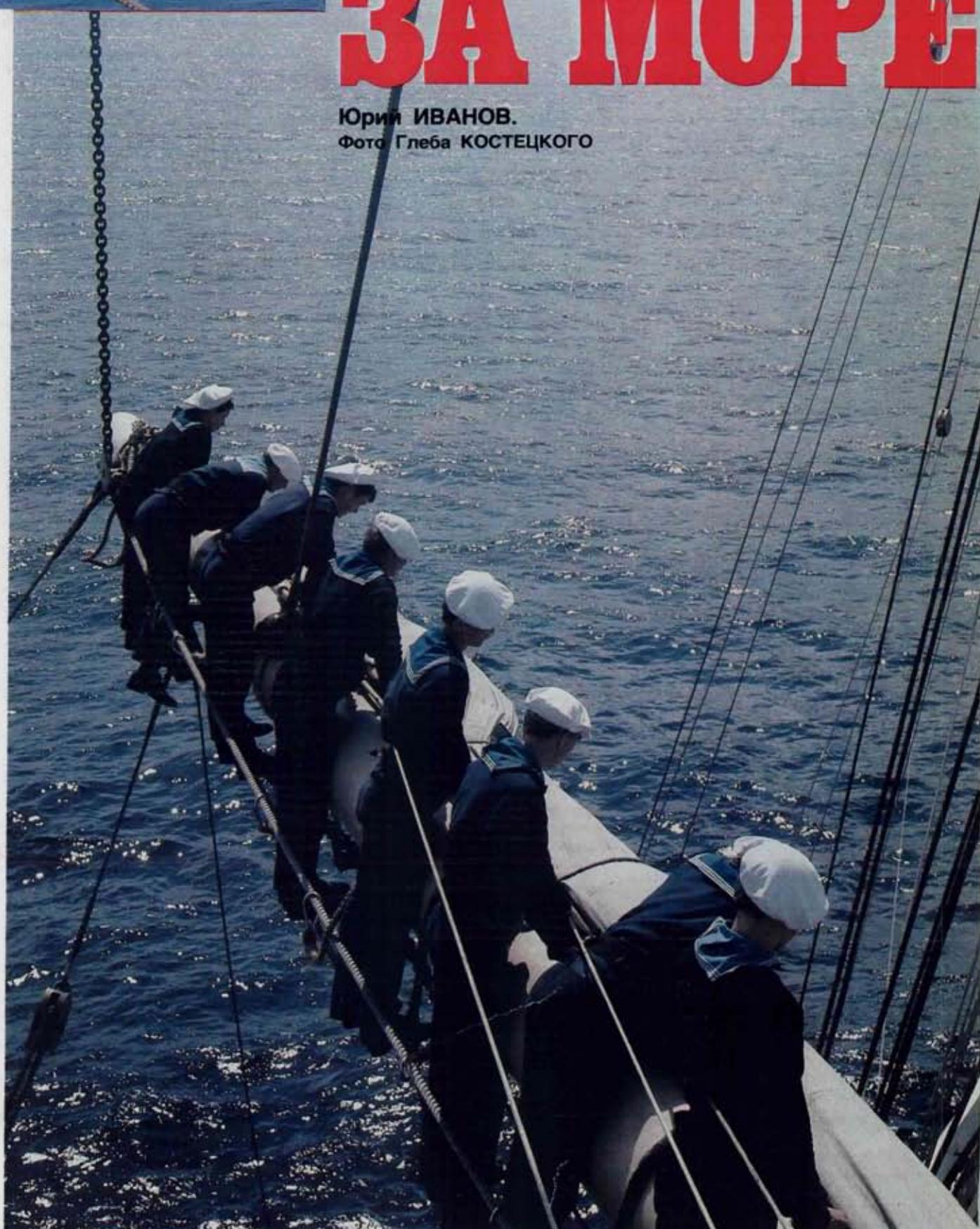
На мостике появляются старпом Максимов, старший штурман Цауне и старший боцман Ловцов. Стоим глядим вверх, а боцман Ловцов — на капитана, и взгляд его полон тревоги. По прибытии в порт судно становится в ремонт. И чтобы под дождем и снегом паруса не скнили на реях, их «срезают» (такое ужасное слово!), убирают в кладовые. Капитан нервно ходит взад-вперед, он все понимает. Хлынет ливень, паруса намокнут, их нельзя «срезать», пока не просохнут, а чтобы они просохли, надо идти под парусами, а чтобы идти под парусами и успеть к назначенному сроку в Ригу, нужен попутный ветер, а ветер — вот напасть — крутится вокруг...

— К ночи ветер отойдет за корму, — с неожиданной уверенностью говорит капитан. — И мы побежим! А если дождь и будет, то не долгий, просушим паруса.

... Курсантам делать зарядку, — звучит команда с мостика.

Курсанты в тельняшках высыпают из кубриков, взмахивают руками, приседают, бегают. Один из пареньков улыбается мне. Помню, в начале рейса он признался, что у него не хватает смелости подняться на грот-мачту, ведь в ней почти шестьдесят метров! Даже до марсовой площадки вскарабкаться не хватает духу. А спустя некоторое время он похвастался: «Поднялся на марсовую. Все во мне дрожжало, но я карабкался!» Минуло еще несколько дней, и он сообщил: «Думал, что помру от ужаса, когда лез на салинг: полста метров внизу! Палуба узенькая, вода, чайки... они пролетают внизу, а я — выше птиц!» Настал час, и я увидел парнишку уже на грот-ре. В тот день он сказал: «Что грот-ре! Вот бы добраться до бом-брам-рея, к самому его ноку!»

Может, это и было главным в рейсе, когда десятки мальчишек преодолевали страх, закаляли волю, характер? «Настоящего моряка из мальчишки можно воспитать лишь на парусном ко-

парусами... Не анахронизм ли это в наш век? Нужны паруса, нужны парусные суда — в один из счастливейших для «Седова» и «Крузенштерна» (оба — четырехмачтовые барки) дней решили в Министерстве рыбного хозяйства СССР, ибо как юному человеку жить без мечты, без окрыленности духа?

После ремонта «Седов» и «Крузенштерн» отправились в плавание. Девяносто тысяч миль покрыл «Седов» за последние три года. Более полутора

ПАРУСНЫЙ АВРАЛ.

ИЕ

«НАС ДРУЖБА КРЕПИЛА КАНАТОМ».

ТРУДНЫ
ПЕРВЫЕ ШАГИ
НА РЕЯХ.

ПОПУТНОГО ВЕТРА!

В ГОСТИХ
У КОМАНДЫ
ЮНЫЕ
МОРЯКИ-СЕВЕРОМОРЦЫ.

тысяч курсантов прошли на нем производственную практику и получили тут первую свою морскую специальность, сдав экзамены на матросов. В восемьнадцати портах тринадцати стран мира побывал корабль, семьдесят пять тысяч человек посетили его борт, восхищались красотой судна и той работой, которая на нем проводится. Простые рабочие и премьер-министры, гимназисты и монахи, студенты и послы — кто только не побывал на судне, и это замечательно: «Седов» теперь не только учебное, но и представительское судно нашей великой морской державы, нашей страны. Какое восхищение, к примеру, вызвало появление «Седова» в Копенгагене!

Но вначале мы побывали в Архангельске. Под звуки оркестра «Седов» отшвартовался у почетной Красной гавани. Он встал там, где когда-то прошел с Архангельском «Св. мученик Фока». Скинув фуражку, стоя на его мостике высокий, с бородой клинышком, в белом офицерском кителе моряк. Это был Георгий Яковлевич Седов, отправлявшийся в свое рискованное плавание, в свой отчаянный и трагический поход к Северному полюсу.

Знамена, транспаранты. Тысячи архангелогородцев с восторгом и волнением встречали наше судно так, как встречали бы самого Георгия Седова, вернился он из ледяных широт Заполярья. Да это и был он, перевоплотившийся в корабль человек, чья страстная мечта о полюсе, чей высокий дух морских плаваний и вечного поиска живет на судне.

...Разносится звон судового колокола.

Бьют склянки. Идет дождь.

— Начать малую приборку! — звучит команда. — Палубу продраить с песком и скатить.

Заложив руки за спины, курсанты «танцуют» по сырой палубе, драят ее кто голиками, кто специальными кирпичами... Просто работа и просто учеба — это тоже слагаемые рейса. Учеба в классах, на вахтах, в штурманской рубке и на ходовом мостике.

— Гляди, мужик, как вяжется простой беседочный узел, — наставлял курсанта старший матрос Михайлов. — Вначале тянешь кончик вот сюда, потом туда... Ну-ка, повнимательнее, а то завалю на экзамене.

Сопит «мужик», худенький глазастый

паренек, вяжет узел. Плетут рядом мальчики, показывают им, как это делается, боцманы Сергей Парфенов, Михаил Лазарев и Игорь Евдокимов. Будущие выпускники Мурманского высшего инженерного и Архангельского мореходных училищ серьезно относятся как к учебе, так и ко всем судовым работам.

Дождь кончился. Светит солнце. Теплый, но пока слабый ветерок сушит паруса. Не «зашел» нам в нос, но пока и не «отошел» к корме, толчется, дует ровно в правый борт. Капитан стоит на мостице. О чём он сейчас размышляет? О торжественном приеме, который готовится судну в Риге? О многочисленных отчетах, справках, характеристиках, которые надо просмотреть и подписать? Наверняка. И, конечно, о ветре, парусах, которые вот-вот надо убирать, «срезать».

Пожалуй, одним из самых трудных в нашем походе был переход от Белого моря до пролива Каттегат. Ветер хитрил, баловался, обманывал нас. Перевозчиков «гадал» над факсимильными метеорологическими картами, полученными из Архангельска и Ленинграда, Швеции, Норвегии, Англии и Дании... О чём говорят они? Как можно разобраться в этих змеиных клубках, обозначающих циклоны и антициклоны? Скорость «два-едва», два узла... Еще несколько суток, и даже на двигателе, который есть у «Седова», не поспешишь к назначенному сроку в Копенгаген. Полтора, два узла, два с половиной... Будет ветер? Сутки, вторые, третьи почти неприметного для глаза хода... «Отайдет» ветер за корму? А если ударит встречный, именуемый у моряков «мордотык»?

Уходило время, росло напряжение и нервозность. Слышились голоса: «Опаздываем, надо же быть благородными, что капитан медлит? Пора идти на двигатель!» А капитан молча мерил шаги по мостику. Хмурый, сердитый. И вдруг сказал мне:

— Завтра помчимся. Эх и красиво пойдет! Видите, какое небо?

Небо было алым и все в серебристых прозрачных перьях — будто кто-то расчесал его огромной гребенкой... Неужели будет ветер? Да еще попутный? Как нам всем хотелось этого!

...Еще ночью, накатившись откуда-то из Гренландии, сильный попутный ветер с сырьим урчанием ворвался в паруса, во все тридцать два его воздушных тканых движителя, в гроты, фок, стаксели и брамсели, в бизань и кливеры. Накренившись, вспенив форштевнем воду, взрезав ее зеленую, будто живую плоть, «Седов» бросился наверстывать потерянные мили и время. Ах, какая то была восхитительная гонка! Что за мощь, какая буйная сила ощущалась в нетерпеливо вздрагивающем железном теле судна, в этих могучих колоннах-мачтах, гудящих вантах и тугой, будто железной, ткани парусов.

Мы все наверстали в том лихом плавании. В точно назначенный срок пришли в Копенгаген, где в честь прихода «Седова» на набережной Лангелине взвился красный флаг с серпом и молотом, а на пирсе собралась толпа датчан, желавших побывать на паруснике.

Надо сказать, что при подходе к датским проливам на «Седове» был поднят еще один парус, символический Парус Мира, ибо весь рейс проходил под девизом: «Наша земля большой корабль, и он должен идти в будущее под парусами мира». В дни стоянки в копенгагенском порту, когда «Седов» был открыт для посещений, возле Паруса Мира собирались датчане, шведы, голландцы. Взрослые и дети оставляли свои подписи под призывом к борьбе за мир, взволнованно говорили о будущем планеты.

А однажды утром на палубу судна поднялся лауреат Ленинской премии мира датский художник Херлуф Бидstrup. Невысокий, худощавый, уже в летах, но подтянутый, подвижный, он пропустил вперед себя плечистого седого крепыша, председателя Союза моряков Дании Хансена. Они повстречались

с моряками, а потом прошли к Парусу Мира и расписались в толстенной книге, в которой теперь насчитывалось уже десять тысяч автографов...

Дания. Все ли спокойно в королевстве? Какие новости?

— Все ли спокойно? Куда там. Столько проблем! — говорит Хансен. — Вы ведь знаете, что нашей Русалочки — символу Копенгагена — хулиганы отпилили руку. Кажется, новую ей уже сделали, так что, когда пойдет в город, она уже будет на пьедестале.

Мы приходим вовремя. Плавучий кран осторожно опускает Русалочку вместе с каменной глыбой-пьедесталом на набережную. Множество народа. Фотоаппараты, взволнованные лица: без Русалочки вроде бы и Копенгаген опустел!

Спустя час я забываю о Русалочке — что бронза, когда на асфальте, прислонившись спиной к стене, сидит девушка не менее очаровательная, чем та, на берегу гавани, и играет на флейте. И тут же — кепочка, а в ней несколько монет. Чуть дальше, перед сияющими витринами «Народного банка» — целый ансамбль: скрипка, гитара и аккордеон. Молодые парни поют что-то веселое, но лица у них неживые, будто металлические, а глаза пустые и холодные. «Работай, трудись — и ты придешь в наш банк богачом!» — гласит один из ярких плакатов за спинами парней, и они готовы трудиться, но где ее возьмешь, работу? Ведь в Дании более трехсот тысяч человек мечтают о том часе, когда кто-то где-то скажет: «Заполняйте документы. Вы приняты на работу».

А пока на самой длинной в Европе, чем любят похвастаться датчане, торговой пешеходной улице чуть ли не через каждый десяток шагов звучат мелодии. Играют на гитарах, скрипках, аккордеонах, пилах и бутылках, а там две циркачки, а там лохматый парень, настолько улыбаясь, прыгает себе щеки гвоздем, а там просто сидят две девушки, а рядом с ними на чугунной решетке висит плакатик: «Готовы на все».

Богата и красива страна Гамлета. Великолепны ее дворцы, музеи, площади и даже магазины, но отчего в Дании так много людей, ради заработка готовых идти на все?

Вот что было очень важным в этом рейсе для наших молодых моряков — увидеть собственными глазами, что западные страны торгуют не только джинсами, тут люди торгуют собой ради куска хлеба...

Ветер! Наконец-то он ушел за корму, набрался сил, и судно бросилось вперед. Плавание подходит к концу, и жаль, что нет времени пройти под этим ветром подольше, но до чего великолепен этот короткий бросок!

...Парусный аврал! Все наверх, паруса убирают! — командует с мостики старший помощник капитана Михаил Константинов Максимов.

Курсанты выбегают на палубу, строятся у своих мачт. Высокий и красивый, весь моряк с головы до ног, старпом строго поглядывает в их лица.

— Бом-брамсели и брамсели крепите! — командует Максимов.

Прошу у старпома разрешения подняться на грот-мачту. Как вкусно пахнет ветер! Земли не видно, но ветер пахнет свежим сеном, цветами, ветер пахнет жизнью. Взираясь на салинг. Как ловко, спокойно работают на ряях ребята! Смеются, о чём-то болтают. Да вот и мой юный приятель. О, да он уже ноковый. Стоит на перте бом-брам-рея, на самом его ноке. Машет мне рукой: привет!

Паруса срезаны. Они славно потрудились в рейсе. Соленые, пахнущие морем, они лежат на палубе. Скатав, подняв их на плечи, матросы и курсанты несут паруса через все судно. Но пройдет несколько месяцев, и они вновь понесут «Седова» в дальние широты.

У курсантов суровые и торжественные лица. И видятся мне уже не мальчишки, а мужчины, настоящие моряки, преданные парусам, морю, своей прекрасной Родине.

Попутного вам ветра!

ТУРНИР ЛЮБИТЕЛЕЙ СПОРТА

ПОДВОДИМ ИТОГИ, ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Завершен очередной конкурс «Турнир любителей спорта». Второй тур тоже вызвал большой интерес у читателей, хотя, как пишут участники, например, А. Наумов из Дзержинска Горьковской области, «вопросы второго тура оказались значительно сложнее первого». И тем не менее большинство любителей спорта успешно справились с заданием.

Почти стопроцентное попадание было у участников конкурса по первому, третему и седьмому вопросам.

Международная федерация спортивной гимнастики (ФИЖ) была основана раньше всех остальных федераций — в 1881 году. Ее президентом сейчас является наш прославленный гимнаст Юрий Титов.

Двенадцать клубов были в разное время обладателями почетнейшего приза отечественного футбола — Кубка СССР. Все любители спорта правильно назвали их, не забыв указать и годы, когда команда добивалась высшего успеха. Пальму первенства здесь по-прежнему держит московский «Спартак» — девятикратный обладатель Кубка СССР. Ну, а первым (в 1936 году) хрустальной вазу принял капитан московского «Локомотива» Д. Максимов.

«Бегущий кабан» (7-й вопрос) — именно эта мишень применяется ныне в соревнованиях по пулевой стрельбе.

На остальные семь вопросов наиболее полные и правильные ответы прислали лишь самые зрудинованные любители спорта.

В втором вопросе, где, напомним, надо было указать, в каких союзных республиках проводятся соревнования по таким национальным видам борьбы, как гуштингири, чидаоба, хапсагай, только чидаоба, популярная в Грузинской ССР, была названа практически всеми. А вот то, что соревнования по гуштингири проводятся в Таджикской ССР и по хапсагай — в Якутской АССР, указали немногие.

Четвертый вопрос. Наряду с некоторыми неточностями, допущенными в ответах большинством участников, жюри все же обнаружило и правильные ответы. Без труда дав определение, что такое унция, любители спорта не совсем уверенно указали те виды спорта, в которых эта мера веса в настоящее время применяется. Те, кто не забыл упомянуть боксерские перчатки и теннисные ракетки, получили премиальные очки.

Отвечая на пятый вопрос, почти все назвали чемпионов мира по шахматам среди мужчин — В. Стейница, Э. Ласкера, Х. Р. Капабланку, А. Алехина, М. Эйве, М. Ботвинника, В. Смыслову, М. Таля, Т. Петросяну, Б. Спасского, Р. Фишера, А. Карпова. Однако многие почему-то забыли о прекрасной половине человечества — женщинах, среди которых было немало талантливых шахматисток — чемпионок мира: В. Менчик, Л. Руденко, Е. Быкова, О. Рубцова, Н. Гаприандашили и, конечно, М. Чичурданидзе, ставшая в этом году уже трехкратной чемпионкой.

Добровольные спортивные общества нашей страны! Каждый, пожалуй, может назвать выдающихся спортсменов — представителей того или иного общества, защищавших на спортивных аренах мира честь нашей страны. А вот когда были учреждены эти общества, оказывается, знают не все. Общества «Динамо», «Спартак» и «Локомотив» образованы соответственно в 1923, 1935 и 1936 годах. Это большинство участников указали правильно. В датах же учреждения таких обществ, как «Буревестник» (1957 г.), «Водник» (1938 г.) и «Трудовые резервы» (1943 г.), многие допускали неточности.

И все же не эти промахи оказались решающими при подведении итогов второго тура. Ключевую роль сыграли восьмой и девятый вопросы. Те любители спорта, которые успешно на них ответили, стали в итоге победителями.

Так, в восьмом вопросе — о датах проведения первых чемпионатов мира, Европы и СССР по скоростному бегу на коньках среди мужчин и женщин — жюри конкурса принимало во внимание, то есть начисляло премиальные очки, за правильное указание не только года, но и тех дней, когда эти чемпионаты проходили. Правильные ответы выглядят так: первый чемпионат мира среди мужчин прошел в Амстердаме 13—14 января 1893 года, победил Я. Эден (Нидерланды); среди женщин — 1—2 февраля 1936 года в Стокгольме, победила К. Клейн (США); первый официальный чемпионат Европы среди мужчин был проведен в 1893 году в Берлине 21—22 января, чемпионом стал Р. Эриксон (Швеция); среди женщин — 31 января — 1 февраля 1970 года в Херенвене (Нидерланды), чемпионкой стала наша спортсменка Н. Статкевич; первый чемпионат СССР (мужчины) состоялся 23—24 февраля 1924 года, а среди женщин — 3—4 февраля 1928 года, оба в Москве. Победителями стали Я. Мельников и Л. Игнатьева (Алексеева).

Отвечая на девятый вопрос, большинство читателей упустили из виду наших женщин — рекордсменок мира по прыжкам в высоту. Да и в перечислении результатов мужчин участники неполно называли шаги рекордов. Правильными ответами являются: Ю. Степанов (2 м 16 см), В. Брумель (2.23—2.28 см), В. Ященко (2.33 и 2.34), А. Чудина (1 м 73 см), Т. Быкова (2.03—2.05 см).

И, наконец, последний вопрос, по признанию участников турнира, явился для них и неожиданным и привлекательным. В. Смоляр из Москвы написал, что очень трудно было найти автора стихотворения, которое в конце концов В. Смоляр обнаружил в альманахе «Эстафета». Правильный ответ прислала лишь третья часть любителей спорта. Это — четверостишие Константина Ваншенкина из стихотворения «Осенней футбол».

В результате победителями второго тура стали: 1—2-е места — Ю. Безверчук и С. Алехин (Москва) — 117 очков, 3—8. Б. Кожин (Псков), В. Токарев (г. Константиновка Донецкой обл.), Л. Ткачев (п. Новодонецкое Донецкой обл.), Г. Петров (Новгород), С. Чернышев (Челябинск), Р. Селим-заде (Баку), набравшие по 116 очков, 9—14. В. Сементковский (г. Железнодорожный Московской обл.), В. Пригорний (Прокопьевск), С. Мисюна (Каунас), С. Тараторинов (г. Сосновый Бор Ленинградской обл.), А. Майоров (Ярославль), А. Коняхин (пос. Булашев Свердловской обл.) — все по 115 очков, 15—21. В. Мальцев (Череповец), В. Пересунько (г. Отрадное Ленинградской обл.), А. Коржаков (Уссурийск Приморского края), З. Фирюлина (г. Молодечно Минской обл.), М. Крапивин (Златоуст), С. Ковригин (г. Куртамыш Курганской обл.), Н. Авилюва (Белгород), получившие по 114 очков.

Итак, абсолютными победителями по итогам двух туров стали: 1—3. В. Сементковский (г. Железнодорожный), С. Тараторинов (г. Сосновый Бор), М. Крапивин (Златоуст) — все по 232 очка, 4. В. Мальцев (Череповец) — 230 очков, 5—8. Н. Авилюва (Белгород), А. Майоров (Ярославль), Б. Кожин (Псков), С. Журиба (г. Подгорное Львовской обл.), набравшие по 229 очков.

Поздравляем всех лауреатов, в том числе, естественно, и тех, кто победил в первом туре (см. «Смену» № 21). Победителей ждут награды.

**СБЕРЕГАТЕЛЬНОЕ ДЕЛО
В СТРАНЕ СЕГОДНЯ—
ЭТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ СБЕРКАСС,
КОТОРЫЕ ОКАЗЫВАЮТ ДЕСЯТКИ ВИДОВ УСЛУГ.**

Петр НОВИКОВ.
Фото автора

БАНК №¹

Проблема — в деньгах. На Волжском автозаводе могут одновременно пообедать более тридцати тысяч человек, однако социологи установили, что так бывает лишь сразу после зарплаты. За несколько дней до получения продолжают обедать меньше половины рабочих. Коллектив ВАЗа молод, а в двадцать—двадцать пять лет далеко не все умеют соотносить свои расходы с доходами... А кому не знакома экстренная ситуация, когда нужная, но дорогая вещь вдруг объявила в ближайшем магазине, а требующейся суммы в доме нет?

Денежные затруднения, с которыми сталкивается молодая семья, наводят на простую мысль: надо уметь копить. Число сберегательных касс в стране достигло восемидесяти тысяч, и мы, население, доверили им хранение более чем 187 миллиардов своих рублей. Убеждать кого-либо в том, что сберкassa — это удобно и выгодно, в наше время нет необходимости. Убеждать нужно в другом. В том, что работники этих учреждений могут снять с наших плеч немало излишних хлопот.

Современная государственная трудовая сберегательная кassa — это не просто хранилище денег. Мы знаем, что отданные на хранение рубли не лежат мертвым грузом, а участвуют в кредитовании, тем самым и в укреплении экономики. Сберкасы помогают финансистам уменьшать находящуюся в обращении денежную массу, которая сама по себе требует забот, и притом немалых. Шутка ли, одной зарплаты, например, на ВАЗе приходится каждый раз получать, охранять, выдавать — страшно подумать — четыре кубометра!

Специалисты подсчитали, кстати, что бумажный рубль, ходящий по рукам, «срабатывает» за восемь месяцев. И пересчитывать большие массы денег — занятие не только хлопотное, но и негигиеническое. Собранные в банке деньги, бывшие, так сказать, в употреблении, пахнут неприятно, и кассирам, работа-

ющим с ними, положен спирт для периодической дезинфекции рук.

Современная сберегательная кassa — это счет без счета. Выбросить, конечно, не выбросили известные всем костишки, держат еще в дальних ящиках старые кадровые работники: им к новой технике привыкать труднее. А молодежь без всяского внутреннего сопротивления успешно осваивает электронные бухгалтерские автоматы и контрольно-регистрирующие машины.

В Москве сейчас идут испытания первой полностью автоматизированной системы обработки информации сберегательных касс столицы. Это своего рода прототип будущей организации сберегательного дела во всей стране. Существенно сокращается объем нудной ручной работы, повышается качество и количество выполняемых операций. А значит, сберегаются не только наши деньги, но и наше время.

Сегодня мы не можем обойтись без энергичных, грамотных, специально подготовленных молодых людей, — говорит заместитель председателя правления Гострудсберкass СССР Станислав Сергеевич Лопатин. — Десятки тысяч комсомольцев отлично работают в нашей системе, но, увы, даже в одной из лучших областей — Днепропетровской — к молодежи можно причислить лишь немногим более трети общего состава работников.

Конечно, стихийно сложившийся образ скучной «девушки в окошке» не способствует росту престижа этой профессии. Но свидетельствует: появление новой техники в немалой степени меняет характер труда. Электроника высвободила женщинам (а их среди работников сберкасс 95 процентов) больше времени, как они считают, для творческой работы. Ведь любая конкретная помощь людям, согласитесь, это всегда в какой-то степени творчество. Большая заинтересованность в результатах труда у работников появляется и с введением сдельно-премиальной системы его оплаты, которую практикуют сейчас 3600

сберкасс страны. Вместо прежних 110—120 рублей они смогут зарабатывать примерно на треть больше. Для нас эта мера означает ликвидацию очередей. Ведь, по новым условиям, не просто разрешено помочь подруге, за стойкой у которой образовалась очередь, такая производственная взаимопомощь стимулируется материально.

Таким образом, у «сберегальщиков», как они себя называют, появляется больше желания не только для быстрого выполнения операций, но и для того, чтобы в свободную минуту сообщить клиентам новости сберегательного дела, а это, в свою очередь, помогло бы экономить время и нам.

Сберкасы могут сейчас и взаимы дать — открыть целевой кредит на солидную сумму для покупки дорогой вещи. И не надо бегать по друзьям и родственникам. Правда, это пока эксперимент.

Пятнадцать лет прошло с тех пор, как на Белорусском автозаводе начался эксперимент по выплате зарплаты рабочим двух основных цехов через сберкассы. Десятки крупнейших предприятий страны, миллионы рабочих и служащих теперь и не мыслят иной формы получения платы за труд. Принцип, который натолкнула работников сберкасс на подобную инициативу, лежала в общем-то на поверхности. И не только в Белоруссии.

Сотрудники Института экономики Уральского научного центра АН СССР провели обследование статей расходов молодых рабочих, проживающих в общежитиях одного из уральских городов. Тут-то и выяснилось, почему многим из них перед самой зарплатой тоже не хватает на обед. Оказалось, что на всякого рода праздники у молодых, но квалифицированных, с достаточно высокими заработками рабочих уходит примерно пятая часть зарплаты. В стране живут в общежитиях примерно пять миллионов несемейных людей. Практически все они находятся в возрасте, когда создаются семьи. Нетрудно понять, откуда берутся первые материальные трудности молодоженов.

— Помимо того, что перестала падать, как это бывало раньше, производительность труда одной-двух смен после получки — рассказывает директор шахты «Юбилейная» объединения «Павлоградуголь» Николай Васильевич Неверов, — мы полностью освободились от потерь рабочего времени в дни выдачи денег. Ведь сберкассы и по месту работы, и по месту жительства работают в часы, удобные для всех трех смен. Более ста нештатных кассиров занялись своим прямым делом. А ведь их еще по два-три дня, пока не раздадут деньги, охраняли дружинники из числа работающих на шахте! Так что выгода от нововведения огромная...

По данным 1983 года, в сберегательные кассы для выплаты денежных заработков труженикам перечислено свыше десяти миллиардов рублей. И что же? Сразу вся зарплата оказалась «ненужной». Более того. Почти миллиард рублей вообще остался на счетах по вкладам.

Вот что может дать стране лишь одна инициатива работников сберегательных касс. Теперь в том же Павлограде, например, руководство местного машиностроительного завода просит городское руководство сберкасс открыть специально рядом с заводом еще несколько сберегательных касс, обещая помочь с помещениями и оборудованием. И есть надежда, что у горняка не возникнет особой проблемы с деньгами, если вдруг подвернется горящая путевка в круиз или возникнет любая другая необходимость, что называется, культурной траты денег.

А сберкасы между тем не успокаиваются на достигнутом. С февраля нынешнего года по стране внедряется новый, «быстроактивирующийся» вид вклада — молодежный премиальный. Об условиях его вам с удовольствием расскажут в ближайшей сберкассе. Еще одна новинка — срочный вклад с дополнительными взносами. А еще появились денежно-вещевые выигрышные вклады...

Нет, кто — куда, а я — в сберкассе!

В

енчались тайно. Половине Москвы съехались бы впору к обручению первого российского вельможи, а у Симеона Столпника, что на Поварской, в осенний тот день 1801 года было буднично. Кроме священника с малым причтом, поспешно отправлявшим службу, молодых да нескольких дворовых, самых близких невесте, не было в церкви никого, и разве нищим на паперти, пошереметевски щедро одаренным, мог показаться день тот праздником.

Нет, не наскоком гусарским и не лихим увозом привел к алтарю граф Николай Петрович невесту. Любовь была, подлежащая тайнe: тайне покрыть надлежало и обручение, столь долго ожидаемое. Из церкви вышла Прас-

обильными рощами и темными дебрями, в ту пору по Троицкой дороге, по которой хаживали московские владыки грехи замаливать, на куличках где-то значилось за неким немчином Орном «Осташково на суходоле». Времена давние, подробностей не разглядеть, но, говорили, Грозный царь травил здесь зайцев, когда входило Останкино в вотчину думного дьяка Щелкалова. Вернее, знаем мы, что государевым указом отдано было поместье боярину князю Ивану Черкасскому.

Из рук в руки переходило Останкино в этом роду, пока частичко приданого за последней наследницей принесено было Петру Борисовичу Шереметеву, сыну знаменитого петровского фельдмаршала, того самого, «полтавского», помянутого поэтом отменным эпитетом: «...и

мерение «освободить крестьян». Дело, понятно, не могло пойти тогда дальше намерений, но крамольные речи, кому другому не сошедшие бы с рук, наказания должного не повлекли — слава предка, да и собственные перед государством заслуги оборошили от напастей. Из дворца в крепость Шереметев не угодил, но врагов нажил тем больше, что искренним было намерение; в один голос свидетельствовали современники: если где в России и жилось крепостным сносно, то разве у Шереметевых. А далее сами увидим мы, какую роль обстоятельство это сыграло и в судьбе Останкина и в облике его, до наших дней дошедшем.

Впрочем, первый-то владелец строил в Останкине помаленьку да полегоньку; капиталов не жалел, но и душу не

вкладывал — в любезном Кускове оставались его привязанности. А когда отшел в лучший мир, завещал единственному наследнику две с лишним тысяч душ и по всей России поместья изрядные. Останкино же, словно оправдывая название, терялось в изобилии этом богатстве. Да и то сказать, в ту пору не входило оно приметной жемчужиной в ожерелье славных подмосковных, хотя добротный дом, многочисленные службы, парк с затеями и по тем временам далеко не последнего были разбору, но с другими владениями Шереметевых, и в первую голову с Кусковом, соперничать, конечно, не могли. Кускову же равных подмосковных во всем восемнадцатом столетии было, пожалуй, и не сыскать. А между тем, как ни странным это может показаться, исто-

Алексей НИКОЛАЕВ.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

СВЕТ НЕЗАКАТ

ковья Ковалева графинею Шереметевой, но не свадебный поезд, закрытая карета с темной кисеей на окнах покатали к Останкину, приютили нынешнему тайных молодоженов...

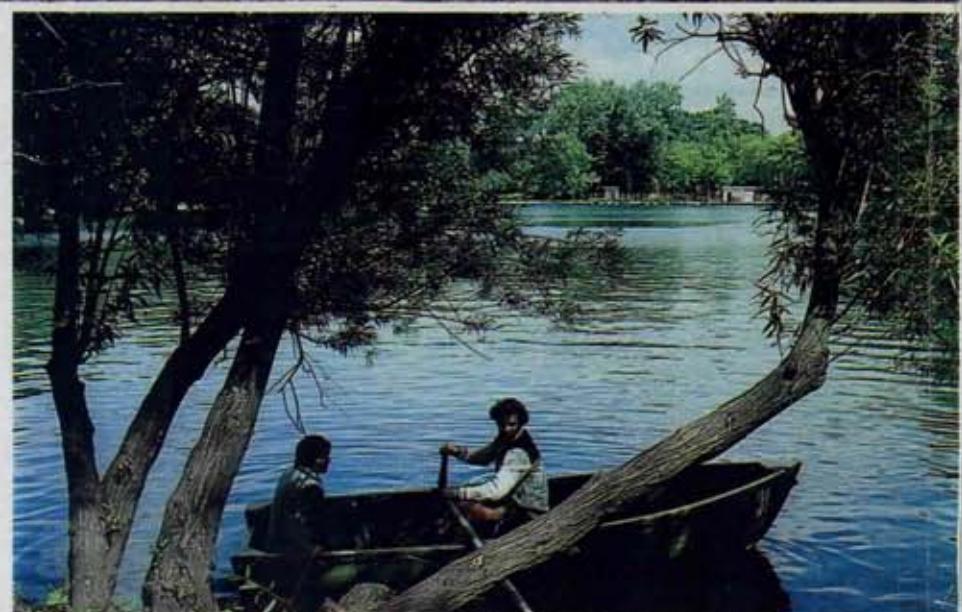
Как и судьба Параси — Ковалевой-Жемчуговой — графини Прасковы Ивановны Шереметевой — романтически странной вышла судьба этой подмосковной. По-иному написала бы ее история, не переплелись она так тесно с судьбами нынешних ее обитателей. На их жизнь и пришелся недолгий звездный час Останкина, рассвет его и закат, хотя начало знаменитой усадьбы уходит к временам, в памяти нашей изрядно поседевшим.

В старину далекую, когда сразу за Белым городом начинались на Москве пригородья, приселки, выселки, слободы, перемеженные полями, луговинами,

Шереметев благородный». Говорили, что отдыхал он в пустовавших своих поместьях, лишь когда не имела Россия врагов. Как и пушкинское слово, подробность небезинтересная тем уже, что дает верный свет на место первого Шереметева в российской истории, озаряя, впрочем, справедливым отблеском и дальше фамилию владельцев Останкина, если не ратными подвигами известных, то другими делами, и теперь не позабытыми.

От первого хозяина Останкина славы Шереметевы опасными волнодумами. Это он, Петр Борисович, при дворе Екатерины всепублично выказывал на-

У ТИХОЙ ГЛАДИ ПРУДА
ЗАБЫВАЕШЬ,
ЧТО В ДВУХ ШАГАХ
ШУМНЫЕ УЛИЦЫ МОСКВЫ.

рия-то Останкина началась в Кускове. Скажем больше: рассветом своим обя- зано Останкино закату Кускова. Вот как это было.

Куда как хорош добрый барин, и добрым словом Николая Петровича не обойти: умен был, приветлив, на помощь отзывчив (на одни пенсии тратил еже-годно двести шестьдесят тысяч), дворовых не сек. Все это так, но нет у нас намерения, да и правда не позволяет делать из Шереметева Радищева. Нравы общества прививаются и к доброй душе, а придворная служба развращает и самых крепких.

Службы миновать отпрыску первого русского рода было не дано. И диво ли, что, европейски образованный (учился в Лейдене), взбежал Николай Петрович

РУКАМИ
ТАЛАНТЛИВЫХ
МАСТЕРОВ
ИНТЕРЬЕРАМ
ВОЗВРАЩЕН
ИХ ИСТОРИЧЕСКИЙ
ОБЛИК.

ОТЗУВЫКИ БЫЛОГО.

ВИД ИЗ ОКНА
БРИЛЛЕСКОГО ЗАЛА.

по служебной лестнице единственным махом, не оступившись: обер-камергер — гофмаршал — действительный тайный советник — сенатор и всевозможных орденов кавалер. С таких-то высот своюю охотою кто спустится, но замечено было: душевного рвения к карьере Николай Петрович не выказывал. Говорили, воле его недоставало энергии, и черта эта сыграла, видимо, свою роль, потому что все помыслы его были уйти от придворной службы.

Но куда труднее уйти от сословных привычек, и, когда удалось молодому Шереметеву оставить двор, завел он в своих поместьях ту самую жизнь, о которой в его обществе никто бы дурным словом и не обмолвился. И хотя, подобно многим своим соплеменникам, на покое не томился он в вельможном безделии, не сумасбродствовал с вели-

кими капиталами и, как граф Безбородко, не испрашивал у государыни дозволяния палить из пушек по любой прихоти, но жизнь вел праздную: «Нынче охота и лошади; завтра то же; днем охота, ночью другая...» Так бы и шло до седин, и почил бы именитый помещик в отъезжем где-нибудь голе, да была у Николая Петровича привязанность, что перекрывала с лихвой иные все страсти. Был это театр — крепостной кусковский театр, в лучшем виде отцом оставленный и доведенный наследником до совершенства.

Размах предприятия, пожалуй, и не переоценить. Прикинув по нынешним даже меркам, увидим, что, не считая обслужки — костюмеров, парикмахеров, освещителей, машинистов сцены, реквизиторов и бутафоров, — участников спектакля в шереметевском театре бы-

вало куда больше, чем зрителей в зале, вмещавшем человек до двухсот. Репертуар же, включавший оперы, балеты, драмы и трагедии, был столь велик, что императорская сцена не могла с ним соперничать, третью его часть едва осиливая. Антрепренер-француз, содравший лучшую в России труппу, жаловался при дворе, что Шереметев вконец его разорит. Бог с ним, с французом, а вот собственный Николая Петровича театр непременно пустил бы владельца по миру, как случалось с многими его в этом деле соперниками, да выручили несметные шереметьевские капиталы.

Но мало сказать, что на широкую ногу поставлено было дело,—съезжались на шереметьевские спектакли первые ценители из обеих столиц; а российские государя, сами охотники страстные до зрелиц и знаящие в них толк, вожали с собою послов, полномочных министров, случалось, и монархов иноземных, как на первую русскую диковину.

К славе театра добавить, казалось, уже ничего невозможного, когда в ряду привычных псевдонимов шереметьевских актрис — Яхонтова, Агатова, Бирюзова, Изумрудова — явилось в один прекрасный день новое имя — Прасковья Жемчугова.

Давали оперу «Колония, или Новое селение». Голубой с белым — в гамме геральдических цветов Шереметевых — зал полон был по обыкновению отменной публикой. Но знатоков, приющих к триумфам прославленной сцены, настораживало то, что главная партия — девушки-невесты, страстью любившие своего жениха и решившиеся пожертвовать собою ради его счастья, — партия, необыкновенно сложная и в вокальном и в драматическом отношении, отдана была юной совсем дебютантке. При первых тактах слышан был еще недоуменный шепот, но зал замер разом, как при явлении чуда, когда в арии, полной безысходного отчаяния, зазвучал неповторимый, не слышанный никогда голос. Казалось, великолепная музыка, роскошные декорации, феерическое освещение и блеск драгоценных камней, покрывавших kostюмы, померкли разом — маленькая фигурка безраздельно царила на огромной сцене.

Чудом откровения был голос — сопрано необычайной подвижности, — но с не меньшей властью завораживала зал игра — пластика движений и неподдельная искренность драматического чувства. Лишь когда дали занавес, очнулась публика от оцепенения. Зал взорвался — пурпурные парики, голубые ленты на штыках золотом мундирах пришли в движение. Долго, непривычно долго даже для шереметевского театра звучало «форо»: на сцену к ногам дебютантки летели тутие кошельки: чопорные дамы торопливо стаскивали с пальцев кольца и драгоценные перстни...

Триумф новоявленной актрисы раскастился по Москве в один день и мигом, с фельдъегерской почтой, достиг столицы. Спектакли с новою звездой в главных ролях следовали один за другим, шли с неизменным блеском; имя Прасковьи Жемчуговой обрастило легендами. Казалось бы, все счастливо предрешено, а между тем, сойдя со сцены в жилые покой, увидим, что одновременно разыгрывалась здесь драма, куда более глубокая и шедшая по жестоким законам жизни...

За давностью лет простятся нам некоторые выписки из домашнего архива Шереметевых, а завещательное письмо Николая Петровича приоткроет завесу над тайной, столь долго хранимой:

«Я прилагал старания о воспитании ее и, не зная еще душевных предчувствий моих (курсив мой. — А. Н.), думал более об усовершенствовании ее к театру... Долгое время наблюдал я свойства и качества ее: и нашел украшенный добродетелью разум, искренность, человеческую любовь, постоянство, верность... Сии качества пленили меня больше, нежели красота ее, ибо они сильнее всех внешних прелестей...»

Душевые предчувствия Николая Петровича не обманули, но участь кре-

постной «премьерши» была бы решена с определенностью отношений, свойственных обществу, случись на месте Шереметева другой человек его круга. Не только греха особого не видели в романе господина и крепостной его избранницы, но в исходе вольнонаравного восемнадцатого столетия этому придавали особую пикантность, мало сказать, дозволенную, но обществом и поощряемую. Да в том-то и дело, что была крепостная графа избранницей его сердца, а не прихоти, и потому «роман» выходил далеко за пределы дозволенных правил — искреннего чувства простить здесь не могли. Прибавим к тому, что шло дело о «первом женихе империи», за которого свою внучку прочила сама Екатерина, кстати, крайне скандализированная слухами о том, что чувства графа превосходят дозволенные условия.

Да, любил Николай Петрович против правил — сильно и искренне. В избраннице своей нашел он ответное чувство и, видимо, ту нравственную опору, которая одна могла быть причиной полного его духовного перерождения. Без сожаления оставил Николай Петрович прежнюю рассеянно-праздную жизнь: пошад и охоту сменили глубокие умственные занятия, а искусство, прежде носившее более привкус моды, поглотило теперь время его и душу. Казалось, один только шаг и оставалось сделать вопросы условностям, но труден был этот шаг, так труден, что судить человека сплеча из нашего времени почти невозможно.

Хоть род и положение создавали ему независимость и издавна слыли Шереметевы вольнодумами и своимравцами, но давно говорено на Руси: с волками жить — по-волчьи выть; и еще: плетьью обуха не перешибешь. Так что «в калашнико-ряд», хоть и знаменитой актрисе, ходу не было. Тайно нареченная жила затворницей на тайной половине, к гостям Николая Петровича не выходила; да и в самом доме положение барской барыни становилось все несноснее: всякий охотник глаза колол крепостным ее проискождением. Нужны были меры оборонить любовь; чувства дали решимость превозмочь обстоятельства хотя бы отчасти.

Тогда-то и кинул Николай Петрович взгляд на позабытую усадьбу. Ради избранницы сердца недолгое время спустя оставлено будет славное и обжитое Кусково и взойдет звезда Останкина. А пока за Мариной Рощей приказано строить не просто богатый дом, но чудо века — дворец-театр.

Ни в Москве, ни в Петербурге да и во всей Европе о подобном и не слыхивали. Затея сама по себе должна была влечь в колечку, а не ударить в грязь лицом давним шереметевским было правилом. Да и времена обязывали. Над Москвой-рекой вставало уже во всем великолепии Архангельское; к делу приставлены там иностранцы, большие до русского золота охотники. Граф Безбородко, тоже богач безмерный, затевая новые покои, брал строителей непременно из-за границы, итальянцев да французов; золотую резьбу, не долго думая, прямо из Вены выписывал, а в родных краях прискивал архитектора титулованного и покачнул тем изрядно обильные свои капиталы. Николай Петрович Шереметев, хоть отордясь скучнея не был и жил куда как размашисто, иного склада был человек. Иностранных мастеров оставил он соперникам, обошел вниманием украшенных титулами зодчих и с легким сердцем поставил к работам своих дворовых — Ванюшек, Гришек, Алешик и Павлушек, благо в ветчинах его несть им числа. Тут кстати будет из того же домашнего архива письмо Николая Петровича к управляющему — весьма любопытное: «Для разной работы посторонних не нанимать, а исправлять ону своими мастерами со всяким успехом».

Перевернем страницу — опять рука Николая Петровича: «Подле галереи по красному хорошему грунту белый рафаэлевский арабеск сделать так, чтобы все походило на рафаэлевы ложи, а сии

Михаил ШЕВЧЕНКО,
лауреат премии
комсомола Украины

Моим одноклассникам

Как мы щедро росли!
Как мы медленно, скупо взросли,
на никчемность забав
промотав молодые годы.
День за днем пронеслись,
будто листья с дерев облетели,
и умчались они,
неизвестно-зачем и куда.
Вот и грянул октябрь!
Только он не испортит обедни,
не сорвет листопад
с побуревшей вершины самой
тот вцепившийся в ветвь,
тот веселый, багряный, последний,
тот отчаянный лист,
не робеющий перед зимой.
Бьют ветра по листу,
как прямою наводкою пушки.
Содрогнись!

Упади под холодным снарядом зимы.
Мама глянула вверх —
как он там, голубок, на верхушке?
Как он держится там? —
посмотрели с тревогою мы.

Только наши сыны
целят в махонький лист из рогаток —
осыпает со свистом
вершину тугая шрапнель.
И зарядов в карманах
как будто бы полный достаток,
и к тому же интересно
попасть в эту трудную цель.

Им еще все равно,
если вянет до времени лето,
если ранние птицы
прощально кричат в небесах.
Мы ведь тоже когда-то
болеть не умели за это.

Но зима на носу.
Дебоширят сыны во дворах.
И не слушают нас,
попирая ветров причитанья,
и бесценными кладами платят
за пылкость затей...

Догорает листок,
разрушается жаркое сканье
между голых,
дрожащих в ознобе ветвей.
Мы с годами добрее,
хоть руки и лица землистей.

Нашим душам понятней
и песни и вздохи земли.
Может, это и нужно,
чтоб дети стреляли по листьям
и когда-то — однажды! —
до их высоты дороши?!

заставить сделать домовых живописцев
Мухина, Калинина и Фунтусова».

Прибавив сюда архитекторов, руководивших строительством Останкина, увидим, что все это крепостные Шереметева — Павел Аргунов, Алексей Миронов, Григорий Дикишин. Если и мелькнут где раз-другой чужеземное имя, то походя, и свидетельства со стороны — тому подтверждение, а тут уж не грех заглянуть нам в и дневники особы коронованной, Станислава Понятowskого, короля польского, посетившего вскоре Останкино и пораженного его совершенством:

«Из тех нескольких сот мастеровых и художников, которые там работали, можно было насчитать не более четырех-пяти иностранцев, а остальные были не только чисто русские, но и почти все люди самого графа Шереметева; если бы факт этот не был констатирован, трудно было бы этому поверить, до такой степени исполнение всей работы отличалось изяществом».

«Люди графа Шереметева... Выражение, что и говорить, диковато и режет современный слух, но, глядя из нашего далека, обязаны мы расставить все по своим местам.

Объясняется выбор исполнителей для задуманного, расчетливость и, уж ко-

*
В осенний лес раздумья понесу:
там хорошо — несуетно и сухо.
О чем березы шелестят в лесу?
Про что шуршат седые липы глухо!

В лесу осеннем трепетно до слез,
в лесу осеннем вольно без опеки.
Присяду у подножия берез,
смежу на миг трепещущие веки.

Саднит во мне
и каждый свежий срез,
и каждый треск аукается больно.
Как будто кто-то мчится через лес,
все чудится душе моей невольно.

Ухватишься за правильную нить,
но сникнешь,
ошарашенный сомненьем.
И хочется, да некого спросить,
о чем шумят дубы
в лесу осеннем...

Выйду навстречу...

В. К.

Выйду навстречу.
Как темень густа!
Слышишься волка тоскливая песня.
Где-то в дороге ты, видно, устал,
или в груди тебе сделалось тесно.
Стонет тревога зеленою квакшой —
где-то устал ты, я чую, душой.

Держит за полы меня сивера,
белую мглу застилая долину.
Сколько же теплится
в людях добра!
Сколько жестокости
метит нам в спину!

Лопнет дорога, подобно струне,
бездна обдаст меня
смертою жалью.
Чую, присел ты на той стороне,
Сломлен дорогой,
а больше — печалью.

Прыгну вперед.
Через бездну меня
перенесет иль судьба,
иль причина.
Грубо и нежно моя пятерня
влипнет в плечо твое:
— Ну же, мужчина!

Черные бури дорог не сметут,
добрая весть не заглушит тревоги.
Легче сойтись,
коль навстречу идут,—
каждому выйдет всего полдороги...

нично, скупость к Николаю Петровичу никак не пристегнешь. И тут самое место справедливым словом помянуть известное, а в те времена более чем странное отношение Шереметева к крепостным. Гробово, быть может, и сказано, но в этом смысле в став своей был Николай Петрович белой вороной. Не в том дело, что за провинности не отсыпал он на конюшню, но доверие его к бесправному человеку на том не завершалось и подальше щедрых даров шло. Ему платили той же монетой, и, понимая, что из-под кнута чуда не сотворишь, с легким сердцем поставил он к работе своих крепостных, которые и должны были это чудо сотворить.

Да и как назовешь иначе то, что было задумано?!

Обгоним тут несколько событий и войдем под сень расписных, легко парящих над паркетами плафонов — в нескончаемую анфиладу залов, наполненных светом, с обилием золотисто-прозрачных мерцающих люстр, канделябров, жирандолей и стройных торшеров. Оглядимся в повторенном зеркала-ми пространстве — не замкнуто, но как бы обрамленном изысканными по цвету и рисунку панно. Сказочное великолепие убранства, горящего то блестящим,

На зеркале воды

Мы хорошо сегодня с ним живем.
Как по заказу выдалась погодка!
Я — наверху, чуть ниже — он.
Плытвем.

У каждого есть собственная лодка.

Взмахну весялом —
и он замашет в лад.
Запенятся бурунчики упруго.
Коснутся лодки киями друг друга
и медленно отклоняются назад.

Плытвем-бредем!
В ненужную гоньбу
никто из нас другого не впрягает.
Из-под его лады
я воду не гребу,
и он из-под моей не выгребает.

— Здоров ты, брат!
Кувшинку за труды
дарю тебе!

Как тихо-тихо!
Лес...
Сторожка без забора.
Плытвят теплынь сентябрьской поры.
Дубы и ясени с далекого угора
пылают, как призывающие костры.

А дальше —
сто оттенков оксамита,
пурпур и охра в тусклой зеленце.
Молчит, зарей вечернею омыта,
седая роща с грустью на лице.

Зовет вдали гудками Лозовая,
а здесь ни звука.
Лишь скребется мышь.
Но ощущаешь: затаилась тишина,
не мертвав она —

предгрозовая!

Как гулко хрустнет чаша небокрая,
когда над лесом прогремит «Антей».
И сразу ясно:
тишина земная
давно распята на крестах антенн.

Сорвается цвет последнего левкоя,
над ухом шмель устало пробасит —
и вздрогнет сердце:
тяжкий груз покоя
на нервах человечества висит.

Двадцатый, стой!
Смири слепую долю,
нажми-ка поскорей на тормоза.
Дай надышаться тишиною вволю.
Повремени!
Пусть высохнут глаза...

И вижу, как — о, боже! —
из глубины сверкающей воды
и он навстречу тянется с такой же.

В его движеньи — мужество и шир.
«За это, — мыслю, —
выпить не мешает».
Гляжу за борт:
ну и шустер мужик —
он тоже молча чарку поднимает.

— За что? —
степенно спрашиваю я.
И вместе бредим речью молодою:
— За то,
что есть у каждого ладья!
За то, что мирно делимся водою!
Как весел наш полуденный пикник!
Ничем не потревожить
нашу сплотку!

Немилосердно бытие к любви.
И потому, истратив прежний пыл,
смеются те, кому любить не внове,
над теми, кто впервые полюбил.

Немилосердна к рыцарству эпоха.
И рыцарю, не терпящему зла,
соперником становится пройдоха,
привыкший убивать из-за угла.

Немилосердна к мудрости природы.
Взорил мудрец —

и тут же без конца
плодится неизвестная порода
тех, кто ощиплет крылья мудреца.

И все ж, познав литую силу тверди,
на бугорок надежно обопрись.
С рождения в плена немилосердья
люблю мягкоже, мыслю и борюсь!

Да будешь ты —
любовь моя до гроба!
Да сгинет тот, кто бьет из-за угла.
Пусть не терзает зависть или злоба
мои неотлетавшие крыла.

Пусть мучит сада ярое цветенье,
пусть ревность,
как пулею, прошьет.
Невыносимо сердцу ощущенье,
что это все когда-нибудь пройдет.

Перевел с украинского
Вадим КУЗНЕЦОВ.

то матовым золотом, не обрушивается на вас лавиной, но входит в душу, подобно тактам нарастающей музыки. Словно слышишь, как перекликуются сначала отдельные мелодии, затем привлекают и звучат уже единой темой. Но некая тайна, до поры в ней скрытая, завораживает ожиданием чуда. Откроется оно потом и поразит тем, что все это великолепие несет в основе своей простейший материал — дерево.

Дерево царит в Останкинском дворце. Оно иллюзорно скрыто в толще его стен, колонн, перекрытий, лестниц, карнизов, кронштейнов и, конечно, в изумительной по выразительности исполнения и художественному вкусу деревянной резьбе.

Это целый мир, где рядом с драгоценным палисадником, розовым деревом, амарантром, эбеном и черным дубом живут удивительной жизнью простоявшие наши породы — сосна и береза, ель и липа: руки резчиков заставили дерево перевоплотиться в камень, бронзу, придали ему образы самые неожиданные!. Не полагаясь полностью на свои впечатления, а отчасти и в подтверждение им, дадим слово авторитетному исследованию:

«Нигде — ни у нас, ни за границей — не встречается подобного... Нет той орнаментальной трудности, перед которой остановился бы останкинский резчик».

Усомниться в последнем не позволит, впрочем, даже самый беглый взгляд. Но добавим от себя и подчеркнем особенность, для темы нашей весьма важную: здесь безошибочно узнаешь руку и мысль художника из народа, которому и фантазию и вдохновение дают окружающая природа и повседневный его быт. Эта простодушная чистота впечатлений, так свойственная искусству народному, живет в Останкинском дворце всюду: то увидишь вкрапленные в орнамент венки полевых цветов или снопы ржи, то узнаешь в нем причудливый рисунок изморози на окнах русской избы, то обнаруживаешь целые простенки, заполненные художественно струпившимися предметами крестьянских работ — граблями, косами, серпами... И надо ли удивляться, что все это дышит любовью к изображаемому и неподдельной искренностью чувства?..

Удивляться, впрочем, нужно другому, ибо, кроме Останкинского дворца, не найдем мы еще примера, где так гармо-

нично было бы совмещено совсем, кажется, несовместимое — классическая строгость архитектуры с изобильной нарядностью убранства.

Однако беглым этим очерком завершенного облика дворца мы опередили события. А между тем, пока строится Останкино, в полном своем блеске продолжаются «кусковские сезоны». Скоро все это переменит адрес, но, как и в Кускове, будет собирать к себе Николай Петрович гостей «хлеба-соли откусывать и песенок послушать». К Останкину станут съезжаться сотни карет, а простого люда — из окрестных деревень — собираться будет тысяч до тридцати... На длинных, по всему саду, столах учат десятивездные самовары; хмельное зелье мерят бочками; едят сътно, пьют изрядно, но все идет впрок, потому что никогда не выходил праздник из границ, ему поставленных. По шереметевским традициям, был он представлением и «театром для себя»; зрители становились актерами и актеры — зрителями. По парку прохаживались русские прихожанки в фатах и крестьяне в разноцветных кафтанах, подпоясаных персидскими кушаками. Тут доставало всего и на всякий вкус: крепостные певцы и певицы пели итальянские арии; оркестр рожечников услаждал вкус народными мелодиями, а затея гуляний и говорить нечего...

И, как и прежде, жемчужиной праздника будет театр — спектакли с неповторимой актрисой, которой имя, едва появившись, обросло легендами. А пока с прежним блеском доигрывает она последние кусковские сезоны, но, сняв после сценического триумфа стольчные бриллианты, украшающие костюм геройни, тайная хозяйка всего не смеет выйти к гостям, удаляется в боковые покои, на тайную свою половину... Когда затихнет праздник, поплачет с ней и Николай Петрович — «русский Крез» и бессильный вельможа. Сулит ли иную жизнь строящийся для нее театр по другой стороне Москвы?..

А между тем работы по постройке дворца были в полном разгаре, но велись под покровом тайны — все скрывал глухой забор, в окрестностях патрулировали конные егеря. Рассказывают, какой-то француз проник все же за ограду и, спрятавшись в кустах, пытался сделать зарисовку строящегося дворца; его обнаружили, и, конечно, досталось французу на орехи...

Быть может, историческая эта мелочь и к слову пришлась, но обстановку тех дней дополняет она подробностью любопытной. Наиболее же интересное сохранилось в документах, до нас дошедших, и, коли уж повадились мы в домашний архив Шереметевых, еще одно туда хождение не окажется лишним, ибо среди прочего хранятся там ежедневные отчеты управляющего строительством. Вот что он пишет в одном из них:

«Работы домашними мастерами производятся по настоящей скорой надобности, не исключая праздничных и воскресных дней, и в ночное время работают со свечами до девяти, а по утру с пятого часу... стараются неусыпно».

Несколько строк старинного документа говорят, конечно, о многом, но придется прервать тут архивные наши изыскания, чтобы перенестись из Марьиной Рощи в столицу империи, где после долгого и сумбурного царства женщин на русский престол сел бешеный Павел — увы, событие это зацепит и судьбу Останкина.

Но пока Павел Петрович неистовствовал в Петербурге. В первый же день царствования он объявил войну круглым шляпам, жилетам, французским книгам, вечерним чаепитиям и поздним просыпаниям. В тот же день государевым указом стены домов, ставни, заборы, фонарные столбы были окрашены в клетку, как солдатские будки. На третий день император снес Оперный дом на Царицыном лугу, где давала спектакли итальянская труппа. Языку, на котором до сей поры изъяснялись, тоже досталось: вместо «врач» приказано говорить «лекарь», слово «страж» за-

менялось «караулом», вместо подозрительного «граждане» принять к употреблению «обыватели», а «отчество» заменить «государством»; слово же «общество» изъять из языка полностью и без замены.

Столица жила в страхе, ежедневно ощущая судорожные припадки императора. Напуганную слухами белокаменную берегли пока шестьсот верст, тверские и новгородские леса. Москва ждала коронационных торжеств, как ждут кары. Коронация по традиции (изъять ее Павел пропустил) не обходится в Москве без посещения новым императором дворцов самых блестящих вельмож. Кусково позабыто и почти заброшено, так что Останкину встречи с царем не миновали.

Поспеть к сроку было необходимо. В Останкино к управляющему строительством летели письма Николая Петровича: «Спеши как можно скорее и не упускай времени; иное, что нужно, можешь и без меня решить сам, дабы через почту не потерять много времени...», «Не теряй ни одной минуты, теперь всяческое время дорого...», «Жаль, если не поспешишь и тем помешаешь мне принять дорогого гостя».

В последнем выражении можно, впрочем, усмотреть иронию, — «дорогой гость» хорошо был известен Шереметеву своим нравом: «Тот только у меня вельможа, на кого я гляжу, и до тех пор, пока я на него гляжу». Любил Павел Петрович «сочинять» вельмож и раздавать титулы придворным своим любимцам; так, графство не миновало и его братобрей Кутайсова... Словом, дикие скачки императорского нрава предвидеть было невозможно. Умное дело могло взбесить императора, а неожиданная глупость привести в восторг. Об этом следовало подумать...

Останкинская усадьба стояла в лесу. Сплошным кольцом охватывал он границы сада и парка, сливаясь с Марьиной Рощей и закрывая подъезжающим вид на дворец. 30 апреля 1797 года поезд новокоронованного императора, свернув с Московской дороги, въехал в останкинский лес. Замечено было, как лицо Павла пошло пятнами, не предвещавшая ничего хорошего. Но тут по невидимому знаку лес вдруг расступился — подплиленные заранее деревья одни за другим стали падать по обе стороны дороги... Сколько в тот весенний день убито было деревьев, не счесть, но это, кажется, единственная азиатская затея, которую позволил себе Николай Петрович, чтобы угостить императора, и не ошибся — Павел был в восторге. Полноту его радости всегда выражала любимая песенка: «Ельник мой, ельник, чистый мой березник, люлюшки люлю...» Пропетая спиральным голосом императора, тут она была кстати.

Но насколько кстати будет следующее событие, предвидеть тоже было невозможно. В одном из залов дворца нос к носу столкнулся император с гигантским своим портретом. Это тоже было чудо: до сих пор Павел, отличавшийся, как известно, внешностью весьма, скажем, своеобразной, позволил написать с себя только один поясной портрет. Крепостной живописец Шереметева Николай Аргунов снял копию с того портрета во весь рост. По словам современника, «последний превзошел самый оригинал» (правда, не уточнил тот, о каком оригинале идет речь!). Во всяком случае, и на сей раз император был в восторге. Трудно сказать, конечно, насколько глубоко оценил он живопись, но грандиозная золоченая рама, заключавшая в себе его особу, не могла не тронуть чувства нового правителя гигантской империи. Не знаем мы также, было ли доложено императору, что за раму уплачено тысячу рублей, в то время как за собственное его в ней изображение — только восемьдесят. Но дело, конечно, не в деньгах.

Денег не считал Шереметев, устраивая этот праздник; скажем только, что далеко превзошел он все прежде бывшее и, по слову очевидца, «фантастичностью» своей напоминал одну из

ПАРАДНЫЕ СЕНИ.

НЕЛЬЗЯ НЕ ВОСТОРГАТЬСЯ КРАСОТОЙ, СОТВОРЕННОЙ НАШИМИ ПРЕДКАМИ.

КОНЦЕРТЫ В ЕГИПЕТСКОМ ПАВИЛЬОНЕ СТАЛИ ТРАДИЦИОННЫМИ.

майла», написанную Осипом Козловским на либретто участника событий русско-турецкой войны. Зал в тот день блестел военными мундирами, покрытыми свежими орденами; театр заполнили те, кто штурмовал неприступную крепость. Успех был полный, но не каламбур ради сказать нужно, что останкинскому взятию Измаила в огромной мере способствовал Федор Пряхин — крепостной Шереметева, изобретатель и механик. Он создал поразительные — и для нашего времени — приспособления, с помощью которых увидели зрители и морской шторм, и пожары кораблей, и рушившиеся на глазах стены крепости. Судить об этой феерии помогают нам только воспоминания современников и собственное воображение.

Арабских ночей». Кроме первого в России капитала, обладавший еще и отменным вкусом, на сей раз не боялся Николай Петрович и переборщить, только бы «прошибить» императора. Не ошибся он и теперь. Невиданный фейерверк в пятьдесят тысяч ракет, превративший небо над Останкином в сплошную огненную реку, бочки с осмоленным горючим, горевшие по всему парку, сад, иллюминированный так, что и в Москве светло было от его огней,— все это и диковато, возможно, было собственно му вкусу выученика Лейденского университета, но императора уложило на кровать. «Ельник мой, ельник, частый мой березник» не сходило с уст Павла Петровича в продолжение всего праздника, а он был долгий, и вершиною его истинною был, конечно, не фейерверк, а театр.

Перед посещением императора новый театр опробован был спектаклем во всех отношениях историческим. Давали героическую русскую оперу «Взятие Из-

ставить себе, как звучал здесь голос Праксковы Жемчуговой...

В тот день премьера на сцену вышла она, как всегда, в главной партии. И, как всегда, покорила зал. Но на этот раз ветераны Измайльского штурма наградили ее овациями, прежде не слыханными. Говорили, в тот день Пракскова Жемчугова превзошла себя. Трудно, конечно, превзойти превосходное, но поверить этому можно,— ведь с дебютом на новой сцене связывала она надежды на иную судьбу. Но сбудутся ли они, не знал никто даже и в тот день, когда данный императору праздник завершился триумфальным ее спектаклем — «Самнитские браки».

На сцену выезжала Пракскова Жемчугова в великолепной колеснице, осеняной фамильными шереметевскими бриллиантами, пела так, что на глазах слушавших были восторг и слезы, но восхищавшая зрителей величественная битва самнитян с римскими когортами одной ей представлялась роскошным театром, на жизнь настоящую неподобающим. Она была на сцене, она играла роль...

А из ложи, декорированной роскошными голубыми занавесями и отдаленной от нее непроходимым темным про-

Н. И. АРГУНОВ.
ПОРТРЕТ

КРЕПОСТНОЙ АКТРИСЫ
П. И. КОВАЛЕВОЙ-ЖЕМЧУГОВОЙ.

странством, смотрел на нее ее возлюбленный. Он был рядом с императором в пудреном парике — маленьким, громогласным. А после спектакля, никем не замеченная, спустится она по узкой лесенке в свои покой; не увидит, как по ступеням, покрытым красным сукном, отпуска гостеприимному хозяину солдатские любезности о его актрисе и с любимою песенкой на устах, взойдет на ту же сцену, обращенную в банкетный зал, император.

Минует время — короткое время, — и, как со сцены, уйдет Павел из этого мира. И уже Александр Павлович приедет в Останкино и так же, как его отец, но более изысканно, будет восхищаться крепостной актрисой, благодарить господина ее за доставленную радость, и не оттого только, что был он любезен и, по слову современника, любил всех женщин, кроме своей жены, но потому, что не было сердца, которого не тронула бы великая эта актриса.

Но думал ли кто тогда — да и кому было думать? — что триумф тот был лебединой песней актрисы, которой дали ее искусство, взяя за дар этот жизнь. В роскошном дворце, для нее созданном, невольной затворницей без собственного имени доживала она короткую свою жизнь. Говорят, велика сила искусства. Кто спорит? Но в иные времена не одолеть ей нравов века, ломавших человеческие судьбы в тонких самых местах. Сказано уже и нами повторено: плетьью обуха не перешибешь. Так

ЗДАНИЕ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ ЗОЖЕ ВХОДИТ В ДВОРЦОВО- ПАРКОВЫЙ АНСАМБЛЬ.

могло ли наградою быть тайное на исходе жизни обручение? Тому ответ — тайные вскоре похороны, с поседевшим в один день Николаем Петровичем и несколькими крепостными, шедшими за гробом...

Чахотка ли свела ее в могилу? Да нет, другая была это болезнь — неизлечимая тогда болезнь века.

По тем временам тут бы истории этой и поставить точку, но, из нашего далека глядя, доказать все-таки нужно.

С Парашею Ковалевой взошла звезда Останкина; коротко, но ослепительно ярко вспыхнула она с именем великой актрисы Жемчуговой и закатилась со смертью Прасковьи Ивановны Шереметевой. Что гадать, но, сложись по-иному судьба этой женщины, по-иному переписала бы история и судьбу Останкина. Возможно, не успев расцвести, позабыта была она в череде многих, не обретя права на историю. Но случилось так, что с необыкновенной судьбой крепостной крестьянки сплелось столь же необыкновенное искусство крепостных художников. Не знаю, утешительна ли здесь старая, как мир, истина: умирают люди, а искусство остается? Но ведь остается оно для того, чтобы навсегда уже войти в нашу жизнь духовным наследством.

А эта звезда незакатная.

ЗИМНИЙ ЭТЮД.

«В молодости смерти придавалось огромное значение. Теперь не придаешь ей никакого значения. Только ненавидишь ее за людей, которых она уносит».

Эрнест Хемингуэй,
послесловие к сценарию фильма
«Испанская земля»

Будапештский аэропорт «Фернано Мате». Уже совсем темно, лишь светятся цепочки огней вдоль взлетных полос и лампы на здании аэровокзала. С тяжелым шелестом взлетают и приземляются реактивные лайнеры.

20.40 по местному времени. «Внимание! Совершил посадку самолет авиакомпании «Малев», выполняющий рейс 581-й Мадрид—Будапешт».

Вспыхивают мощные прожекторы. Лучи юпитеров бликами отражаются в духовых инструментах военного оркестра, узко поблескивают на штыках почетного караула, матово отсвечивают

ту пору много писем. Вот одно из них, принадлежащее перу Всеволода Вишневского:

«Сегодня, дорогая Вера Ивановна, я уезжаю в Испанию. Наша делегация найдет и посетит могилу дорогого Матэ. Над могилой его мы скажем все, что у нас на душе. А вам, склоняя голову, мы протягиваем руку... Будьте тверды и мужественны, как Матэ, и будем вместе жизнью своей двигать вперед наше общее революционное дело...»

В июле мы получили письмо от ближайших соратников отца по Испании, болгар Петрова и Белова. Петров был заместителем генерала Лукача и после его смерти принял командование 45-й интернациональной дивизии. Белов—бессменным начальником штаба*. Они писали:

«Дорогие Вера Ивановна и Наталья Матвеевна!

Мы знаем вас только по имени. Между нами, однако, стоит незабвенный образ павшего друга, который породил нас с вами до конца жизни. И если вы будете считать нас самыми близкими людьми, то поверте нам—вы не ошибетесь...

Белов встал и каким-то прерывающимся, торжественным голосом сказал:

— По поручению интервьюцев и испанских товарищей мы хотим вручить вам, самым близким родственникам Лукача, ключ от его гроба, как это положено по испанской традиции...

И с этими словами Белов передал маме небольшую серебряную шкатулку. Мама осторожно взяла ее и вынула оттуда крошечный ключик. И тут самообладание едва не покинуло ее.

Но Петров постарался отвлечь маму—он стал показывать привезенные из Испании фотографии. Почти на каждом снимке был отец—живой, улыбающийся...

Не забывали нас и венгры, палины дружище еще со времен гражданской войны в России. Сразу же после своего возвращения из Испании пришли к нам Ференц Мишнин и Реже Санто*, оба они воевали в Испании под командованием Лукача, один отвечал за бригадную артиллерию, другой—за службу тыла. Их мы знали долгие годы, дружили с

Гвардия во главе своих частей, рука об руку с самыми прославленными бригадами новой, доблестной Испанской Народной армии. Он сумел написать памятные страницы доблести и военных знаний, страницы, которые войдут в историю.

Слепое несчастье войны вырвало из рядов Испанской Народной армии одного из лучших ее генералов. Оно лишило нас одного из наиболее способных командиров; всех нас лишило руководителя, товарища, друга. Но осталось у нас то, чему он нас учил, остаются нам прекрасные военные кадры, выращенные в его школе, его примером. Остаются нам его доблестные части, которые сумеют продолжать великие традиции доблести, созданные генералом Лукачом...»

В ноябре 1937 года приехал Павел Иванович Батов, в то время—полковник РККА*. В Испании в течение нескольких самых трудных недель организации и боевого крещения 12-й интернациональной он был военным советником бригады.

— Случилось так, что в тот роковой день, 11 июня, под Уэской я находился в одной машине с Лукачом,—рассказы-

Инова, как каждый год, редакция журнала «Смена» присуждает за лучшую публикацию на международную тему премию, носящую имя замечательного писателя-интернационалиста Матэ Залки. Премия эта учреждена из Полтавшице по инициативе правления и парткома колхоза имени Матэ Залки.

Наши читатели в своих письмах просят рассказать о литераторе, коммунисте, солдате, человеке, ставшем легендой. Выполним эту просьбу. Авторы очерка «Возвращение генерала Лукача»—дочь и внук Матэ Залки.

в золотом шитье погон генералов и офицеров.

Часть летного поля, выхваченная прожекторами из темноты, устлана длинной ковровой дорожкой. По ней группа военных направляется к самолету, подрулившему к зданию аэропорта, и принимает из его распахнутого чрева черный лакированный гроб. Шесть полковников Венгерской народной армии несут его на плечах до постамента.

Сообщения об этом событии появились в газетах трех стран.

Испания. «Мундо Обреро».

«Прах генерала Лукача, командира интернациональных бригад во время испанской гражданской войны, был встречен с воинскими почестями по его прибытии в Будапешт».

СССР. «Литературная газета».

«В будапештском аэропорту приземлился самолет из Испании, на борту которого находился прах легендарного писателя-коммуниста, замечательного сына венгерского народа, интернационалиста, героя гражданской войны в Испании—генерала Лукача, Матэ Залки...»

Венгрия. «Непсабадшаг».

«Под звуки гимна гроб снимают с самолета. Построившаяся у знамени рота почетного караула отдает честь герою венгерского и международного рабочего движения, добровольцу гражданской войны в Испании... Церемония встречи останков Матэ Залки, доставленных на родину, заканчивается звуками «Интернационала».

Эта удивительная, в некотором роде беспрецедентная акция является глубоко символичной. Через сорок лет после гибели из недавно еще франкистской Испании в социалистическую Венгрию был перевезен прах гражданина СССР, воевавшего в качестве испанского республиканского генерала.

Наталья Залка. Я хочу рассказать эту историю в том виде, в каком сохранила ее моя память. Начать этот рассказ можно с лета 1937 года, когда после гибели папы к нам приходило много знакомых и незнакомых людей, чтобы утешить и поддержать. Получали мы в

Из книги «Жизнь Матэ Залки», которая выходит в издательстве «Советский писатель».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ЛУКАЧА

Наталья ЗАЛКА,
Матвей САПРИКИН

Стоят ли вас утешать? Героев и бессмертных не жалеют—ими гордятся. А вы имеете право и основание гордиться своим мужем и отцом.

Будет время, когда и на испанской улице наступят праздники. И тогда имя Лукача будут повторять от лагун Средиземного моря до снежных вершин Пиренеев. Потому что в новой и действительной истории испанского народа имя венгерца Залки будет одним из первых. И те, за лучезарное счастье и будущее которых Матэ сложил голову, никогда не забудут о гражданине мира—генерале Лукаче...

Мадрид. 6.VII.1937 г.

И вот ранней осенью 37-го года Петров и Белов позвонили в дверь нашей квартиры в писательском доме на улице Фурманова.

Были они разного роста, но чем-то очень схожие—крепкие и основательные. Пришли они к нам чуть ли не в первый день по приезде в Москву, уставшие, обветренные.

По-видимому, они боялись наших слез и потому не очень знали, как себя вести. Пройдя в комнату, они поспешно сказали, что сами при гибели Лукача не присутствовали. И, как будто оправдываясь, добавили: даже на похороны попасть не удалось—в те дни шли ожесточенные бои под Уэской.

Они коротко, со слов очевидцев, пересказали нам, что похороны состоялись в Валенсии, тогдашней временной столице Испании, что на них присутствовали премьер-министр республиканского правительства Хуан Негрин, вице-президент кортесов (испанского парламента) Долорес Ибаррури, тысячи валенсийцев и бойцов интербригад. По общему существующему в каменистых районах Испании, гроб был захоронен не в земле, а замурован в «почетной стene», как они выражались...

* После окончания второй мировой войны оба они заняли ответственные посты в Народной Республике Болгарии. Петров, настоящее имя которого было Фердинанд Козовский, стал председателем Народного собрания страны, а Белов—Карло Луканов—в течение ряда лет занимал пост министра иностранных дел.

ними семьями и потому не скрывали сплез.

— Как же так, Фери, как же так, что Матэ не вернулся?—задавала мама бесмысленный вопрос всех вдов.

Мюнних, как мог, терпеливо успокаивал маму и меня поочередно.

— Да, Верочка, большое горе. Крепись, что же делать. Это ведь с каждым из нас могло случиться.

Мюнних и Санто привезли из Испании кипу газет со статьями и корреспонденциями о похоронах генерала Лукача. Они сохранились у меня в архиве. Вот лишь одна из них—статья корреспондента «Юманите» Жоржа Сориа:

«17.VI.37. ...Тысячи рабочих перед зданием Компартии безмолвно чествовали Пауля Лукача. Офицеры его бригады вынесли черный гроб, за которым шли члены правительства во главе с премьером. Зазвучал похоронный марш Шопена. И когда за частями Испанской Народной армии, одетыми в парадную форму, тронулся катафалк, несколько рот интернациональных бригад салютовали погившему. По всему пути следования траурной процессии стояли толпы людей. Плачущие старухи провожали гроб поднятыми в знак приветствия кулаками... Десятки тысяч проводили его к Северному вокзалу, на площади перед которым состоялся траурный митинг».

Среди газетных вырезок сохранилась и статья Луиджи Галло**—изложение его речи на похоронах в Валенсии.

«Мундо Обреро», 5.7.1937 г.

«Пал генерал Лукач (Матэ Залки).

Испытанный командир, блестящий офицер, генерал Лукач был одним из первых, отдавших свой опыт, свои знания, свою доблесть делу испанской свободы.

Он был в Университетском городке в незабываемые ноябрьские дни, когда началась защита германского и непобедимого Мадрида. Он был в Посуэло де Аларкон, в Бадилья-дель-Монте, в Мираабурно, на Хараме, в

вал он нам.—Я приехал к нему в гости, и он предложил мне поехать с ним на рекогносцировку. Матэ очень возмущался беспорядками, царившими на Арагонском фронте... А сам сплоховал: приказал шоферу ехать по дороге, которая простираливалась. Ведь знал же об этом, сам распорядился никого по ней не пропускать. Очень он тогда расстроен был из-за, прямо скажем, вредительского призыва атаковать хорошо укрепленную Уэску в лоб. Впрочем, себя он никогда не щадил...

Когда наш автомобиль выскочил на простирающийся участок дороги,—рассказывал дальше Павел Иванович,—с окраины города ударили пуши. Первый же взрыв отбросил нашу машину к скале. А дальше я ничего не помню...

Мы знали, что это не совсем так, что, несмотря на серьезную рану в ногу, «колонель Фриц»** пытался спасти Лукача, раздобыл машину медицинской помощи, которая и доставила отца в госпиталь. Но врачи уже ничем не могли помочь.

Побывал у нас в доме и Роман Кармен. Надо сказать, что раньше мы не были с ним знакомы—лишь хорошо знали его имя по титрам кинохроники о событиях в Испании, все выпуски которой мы, конечно же, смотрели по несколько раз. Кармен, красивый, обаятельный и удивительно легкий в общении, сразу же вошел в наш дом как близкий человек.

Мы слышали, что в Испании Кармен много снимал бойцов-интернационалистов, в том числе 12-ю бригаду, неоднократно бывал в штабе у отца.

— К сожалению, Лукач избегал сниматься,—сказал он, отвечая на наш вопрос.—Он всегда просил отвести камеру в сторону, и я его слушался, о чем сейчас очень жалею. Вот так и получилось, что на кинопленке почти не сохра-

* В настоящее время—генерал армии, дважды Герой Советского Союза.

** «Полковник Фриц»—псевдоним П. И. Батова в Испании.

нилось его изображения...» Зато его образ остался в сердцах людей.

Вскоре приехали и два венгерских племянника отца, которые также принимали участие в гражданской войне в Испании. Бела Арады благодаря хлопотам папы еще в 1925 году получил советское гражданство, окончил Оренбургское летное училище и стал летчиком-испытателем. Он уехал добровольцем в Испанию сразу же после того, как узнал о гибели своего дяди, с которым был очень дружен и которого считал своим приемным отцом. Бела геройски сражался в небе Кастилии, сбил несколько «Фиатов» и «Мессершмиттов», но в конце концов был сбит и его «Чато» **, и он, раненный и обожженный, приземлился на территорию, занятую мятежниками. Белу спасли, выходили и переправили через линию фронта каскадные крестьяне.

Второй племянник, Андраш, попал в Испанию из Венгрии через Францию. Он служил одно время под командованием своего дяди в 12-й интернациональной, даже не подозревая о том, что комбриг — его родственник. Потом он перешел в республиканскую авиацию. За все время боевых действий дядя и племяннику удалось повидаться лишь дважды. Через год после смерти Лукача по требованию так называемого Комитета по невмешательству были распущены все интернациональные формирования на территории республики. Андраш уехал во Францию, где ему удалось счастливо избежать интернирования в концлагерях, уготованных французскими властями всем интернационалистам. Племянник принял фамилию дяди, получил советское гражданство и через несколько месяцев, а точнее, в апреле 1939 года, сошел с корабля на Ленинградском причале, имея в кармане паспорт на имя Андрея Залки.

Именно Андраш привез нам личные вещи отца: его бритвенный прибор и несессер, портплед и чемодан. В чемодане мы нашли коричневую замшевую куртку генерала Лукача, хорошо известную по многим фотографиям. Вернувшись в Москву и наши с мамой письма, посланные отцу в Испанию. Но, как мы ни искали, среди вещей не оказалось ни дневника, ни записей, ни даже записной книжки.

Вскоре началась вторая мировая война, принесшая неисчислимые бедствия всем европейским нациям, и в первую очередь нашему народу. Тяжелые испытания, смерть и страдания десятков миллионов людей, естественно, отвлекли нас от мысли о нашем личном горе. В первые же месяцы войны мама уехала в эвакуацию в Ташкент, а я ушла добровольцем на фронт.

Война закончилась для нашей семьи без новых потерь: и мама и я с мужем, с которым познакомились на фронте, вернулись в нашу квартиру на улице Фурманова невредимыми. Как будто бы папа своей смертью уже оплатил тот счет жертв, который эта война предъявила каждой советской семье.

Шли годы. Мы с мамой по-прежнему пребывали в неизвестности: что с могилой отца? Цела ли она? Мы внимательно следили за происходящим в Испании, огорчались, когда узнавали о новых актах насилия в этой многострадальной стране, радовались сообщениям о нарастающем движении сопротивления франкизму.

В августе 1970 года, во время моего пребывания в Венгрии (я была гостьей Высшего военно-технического училища имени Матэ Залки), меня пригласил для разговора один ответственный товарищ. Он посвятил меня в планы партии отно-

сительно переноса праха моего отца на родину.

Мы собираемся начать переговоры через наших представителей в Испании. Дело это сложное. Сами понимаем: успех не гарантирован. Просу вас пока сохранить это в строгом секрете, чтобы нам не сорвали наши планы. Мы будем держать вас в курсе событий, — пообещал он.

В конце 1970 года из Будапешта в Москву прилетел Андраш. Он передал мне, что переговоры прерваны, так как стало ясно, что франкистские власти ответят отказом. «А в случае отказа сложнее будет вернуться к этому вопросу в будущем», — пояснил Андраш. — Зато могли сфотографировать, и я могу показать тебе слайд».

И тут я впервые увидела фото трех могильных ниши на Валенсийском кладбище. Они находились в нижнем ряду, у земли, и выглядели так, словно в них никто не похоронен. Без надписи, без оформления — голый кирпич. А вокруг — пышно оформленные, ухоженные, «богатые» ниши...

В 1974 году в составе туристской группы мне, наконец, довелось оказаться в Испании. Барселона — Валенсия — Мурсия — Гренада — Севилья — Кордова — Толедо — Мадрид. Таким был маршрут.

27—28 октября мы проводим в Мадриде. Днем — официальная часть экскурсий. Вечерами венгерские дипломаты показывают мне места боев за испанскую столицу. Путеводителем служат свидетельства очевидцев: письма отца маме и выписки из «Испанского дневника» Кольцова.

«1936 г., 27/XII...
Дорогая моя Верочка, самая родная на свете.

Пишу это письмо с полной уверенностью, что оно дойдет до тебя без постороннего наблюдения, поэтому постараюсь написать так, чтобы ты имела понятие, где я и каково то положение, в котором мы здесь ведем нашу борьбу.

Ты, наверное, уже читала в «За рубежом» о генерале Лукаче — командире 12-й интербригады. Это корреспонденцию писал какой-то сотрудник «Paris Soir**, которого потом постигла печальная участь: их самолет фашисты сбили, и бедняга погиб. Когда он у меня был, мы дрались за Паласету, Сиудад Университария, словом, за подступы к городу. Были яростные схватки. Привыкший к победам враг не хотел верить, что его остановили, бросил свои лучшие части на Паласету. Но тут нашла «коса на камень», и перемолот он свои силы на нас. Правда, наша бригада тоже понесла страшные потери. Здесь были убиты Баймлер Луи, Вилли** и многие сотни других храбрых, но безвестных товарищей.

Однако случилось то, чего никто не ожидал. Случилось «чудо Мадрида», как это называют буржуазные газеты. «Чудо Мадрида» состоит в том, что враг, буквально находящийся на пороге города (столицы, черт побери!), не может в нее пройти. «Но пасаран!» Этот лозунг порою звучал для нас самих некоторой наивной ironией, когда мы уже дрались в предместьях города. Но уже проходит второй месяц мертвоты схватки — и враг ни шагу не сделал вперед...

...Сиудад Университария — это и есть Университетский городок. В «Испанских дневниках» Кольцова читаем запись от 24 ноября 36-го года:

Третий удар противник направил в Университетский городок. По узкой пологие, которой он здесь пересекает республиканско расположение, он подвел части и попытался прорваться в центральную часть города. Этому атаке полностью отбила Двенадцатая (Вторая) Интернациональная бригада. Бой очень жестокий, весь день. В Университетском городке борьба идет за каждые десять метров...

У меня была договоренность, что на могилу отца я поеду в сопровождении венгерских дипломатов. Договорились, что утром, к 9 часам, они заедут за мной

* Это был де ла Пр.

** Ганс Баймлер — член ЦК Компартии Германии. Вилли Вилле, Луи — немецкие коммунисты.

в мотель и мы, опережая автобус, пойдем в Валенсию, чтобы успеть купить цветы и привести в порядок могилу — три безымянные ниши.

А между тем имена павших известны: доктор Хейльброн, его шофер, испанец Луис, мой отец Матэ Залка. Я вспомнила строки, которые посыпал этим троим похороненным вместе бойцам интербригад Эрнест Хемингуэй в послесловии к своему фильму «Испанская земля»:

...Когда я засыпал в машине, возвращаясь откуда-нибудь ночью в Мадрид, Хейльброн приказывал своему шоферу Луису сделать небольшой крюк к госпиталю в Морелахе... и в три часа ночи мы ели горячий ужин на кухне...

Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...

В молодости смерти придавалось огромное значение. Теперь не придаешь ей никакого значения. Только ненавидишь ее за людей, которых она уносит.

И думается: плохо организована смерть на войне — вот и все. Но хотелось бы поделиться этой мыслью с Хейльброном, он, наверное, посмеялся бы, или с Лукачом, он-то понял бы отлично... Ведь мы там были. Но если вы там не были, я считаю, что вам следует посмотреть этот фильм...

Фильм я смотрела много раз. А вот теперь, попав в Испанию, направляясь к могилам тех, о ком с такой теплотой писал Хемингуэй.

Мы подъехали к главным воротам кладбища, из которых на нас глянули ряды склепов — пышных, однообразных в своей роскоши. Обратились к стоящему у ворот служителю — худенькому старичку в униформе, который указал нам на левые, боковые ворота. И тут, словно из-под земли, как в плохих детективах, возник полицейский и молча зашагал рядом с нами.

...Три безымянныи ниши я увидела сразу. А когда подошла ближе, то ужаснулась — они почти до половины были завалены мусором: консервными банками, обрывками бумаги, целлофановыми пакетами, какими-то палками, щедро обвиты паутиной.

Я принялась было разгребать этот мусор, чтобы положить цветы, но тут наш безмолвный полицейский вдруг начал что-то выговаривать нам весьма недовольным тоном. Тогда венгры предъявили свои дипломатические удостоверения и потребовали пригласить кого-либо из администрации кладбища. Возмущенный полицейский куда-то ушел. Я поторопилась очистить могилы от пыли и паутины, положила цветы ко всем трем нишам. И только к средней нише, под номером 99, которая значилась в квитанции как могила отца, я, выполняя последнюю волю мамы, положила ее фотографию, а также горсть советской земли.

В этот момент в сопровождении полицейского к нам подошел седовласый взволнованный человек, который представился директором кладбища, и спросил, кто мы такие. Ему объяснили, кто я, откуда и зачем мы приехали. Директор, глядя на меня исподлобья, нетерпеливо кивнул.

— А сейчас что угодно сеньоре? Я сказала ему, что у меня к нему вопрос: можно ли закрыть именной плита на нишу, где похоронен отец?

— Нет, — сразу ответил он...

20 ноября 1975 года Франко умер. В 1977 году новый глава испанского государства, король Хуан-Карлос, в последний раз позволил франкистам отметить «национальный праздник 18 июля» — день начала фашистского мятежа в 1936 году. Фаланге не удалось организовать манифестаций ни в Мадриде, ни в «Долине павших», где был захоронен и пах Франко. Испанская газета «Диарио-16» писала в связи с этим:

«День 18 июля в этом году нам понадобился для того, чтобы лишний раз убедиться: франкизм навсегда ушел в прошлое и нынешняя Испания не имеет ничего общего с режимом Франко».

Примерно в это время венгерские официальные лица вновь обратились к испанским властям с просьбой о переносе праха генерала Лукача. И получили официальное согласие.

...В памятные дни апреля 1979 года в «Мундо Обрero» была опубликована статья члена ЦК КПИ Франсиско Сиута, озаглавленная «Матэ Залка, генерал Лукач. Коммунист, боец, писатель». В ней, в частности, говорилось:

«...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам: звук ясный и нежный, походил на звук флейты. Вы увидите Лукача только мельком, в работе...
...Лукач появляется на экране только на минуту — во главе 12-й бригады, разворачивающейся вдоль Аргандской дороги. Не видно, как поздно ночью на большом первомайском вечере в Морелахе он наигрывает песенку, которую он играл только поздней ночью, на карандаше, приставленном к губам:

Молодежная мода

Татьяна КРАСОВСКАЯ,
искусствовед.
Фото
Валерия КАМЫШКО

ГЕОМЕТРИЯ КОСТЮМА

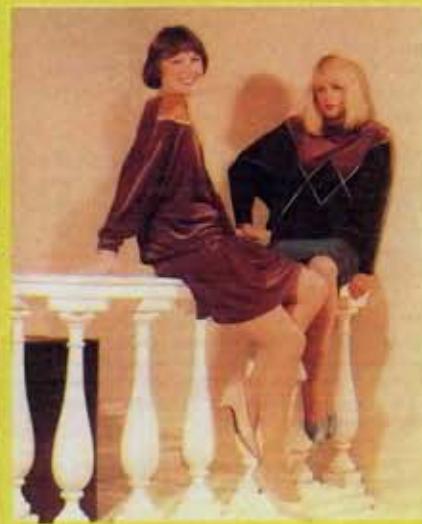
**МОДА БУДУЩЕГО ГОДА.
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВАРИАНТ.**

Следуя старой русской поговорке, наверное, уже сейчас, когда метут метели, необходимо подумать, что носить весной. Несколько моделей, рассчитанных на это время года, предлагают вниманию читателей «Смены» ленинградские художники-модельеры.

В куртках используются не только болонья и нейлон, но и текстильные материалы, такие, как шерсть с легким ворсом. Цвет ткани может быть ярким, декоративным или же спокойным, монохромной гаммы. Что касается отделки, деталей, то в последнее время здесь приобрел популярность так называемый блочный или лоскутный стиль. Большие плоскости из ткани разного цвета как бы проникают друг в друга, разбивают одежду на геометрические фигуры — треугольники, прямоугольники, квадраты. Отделка выделяет линию плечевого пояса, поскольку именно на плечи, их форму и ширину обращает особое внимание современная мода. Плечи обязательно расширены. Достигается это с помощью декоративных отделок. Кстати, в новом блочном стиле могут выполняться не только куртки, но и плащи.

Сегодняшняя одежда для молодых лаконична, в ней немногочисленны детали, а те, что присутствуют, обязательно функциональны — съемные накладные кокетки, крупные накладные карманы.

В коллекции Ленинградского Дома моделей представлена и одежда для досуга. Художники рекомендуют костюмы, платья, выполненные из трикотажного полотна выразительной фактуры, имитирующей бархат, ткани с ворсововой поверхностью. В качестве отделки можно использовать различные декоративные элементы лоскутного стиля. Длина моделей очень индивидуальна, зависит от пропорций ансамбля. Юбки, дополняющие верхнюю одежду, то есть пальто, куртки, могут быть удлиненными, до середины икры. А в молодежных комплектах, предназначенных для отдыха, допускается длина на пять — десять сантиметров выше колена.

ПОДВОДИМ ИТОГИ ДИСКУССИИ «ВЕРНУТСЯ ЛИ В ПЕСНЮ МЕЛОДИЯ И СМЫСЛ?»

Прежде всего хочется поблагодарить всех, кто отозвался на начатый нами разговор и верно понял его направленность и интонацию: не поучать кого-либо решили мы, затевая беседу на тему «Вернутся ли в песню мелодия и смысл?». Напротив, мы предложили читателям вместе пристально взглянуться в существующую проблему и поразмыслить о некоторых характерных чертах возникновения и бытования современной песни. Поэтому особо благодарны тем, кто не поверху пробежал быстрым взглядом текст нашего диалога, а вчитался в него.

Нельзя не отметить, что разговор, начатый «Сменой», как бы перешагнул границы журнала: наша дискуссия была в разгаре, когда аналогичного харак-

ти строгого, серьезного воспитания ребенка с первых же его шагов, но и необходимости последовательного переубеждения неправого, незрелого человека. Дело это в высшей степени трудное. Нина Григорьевна пишет о своем восемнадцатилетнем сыне: «Приходится много сил прилагать, убеждая его в существовании хорошей музыки, поэзии, литературы...» Судя по всему, усилия эти не пропадают даром, потому что, очевидно, направлены не на поверхностные морализирования, а на глубокую вспашку души. Успех и в таком случае, очевидно, не всегда гарантирован.

Однако надежда на достижение успеха должна подкрепляться не только словом-наставлением, но и собственным примером, и еще — долговременным вниманием, подчас самоотверженным, к тому, кого

незаметно. Но на протяжении времени происходит именно так.

В письме семнадцатилетней Людмилы Задонских из Новосибирска, например, с тревогой говорится о том бесчисленном количестве низкопробных песен-однодневок, которые буквально обрушаются на голову слушателей, не запоминаются, исчезают с такой же быстротой, как и появились, но в массе своей оказывают дурное влияние на духовный климат, в котором воспитываются чувства молодых людей. Людмила замечает, что в этих бесчисленных подделках под песню «нет главного мелодии и смысла; у исполнителей часто нет нужной интонации и голоса, чтобы помочь слушателям разобраться в том слепке из слов и нот, которые они исполняют». (Кстати, и в ряде других откликов читатели недоумевают по поводу появления в эфире и на эстраде колоссального количества таких вот однодневных песен-новинок. Об этом пишут и Н. Мезенцева из Ташкента, и Виктор В. из города Бендера Молдавской ССР, и В. Травников из Костромской области. Ф. Антонова из деревни Усвятъ Смоленской области задает вопрос: «Почему идет такая гонка песен — хоть плохая, да новая — и притом похожих одна на другую?» Вопрос этот достаточно серьезен для того, чтобы его как следует обсудить во всех организациях, причастных к выпуску песен в свет.)

Академик Д. С. Лихачев в упомянутом нами выступлении со всей решительностью высказывает по этому поводу: «Гораздо взыскательнее, жестче должны мы подходить к продукции создателей расхожих шлягеров — это не что иное, как откровенная халтура, дискредитирующая поэзию, но как хорошо оплачиваемая!.. Давайте вчитаемся в совершенно бессмыслицкие тексты так называемых модных «песен», в огромных количествах звучащих с тысяч эстрадных подиумов, вслушаемся в рев многочисленных ВИА и голоса микрофонных идолов молодежи, всмотримся в вихляющихся, дергающихся, извивающихся модных и супермодных солисток и солистов, всевозможными способами и эффектами компенсирующих отсутствие таланта, вкуса и такта, давайте серьезно вдумаемся в этот прискорбный феномен и найдем, по-моему, совершенно необходимые меры сопротивления и борьбы с воинствующей пошлостью. Хочу вновь подчеркнуть: я вовсе не против так называемого «современного» искусства, но это должно быть именно искусство, облагораживающее и возвышающее человека, а не жалкая, бездарная пародия, рассчитанная на моментальный шок-успех, оглушающая массы людей...»

Мы специально щедро цитируем письма и высказывания самых разных людей, которые вовсе не против «современного» искусства, но всерьез озабочены неразборчивостью, низкопробностью вкуса многих и многих молодых людей, «больных», — как они иногда сами пишут в своих исповедальных письмах, — тяжелым роком, поп- и дискомузыкой».

Один из читателей, к примеру, рассказывает о молодом парне, которого соседи прозвали «магнитофонной головой». С самого утра из квартиры, где он живет, разносится какой-то раскаленный музикоподобный рев. Звучит он до тех пор, пока молодой человек не уходит в школу. Возвращается и опять «врубает» магнитофон на всю мощь. Что же, он под этот рев (мы уж не говорим о страданиях соседей) занимается? Читает? Отдыхает? Выходит, что так. Все его домашнее время — до прихода родителей с работы — занято магнитофонной «музыкой».

Что может выйти из такой «магнитофонной головы»?

Очевидно, под магнитофонный рев писал свое послание в адрес музыкального клуба «Смены» двадцатилетний Андрей М. — «от лица новой волны». Откликнувшись студентом одного из университетов (?) и первоклассным шахматистом (?), он откровенно заявляет: «Мне кажется, для счастья нужно немного: японская аппаратура, фирменные шмотки и новейшие записи, и все!» Что это — пародия? Розыгрыш? Издевательство (и прежде всего над собой)? Однако стиль письма, взвинченность тона, его наступательный характер свидетельствуют о том, что оно написано всерьез. Если даже опустить часть письма, связанную с самовоспеванием («Как видите, я откровенен!», — резюмирует Андрей М.), невозможно примириться с таким обликом студента университета. Как это могло стать? Как вообще мог появиться такой тип студента университета? (Вспомним всю историю студенчества российских университетов!) Между тем автор письма, замечая, что и сейчас его «многоголосная аппаратура поет во всю свою мощь», продолжает: «Это музыка нового поколения! Музыка будущего! В ней не обращают никакого внимания на смысл слов. Плевать мы хотели на него! В музыке будущего главное — ритм и еще раз ритм. Песня должна петься с надрывом, на грани истерики — это и есть кайф!.. История идет вперед. Прогресс необратим... Новая волна — во всем. А вы — с вашей убогой

Владимир ЛАЗАРЕВ,
Евгений ОСЕТРОВ

И ЖИЗНЬ, И ЧУВСТВО, И ГАРМОНИЯ

В начале этого года «Смена» (№ 4, 1984 г.) опубликовала диалог критика Евгения Осетрова и поэта Владимира Лазарева «Вернутся ли в песню мелодия и смысл?», в котором авторы затронули ряд важных проблем, касающихся состояния современной песни. Диалог вызвал широкий читательский отклик.

Подводя итоги дискуссии, мы вновь предоставляем слово авторам, начавшим разговор. Несколько слов о них. Евгению Осетрову, писателю широкого диапазона, принадлежат книги «Познание России», «Мир Игоревой песни», роман-исследование «Три жизни Карамзина», «Книги о русской поэзии», «Человек-песня» (о М. В. Исаковском)... Владимир Лазарев — поэт и прозаик, автор книг «Не спят березы», «Брат милосердия», «Тульские истории», «Сокровеная жизнь», «Уроки Василия Жуковского», статей по истории отечественной культуры. Его стихи, положенные на музыку, стали известными песнями: «Как не любить мне эту землю», «Березы», «Мой белый город», «Мне приснился шум дождя», «Не остыди свое сердце, сынок», «Шум берез слышу»...

тера проблемы так или иначе были затронуты в ряде других журналов и газет.

Как и следовало ожидать, почта дискуссии была далеко не однозначной — с полярно противоположными оценками одного и того же явления. Но эта противоположность высказываний — что очень важно! — не определилась разностью возраста пишущих (К слову сказать, и авторы диалога относятся к людям разных поколений.) Не прочертилась резкая граница между отцами и детьми, между старшими и младшими братьями, между юностью и зрелостью, хотя в письмах некоторых молодых читателей — и надо сказать, со всей прямотой — прозвучал неправомерный мотив полной изоляции их «молодого мира музыки» от музыки даже тридцатилетних, не говоря уже о более старших людях. Причем подчас декларируется изоляция этого «молодого мира» и от классических образцов — как серьезной, так и легкой музыки, без разбора.

Понимают ли авторы такого рода утверждений, что они как бы помещают себя в изолированное пространство, в своеобразную комнату кривых зеркал, зачарованные лицом собственной физической молодости (от 17 до 20 лет)? А дальше что? Разве время стоит на месте? Не успеют они оглянуться, и их самих запишут в «старички» представители новой «новой волны». И придется стоять в растерянности перед жизнью — точно в коротких штанышках — тем, кто сознательно или неосознанно выделяет свою молодость из общей цепи времен. Люди, умудренные житейским опытом, как раз могут отнести снисходительно к молодым амбициям. Но само движение времени снисхождения не знает.

Серьезной озабоченностью о судьбах входящего в жизнь поколения проникнуты иные письма, поступившие в редакцию «Смены» в связи с нашим выступлением. Останавливает внимание, например, письмо Нины Григорьевны Легковой из города Реутово Московской области. Она пишет не только о необходимости

хочешь воспитать. Нетерпение, раздражение, волевое запретительство в таком внутрисемейном, если хотите, интимном деле не помощники. Академик Д. С. Лихачев в одной своей статье, говоря о «непременном проведении принципа общения между собой всех членов семьи: и малых, и взрослых, и старых», справедливо заметил: «...Хорошо было бы возродить стародавнюю традицию совместного чтения вслух. Тут дело не в информации, которой у нас сегодня и без того предостаточно. Важно соприкосновение душ членов семьи и непрерывно в разновозрастном составе... И сразу же в связи с этим возникает проблема очень «строгого режима» для весьма и весьма активного нашего члена семьи — телевизора, весьма притом говорливого, но глухого «члена семьи», который для многих увы, стал чить ли не основным средством познания мира...» Далее ученый указывает на развитие ленинства мысли, на возникновение тяжелых нагрузок на нервную систему при неумеренном пользовании телевизором.

В еще большей степени это относится, по мнению специалистов, к «громокипящему» реву магнитофона. Действие такого звукового напора — доказано — влияет разрушительно на нервно-сосудистую систему, на работу сердца, а у молодых людей в первую очередь разрушает способность к сосредоточенности, к учебе не только в конкретном, но и в самом широком смысле — способность к восприятию нового.

Характерно, что именно такой звуковой напор заглушает и связь слов, и методический рисунок, делает их вовсе не нормальными, псевдирует к распаду. Но ведь в таком случае происходит не только распад песни, но и в конечном итоге духовный и физический распад самого человеческого организма, достаточно долго находящегося под воздействием грубо ритмизированного, оглушительного, как бы остроугольного шума. Вряд ли неумеренные потребители такой «музыки» жаждут саморазрушения. Сразу это бывает

классикой, жалкими Моцартом, Пушкиным — прочь с дороги!

Можно себе представить, какое будущее ожидало бы человечество, если бы оно осуществилось по воле этого молодого человека и ему подобных. Что же касается «новой волны», от «лица» которой выступает Андрей М., то, как известно, опасной «детской болезнью» — сбрасывать классиков «с борта современности» — болели футуристы в начале века, наивно полагая, что они выражают историю, «идущую вперед». В 60-х годах так называемая «новая волна» захватила определенную часть молодежи на Западе и, наконец, через двадцать лет докатилась до Андрея М., завладев, судя по его признанию, всеми его чувствами и мыслями. Так что волна эта далеко не «новая», не следует обольщаться.

Однако же какие-то взаимоотношения между низкопробными вкусами музыкальных «потребителей» — скажем, той же «новой волны» (условно) — и некоторыми ловкими «профессионалами», готовыми потрафлять любым дурным вкусам ради одной только коммерческой выгоды, безусловно, существуют. Не это ли в какой-то мере повлияло и на появление музыкальной и словесной неоригинальности, безлики, какой-то глобальной мелодической цитатности в подавляющем большинстве новоявленных песен? А появление всего этого неоригинального, пошлого на многочисленных эстрадах, звучание с теле- и киноэкрана придает иной раз и неоригинальному кажущуюся значимость и даже привлекательность (особенно при многократном повторении) в сознании неискушенного слушателя.

Печально, что при этом «маскульт» получает как бы высокий статус. Выдвигает своих «авторов», не имеющих, по существу, никакого отношения ни к музыке, ни к литературе. Между тем слово, передаваемое средствами массовой информации, как и слово печатное, обладает своеобразной магией, которой человек, воспринимающий его подчас простодушно, поддается. В этом смысле в оценке многих получивших распространение разнообразных явлений современной эстрадной музыки, повторяю, иной раз сходятся люди разных возрастов. (Например, в некоторых письмах, принадлежащих и молодым и немолодым людям, прозвучал следующий мотив: «Надо сначала узнать то, что пользуется спросом», «Вы критикуете, а я на это — спрос!», «Зачем мешать тому, что пользуется спросом?».) И подчас резко расходятся сверстники, обладающие разными вкусами, устремлениями, культурой чувств, наконец. Здесь нет возрастного единства, что принципиально важно.

И это еще раз подтверждает мысль, что музыкальные пристрастия и вкусы (как, впрочем, вообще художественный вкус, чувство прекрасного, чувство гармоничности и дисгармоничности...) не определяются одной биологической разницей в возрасте, как уверяют иные молодые, «болеющие» «тяжелым роком» и т. д. Ущербность искусства, определяемого лишь биологическими границами, не может вызвать

сомнения ни у одного здравомыслящего человека, к какому бы поколению он ни относился. При здравомыслии, при уважении к культурным традициям, естественно, возможны разногласия, спор. Так Виктор В. из г. Бендера Молдавской ССР, отмечая, что дискуссия «Вернутся ли в песню мелодия и смысл?» для него «одна из самых интересных рубрик за этот год», одновременно не во всем соглашается с авторами диалога. И не только с нами, но и с писателем Виктором Астафьевым, который вместе с рядом красноярских деятелей культуры и искусства выступил в свое время в «Комсомольской правде» с критикой рок-группы «Машину времени». Виктор В.—поклонник этого коллектива и в спокойных тонах пытается доказать правомерность его популярности в молодежной среде...

Дискуссия есть дискуссия. Она в определенном смысле зеркало, отражающее то, что происходит в реальности, и не может отменить какое-нибудь объективно существующее явление, заменить его другим. Но с тем, что определяющим критерием ценности произведений массовых жанров является прежде всего то, что «пользуется спросом», согласиться никак нельзя. Даже если идет речь о так называемом развлекательном искусстве. Сознание, в котором ценность музыки тождественна «спросу», то есть, по существу, объединяется ее с «ходким товаром» (а любовь к современному искусству — с любовью к «ходкому товару»), — такое сознание глубоко порочно и столь низменно, что попросту находится за пределами любой сколько-нибудь достойной журнальной дискуссии.

Заметим, что сознание, объединяющее искусство с «ходким товаром», вовсе не плод новейшего времени. Напротив, оно имеет давнюю историю. К примеру, в сороковых годах девятнадцатого века великий немецкий композитор Рихард Вагнер (причем молодой Вагнер!) в статье «Парижские увеселения» нарисовал весьма выразительный сатирический образ одного из жрецов увеселительного искусства, который «спешит от одного гостя к другому, улавливает запросы каждого из них с ловкостью ресторанных гарсонов, мгновенно подает желаемое и скромно берет пустяковые чаевые, предоставляемые ему в виде набегающих колоссальных танцев», то есть дополнительных доходов-вознаграждений.

Как видим, издавна (и по сей день!) искусство, ставшее «ходким товаром», небескорыстно в своих устремлениях. Это далеко не всегда известно потребителям такого «искусства» (и дело вовсе не в том, какие формы у него — современные или несовременные), а не между чисто биологическим восприятием искусства разными поколениями.

Хочется остановиться на том, что некоторые читатели (судя по их откликам) не вполне внимательно

отнеслись к жанру нашего первоначального выступления — а именно к диалогу, который является особой формой высказывания и предполагает более свободное движение мысли, чем, например, статья. Отсюда и охват изучаемых вопросов может быть более широким, могут быть затронуты и смежные проблемы и т. д. Может быть, в силу этих причин кое-кому из читателей показалось, что мы призываляем всех обращаться только к фольклору, только к народному хору... Один из читателей даже усмотрел в нашей беседе призыв «вернуться к музыке древнерусских композиторов». Ничего подобного в тексте нашего диалога нет. Другое дело сбережение и развитие плодотворных культурных традиций, речь об их непрерывности, память о национальных началах и образах... Об этом разговор шел. Это мы готовы повторить еще и еще раз. И, разумеется, хоровое искусство не только позади (наивно представление некоторых молодых людей, что оно безнадежно устарело), но и в дне нынешнем, и впереди, потому что это искусство отобрано временем: оно высокое и вечное. В нем звучит Память.

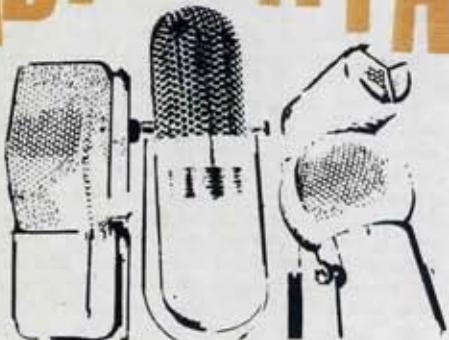
Если говорить серьезно, то без опоры на Память, без широкого круга знаний невозможен разговор и о так называемой современной «молодежной музыке», которую мы вовсе не отрицали. Мы выступали и выступаем лишь против ее агрессивно-уродливых форм.

Многие читатели поддерживают мысль о необходимости обращения к широкому кругу знаний в разговоре о современной песне. Это не может не радовать. В самом деле, есть ли ценность в категоричных высказываниях некоторых людей о современном песенном процессе в том случае, когда основным источником их знаний являются всего лишь телевидение и эстрада? Могут ли они при этом выработать сколько-нибудь независимое собственное мнение хотя бы по этому вопросу? Между прочим, среди писем, ратующих за культуру в разговоре о песне, одно вызвало по меньшей мере недоумение. Его автор — выпускница МГУ, ныне преподаватель политэкономии С. И. Б. (Письмо подписано полным именем и фамилией; в данном случае мы сознательно прибегли к инициалам). Автор относит себя к числу людей «много читающих» и, однако, находит для себя «философский» интерес в эстрадных сочинениях типа «Дежурный ангел». Одновременно с этим по поводу имен известного русского композитора и теоретика музыки Н. К. Метнера и выдающегося деятеля музыкальной культуры А. В. Свешникова (мы ссылались на них в своем диалоге) С. И. Б. иронически вопрошает: «Кто это?» Ну не курьез ли!

Иные читатели спрашивают, почему, ведя разговор о современной песне, мы переходим подчас на некоторые общие проблемы современной культуры и тем самым как бы отвлекаемся от основного вопроса. Потому и переходим, что массовая песня (как и любое подобного рода явление искусства) не может считаться изолированным явлением. Не потому ли и акаде-

ЗВУКОВЫЕ КОММАЖИ

«АВТОГРАФ»

Четыре года назад были названы лауреаты первого Всесоюзного фестиваля популярной музыки «Весенние ритмы. Тбилиси-80». Среди тех, кого отметил жюри, возглавляемое композитором Юрием Саульским, оказалась и московская самодеятельная группа «Автограф».

Второе место в Тбилиси стало своего рода началом биографии коллектива, если учсть тот факт, что музыканты впервые собрались вместе всего за полгода до фестиваля. В сравнительно небольшой срок произошло становление «Автографа» — и вот сейчас они уже серьезные профессионалы, их выступления с успехом проходят во многих городах страны. Коллектив знают в Болгарии, ГДР, Венгрии...

«Автограф» — это явление. Не часто встречаются в наше время ансамбли, способные соединить национальные музыкальные традиции с жесткими ритмами рок-музыки, — писали венгерские газеты после концертов в Будапеште. Можно добавить, что в основе успеха ансамбля — рожденные в самом коллективе композиции, составляющие основу репертуара.

Мы идем по пути создания сложных произведений, неразрывно связанных с образным поэтическим словом, — говорит музыкальный руководитель «Автографа» Александр Ситковецкий.

— Наши концерты в первую очередь для тех, кто приходит на них не развлекаться, а размышлять.

...Любой концерт ансамбля не только музыка, но и оригинальная световая партитура. Используются все новейшие технические средства, вплоть до лазеров. При этом независимо от громкости звука слышна каждая нота, каждый гитарный аккорд. Сложнейшая полифония пьес «Простите ремни безопасности», «Ливень», «Корабль», «Марсианские хроники» полярна бессмысленной какофонии, исполненной на децибелном пределе.

— Проще простого оглушить слушателя, современная аппаратура позволяет это делать, — считает Александр Ситковецкий. — Тому же, кто видит в подобном подходе к рок-музыке смысл, надо уйти со сцены, и чем раньше, тем лучше.

Стихи большинства песен «Автографа» написаны молодыми московскими поэтами Маргаритой Пушкиной и Борисом Баркасом. Стихи о всепобеждающей любви, о месте человека на земле, о том, как важно беречь дорогое — мир. К числу наиболее сложных композиций из своего репертуара музыканты относят переложение симфонической пьесы Георгия Свиридова «Время, вперед!». Решение взяться за нее — шаг определенно смелый. С блеском исполнить произведение советской классики позволяет высокое исполнительское мастерство солистов и музыкантов ансамбля. Окончил консерваторию Леонид Макаревич (клавишные), учится в ней Леонид Гуткин (гитара-бас), училище при консерватории заканчивал Виктор Михалин (ударные), а в Гнесинском училище получают образо-

мик Д. С. Лихачев, даже говоря о глобальных проблемах духовной культуры, не упускает из поля зрения и песню, ее бытование в современном обществе? Мало того, рассматривая «огромную сферу, охватывающую гуманистическую сущность общества», он призывает «взыскательнее, жестче подходить к продукции создателей расхожих шлягеров».

Казалось бы, какое дело ученому с мировым именем до эстетики расхожего шлягера, а вернее, антиэстетики? Но нет, он верно чувствует опасность этих якобы безобидных «сочинений». Распространение их в общественном климате, в самом воздухе нашего бытия, безусловно, представляет определенную опасность для духовного здоровья людей, особенно молодых. Эпидемии опасны в сфере духовного не менее, чем в сфере физического существования. Мы ведь видели, что иной раз молодые люди, получившие даже высшее гуманитарное образование, обращаются в наше время к некоторым модным песням, связанным с личностью любимого эстрадного певца или певицы, как к некоему источнику знаний, видят порой в этих безвкусных, расхожих поделках «свое осмысление вечных идей».

Такое заблуждение некоторых молодых умов вызывает грустное чувство тревоги за них. Преодолеть это заблуждение можно лишь поднятием общего уровня собственной культуры, неустанным самообразованием, обращением к классике, к животворному, нестремящемуся искусству, к источникам подлинного знания. В процессе просветительства важно не только глубоко осмысливное, выверенное, исполненное чувства слово учителя, мастера, просветителя, но и желание ученика постичь истину, чтобы уметь отдельить подлинное от ложного, живое от мертвого. Только совместные усилия могут дать положительный результат. Нельзя не верить в духовный потенциал нашего общества, молодых поколений в частности. Заинтересованность самого разговора, состоявшегося на страницах «Смены», внушает в этом смысле надежду. Может быть, стоило бы провести такого рода открытый серьезный разговор не только на страницах печати, но и во дворцах культуры, институтах, школах... Формы общественного разговора на волнующую тему могут быть весьма многообразными, как и сами формы искусства. Мы же остаемся уверенными, что, несмотря ни на какие поветрия, осмыслившее слово, образ, мелодический рисунок в песне не могут быть разрушены. Именно это не стареет во времени и переходит от поколения к поколению. А многие сиюминутные «выверты» ко всему прочему быстро тускнеют, уступают место следующим. Такова судьба «музыки момента». И последующие поколения, как правило, относятся к ней с усмешкой, недоумевая: «Как это вообще могло нравиться?»

Искреннее слово, окрыленное неповторимой, прекрасной мелодией, всегда будет притягивать и радовать человеческое сердце, делать его добре, отзывчивее.

— Не знаю. Минуты две, наверно.— Нина возилась с камешками, которые мы перед этим собрали на берегу.

Б 10.45 мой рапорт пополнился новой строчкой:

— По дороге в магазин слежки не обнаружил.

Продуктов я набрал с заласом, сколько влезло в сумку, а под занавес купил бутылку шампанского и две банки консервированных ананасов — очень уж красивая на них была этикетка.

11.10. На обратном пути слежки не обнаружил.

Вернувшись, я разбудил Нину.

Завтракали мы часом позже, но этот факт я в отчете не отразил.

12.45. По дороге на городской пляж слежки не обнаружил.

К двум часам я начал подумывать, не бросить ли мне свою затею с рапортом. После очередного заплыивания мы с Ниной лежали на горячей гальке у самого моря и обсыпали, подставив солнцу мокрые спины. Народа на пляже было негусто.

Справа к молу то и дело приставали прогулочные катера, и тогда оттуда доносился усиленный мегафоном голос, объявлявший время отправления и остановки в пути следования. Среди других остановок называлась и санаторий имени Буденного. Катера в том направлении шли с интервалами в сорок минут.

Мы пропустили уже два рейса, а несколько минут назад от причала отвалил еще один катер, взявший курс на санаторий.

— Поедем следующим! — решил я, глядя на ныряющих с мола пляжников.

Мое внимание привлек парень в ярко-красных купальных трусах. Он прыгал почти без разбега и находился под водой особенно долго. Это был ловец рапанов.

— Интересно, сколько можно продержаться под водой? — спросил я после особенно затяжного прыжка.

Николай ОГАНЕСОВ

ПОВЕСТЬ

ИГРАЕМ В СПРИНГ!

— Не знаю. Минуты две, наверно.— Нина возилась с камешками, которые мы перед этим собрали на берегу.

— А вон тот парень пробыл три с половиной минуты... — Я запнулся, потому что в голове вдруг мелькнула догадка, верней, не догадка, а тень догадки, настолько она была странной и неожиданной. Я не сводил взгляда с ныряльщиками, и с каждой секундой моя идея казалась все менее странной. Она в корне меняла представление о случившемся, но как раз по этой причине я не хотел торопиться с выводами. Подтвердить или опровергнуть мою идею мог лишь один человек. Чтобы с ним увидеться, надо было ехать в санаторий.

— Хочешь мне помочь? — спросил я.

— Я сделаю все, что ты скажешь, — сказала Нина без колебаний.

— Нужно, чтобы ты прослушала одну запись. Только не сейчас и не здесь. И еще: через полчаса отходит катер. Мы сядем на него. Это самая обычная морская прогулка. Учти, нам безразлично, куда идет судно и где оно делает остановки.

— Ты хочешь, чтобы поездка выглядела как бы случайной? — Нина улыбнулась чуть грустновато. — Будет исполнено, товарищ капитан.

Она угадала мое желание, но ошиблась в звании — до капитана мне было еще очень далеко.

Корабль назывался «Ассоль».

Мы сели в числе первых пассажиров и сразу поднялись на верхнюю палубу, облюбовав место у спасательной шлюпки.

Отсюда открывался прекрасный вид на набережную, а мол с билетной кассой и трапом был как на ладони.

Долго ждать не пришлось. Вскоре у питьевого фонтанчика появился Тофик.

14.43. При посадке на катер обнаружил «хвост». Слежки ведет Т. Шахмамедов.

Купив билет, он долго ошивался около кассы и

прошел на корабль, затесавшись в толпу туристов, из чего я заключил, что распределение ролей осталось прежним и что прятаться нужно не нам, а ему. Это намного облегчало задачу.

Постепенно поток пассажиров пошел на убыль. Заиграла музыка. Мы спустились вниз и пробрались на корму, где незадолго до отплытия начались танцы.

Я не искал Тофика, и он, надо отдать ему должное, не попадался нам на глаза.

Санаторий был второй по счету остановкой. По расписанию мы прибывали туда в 15.45.

К этому времени веселье на корме достигло апогея.

Поддавшись общему настроению, мы тоже танцевали, причем увлеклись настолько, что чуть не пропустили остановку.

Пришло время двигаться к выходу. Делать это следовало с умом, чтобы не вызвать у Тофика подозрений.

Сперва мы заглянули в бар, потом прогулялись вдоль салона и остановились поблизости от дверцы, через которую должна была производиться посадка.

Над водой в поисках провинта носились чайки. Розовые, белые, с янтарным отливом, они подлетали так близко, что были видны их черные бусинки глаз. Мы успели скормить им полпачки печенья. Другую половину съели сами.

Тофик забрался наверх и укрылся за спасательной шлюпкой прямо над нашими головами. Заметил я его чисто случайно: Нина вытащила зеркальце, и на его поверхности на миг отразилась желтая майка с зеленым кантом по рукавам — второй такой на судне не было.

«Ассоль» сбила обороты. Описав плавную дугу, она приближалась к причальной стенке. Мягкий толчок, и на берег полетели канаты. Выдвинули трап. Началась высадка.

Здесь выходили человек шесть-семь. Когда вахтенный взялся за поручни, я пропустил Нину вперед и следом за ней быстро сошел на пристань.

За спиной лязгнули дверцы. «Ассоль» отвалила от причала. Полоска воды все увеличивалась, отделяя нас от владельца желтой майки с зеленым кантом по рукавам. Кстати, его на верхней палубе уже не было — очевидно, бежал вниз, края меня на чем свет стоит, но это было его личное дело.

Мой отчет украсила следующая пометка:

15.52. Ушли от наблюдения.

Санаторий стоял на пригорке. Вероятно, когда-то его территория была обнесена забором, от которого с той поры осталось несколько литых чугунных ячеек по обе стороны от входа.

Мы поднялись к трехэтажному зданию, где, судя по вывеске, помещались администрация и процедурные кабинеты.

— Вы не подскажете, в каком корпусе искать отдающегося Пасечника? — спросил я у строгой усаженной женщины, сидевшей под табличкой «Дежурный регистратор».

— Зачем он вам?

Я растерялся.

— А разве это имеет значение?

— Имеет, — отрезала она, выразительно покосившись на мою сумку. — Здесь лечебное заведение, и я обязана оберегать покой своих больных.

Вот, значит, куда подевались недостающие ячейки от забора!

— Видите ли, он мой дядя. Мы с сестрой отдыхаем тут неподалеку и хотим с ним повидаться. Если он узнает, что мы были тут и не зашли проведать, у него откроется язва, а то и еще что похуже. Так уже было однажды, в прошлом году. Его еле откачали...

Она смерила холодным взглядом сначала меня, потом Нину, но журнал все-таки открыла, полистала свой гроссбух.

— Вы опоздали, — сказала она бесстрастно. — Пасечник Валерий Федорович закончил курс лечения и первого октября выехал по месту жительства.

Ниточка, с помощью которой я надеялся проверить свою идею с ныряльщиком, оборвалась. Правда, оставалась еще одна.

Владимир МИШИН

Окончание. Начало в №№ 17—23.

— Скажите, а Аксенова Ирина Николаевна, она еще у вас?

— Это тоже ваша родственница? — ядовито осведомилась дежурная.

Трудно сказать, что ею руководило: бдительность или небольшая мания величия, не исключено, что и то и другое вместе.

— Вы угадали, она моя тетя. Если нужны доказательства, я предъявлю их вашему главному врачу. Где он у вас помещается?

Дежурная пошевелила усами, но, пересилив себя, зашелестела страницами.

— Аксенова выехала позавчера.

И вторая ниточка оборвалась.

Я тянул с поездкой, потому что внутренне не был готов к встрече с последними свидетелями, видевшими Кузнецова живым, и вот теперь, когда один-единственный вопрос мог разрешить все сомнения, мне некому было его задать.

3

Всю дорогу до пристани я думал о ловце ракановых раковин. Идея, которую он мне подсказал, нуждалась в проверке. Я почти не сомневался, что Пасечник, застать мы его на месте, подтвердил бы мою догадку, но он уехал. Значит, надо было искать другой способ проверки. И я его нашел. В первый момент он показался чересчур жестоким по отношению к Нине, но иного выхода у меня не было...

Через час с четвертью мы были у цели.

Я помнил эту местность по фотографиям, только в натуре она выглядела еще пустынней. Действительно дикий пляж, другого названия не подберешь. Два недостроенных волнореза, кучи нанесенных штормом водорослей, покосившаяся кабинка раздевалки. Даже море здесь было другим, более первобытным, что ли. Покрытое мелкой рябью, сейчас оно не радовало и не влекло, как прежде, а скорей пугало, будто было живым существом, неприступным, холодным, готовым защищать свою тайну. Мы остановились у гладко отполированной коряги. На этом месте семнадцать дней назад нашли личные вещи Сергея.

— Уйдем отсюда, — сказала Нина. Наверно, ей передалось мое состояние.

— Ты забыла про запись, — напомнил я, стягивая с себя рубашку. — Сейчас окунусь, послушаем плёнку и... Я отвернулся, чтобы не видеть выражения ее глаз, и с разбега бросился в воду.

Нина стояла на берегу. Она, не отрываясь, смотрела в мою сторону. Я не различал ее лица, но чудилось, что она смотрит с тревогой и осуждением.

Меня вдруг неудержимо потянуло назад. «Для чего ты это затеял? — ломая традицию, спросил я у своего двойника. — Для чего стараешься? Для дела? Но оно практически закончено. Для себя? Для Нины? Но даже в случае удачи это не принесет облегчения ни тебе, ни ей. Ты любишь и любишь, разве этого мало? Вернись, чего тебе не хватает?»

Он молчал.

Я вскинул руки, набрал полные легкие воздуха и нырнул в зеленую, пронизанную солнцем толщу воды.

Ловец раканов держал дыхание три с половиной минуты. Это наверняка не предел, но требует тренировки и опыта. У меня его не было, поэтому я решил скономить на скорости и что есть мочи припустил к волнорезу.

Вскоре появился легкий звон в ушах и стало давить в виски.

До волнореза было метров двадцать пять, больше половины этого расстояния осталось позади. Если я рассчитывал правильно, в момент, когда поднимусь на поверхность, Нина будет плыть мне на выручку. Сейчас она находилась в положении Пасечника, точь-в-точь. Условия были те же самые...

На исходе второй минуты я начал задыхаться. Боль в висках сделалась невыносимой, еще секунда, и в легкие, заполнив пустоту, хлынула бы морская вода, но тут, словно в награду за муки, ладони уперлись в покрытую мхом поверхность.

Нины на берегу не было. Рассекая воду, она мчалась к тому месту, где видела меня в последний раз.

Я хотел закричать, но из горла вырвался хриплый клекот. Кое-как я вскарабкался на скользкий от слизи бетон волнореза и замахал руками.

18.10. На диком пляже близ санатория имени Буденного мною воспроизведены обстоятельства, при которых была найдена одежда Кузнецова С. В.

Считаю, что вечером семнадцатого сентября погибший на пляже вообще не находился. Дело, по всей видимости, происходило так: после совершения ограбления преступник (сообщник Кузнецова) увез его с места преступления, затем убил и привез вещи на пляж с целью инсценировать несчастный случай. Не исключено, что вещи подброшены еще шестнадцатого, а спустя сутки отдыхающий санатория Пасечник В. Ф. со своей спутницей наткнулся на сложенную у берега одежду, увидел человека, баражавшегося в воде, и в темноте (21 час) принял его за утопающего, в то время как это был ныряльщик, оказавшийся в этом районе пляжа.

Рисунок
Мариной
ПИНКИСЕВИЧ

— Ты хотел, чтобы я послушала какую-то запись, — сказала Нина, когда мы вернулись на берег и сели. Не знаю, что подумала она о моей выходке. Похоже, поверила, что я просто не рассчитал сил и едва не пострадал от собственной неосторожности.

Откровенно говоря, у меня пропало желание круить плёнку. Не напомни о ней Нина, я бы, пожалуй, отказался от своей затеи.

Я вытащил магнитофон, положил его рядом с собой и включил воспроизведение.

Из динамика вырвалось стремительное аллегро из «Опасной игры» Алексея Козлова. От форсированного звука электросаксофона отдавало металлом.

Наконец музыка оборвалась. Раздался щелчок и сразу за ним голос Кузнецова: «Посмотри, я правиль но поставил на паузу?»

Остальное было мне известно. Я слушал вполуха, попутно вспоминая три пункта, которые вывел ночью.

Пункт первый: Кузнецов встречался с барменом 13 сентября.

Пункт второй: он пытался занять деньги.

Пункт третий: бармен склонял Сергея принять предложение Стаса.

К нам стоило добавить четвертый и, быть может, наиболее существенный: Кузнецов просил занять деньги не тридцатого, а раньше — тридцатого он только напомнил о своей просьбе.

Коли так, выходит, Витек мог быть не первым и уж наверняка не последним, к кому он обращался с подобной просьбой. Причем обращался лишь к самым близким друзьям, к тем, кому мог откровенно, без утайки, рассказать и о долгах, и о Стасе, и о плане, в котором ему предназначалась роль козла отпущения.

Пойдем дальше.

До тридцатого нужной суммы у него не было. Это точно. Но оставалось еще целых два дня. Именно в эти-то два дня он и встретился с человеком, которому поведал о двери с английским замком, которого попросил занять деньги и который...

Я пропустил момент, когда закончилась запись.

Из магнитофона неслышно скрежущие модуляции синтезатора. Я выключил его и, не вытаскивая кассеты, спрятал в сумку.

Нина сидела, опустив голову. Ее лицо прикрывали мокрые, не прosoхшие от морской воды пряди волос.

— Сергей погиб из-за этого? — спросила она.

— Из-за этого тоже.

С гор пахнуло ветерком, и стало слышно, как в отдалении шумят сосны.

— Я не знала, что у него был долг.

— Давай собирайся. — Я застегнул рубашку. — Уже поздно.

По дороге впечатление от прослушанной записи немного углеглось, и Нина ответила на мои вопросы.

— Сергей продавал что-нибудь из своих вещей?

— Насколько я знаю, нет.

— Не заводил разговора о деньгах?

— Нет. Мы вообще мало говорили. Это был разрыв.

Жили практически порознь: он в одной комнате, я в другой. Я готовила на двоих, оставляя ему еду, но мы почти не общались.

— Это его устраивало?

— Мы договорились, что я поживу до зимы. К Новому году мне обещали комнату в общежитии. Он это знал.

— Скажи, кто мог занять ему крупную сумму денег?

— никто, — твердо сказала Нина.

— А у кого он мог просить взаймы?

— Мне кажется, у любого. — Она подумала и добав-

ила: — Может, у своих друзей? Но я уверена, что таких денег ему бы никто не дал.

— Почему?

— Ему нечем было возвращать. В лотерейный выигрыш верил только он один.

— Но сам-то он мог надеяться, что ему займут?

— Это на него похоже...

До центра мы добрались на попутной. Водитель не возражал подбросить нас до самого дома, но я попросил остановиться на привокзальной площади: вспомнил, что мне не в чем идти на концерт. Костюм и приличная пара обуви лежали в камере хранения.

Там, как назло, толпилась очередь, и мы потеряли минут пятнадцать. Потом еще десять, пока ловили машину. К дому подъехали под сигналы точного времени.

— Ничего, попадем на второе отделение, — сказал я, расплачиваясь с водителем.

20.00. Вернулись на Приморскую.

Улица обезлюдела. Из окон гостиницы доносились фанфары, возвещавшие о начале песенного марафона.

Пока мы приводили себя в порядок, телевизор прогрелся, и на экране возникла сцена с двумя ведущими. Шло представление гостей и участников фестиваля.

Нина надела длинное вечернее платье, сделала прическу и даже успела выгладить мне свежую рубашку.

Я тоже переоделся — облачился в костюм, повязал галстук, навел глянец на туфли.

В восемь сорок мы вышли из дома.

Нина сунула было ключ под коврик, но передумала и отдала мне. Оставлять его было не для кого.

Концертный зал «Юбилейный» находился слишком близко, чтобы пользоваться транспортом.

У входа шумела куча опоздавших. Они осаждали билетершу, которая предусмотрительно спряталась за толстой, запертой на висячий замок решеткой. Шанс попасть в зрительный зал, кажется, не было.

Вскоре за ажурными решетками «Юбилейного» появилась нарядная публика. Закончилось первое отделение.

— Где здесь служебный вход? — спросил я у Нины.

— По-моему, за кассами, с тыльной стороны, а что?

Я снял с руки свой верный хронометр и опустил его во внутренний карман пиджака.

— Пойдем, попробуем прорваться.

Мы пересекли площадь и обошли здание сбоку.

У служебного входа стояло десятка два машин. Несколько таксистов, собравшихся в кружок, травили анекдоты. У самой двери, поглядывая в их сторону, прохаживался парень с красной нарукавной повязкой.

— Послушай, друг, — обратился я к нему, — не скажешь, это здесь музыканты, что в фестивале участвуют?

— Ну здесь.

— Ты не вызовешь нам Вадима — флейтиста из оркестра?

— Какого еще флейтиста?

— Юрковского, — подсказала Нина.

— Понимаешь, какая история, — снова вступил я. — Мы с ним на пляже сегодня познакомились, в шахматы играли, а когда он ушел, часы остались, вот эти. — Я вытащил из кармана «Полет». — Ну, мы и хотим отдать. Часы вроде ценные.

Дружинник с видом знатока взглянул на мой «Полет» и согласился:

— Часы недешевые, у меня такие были. Только позвать я его не могу, нельзя мне отсюда отлучаться. И посоветовал: — А вы подождите, после окончания все артисты через эту дверь выходить будут.

— Да не можем мы ждать, в том-то и загвоздка. Поезд у нас через час. — Я показал ему контрамарку. — Видишь, он нам и пригласительный дал, да мы не пошли. Уезжаем, какой уж тут фестиваль. Отсюда прямо на вокзал.

Он взял контрамарку, осмотрел ее с обеих сторон и нашел, что она в полном порядке.

— Да, дела... Ладно, — сдался он, — раз такой случай. Валяйте к своему флейтисту. Тут его один уже спрашивал, сказал, что брат, так я его тоже пропустил. — Он поправил повязку. — Только говорю: по быстрому, одна нога здесь, другая там. Пойдете по коридору, и первый поворот налево — там оркестранты.

— Спасибо.

Мы прошмыгнули мимо. Я не стал уточнять, кого он пропустил перед нами, гораздо больше меня интересовало другое.

— Как, ты сказала, фамилия Вадима? — спросил я, шагая вместе с Ниной в указанном направлении.

— Юрковский. Это тебе о чем-нибудь говорит?

Это говорило о многом, но я не ответил. Мы свернули налево и чуть не столкнулись с тучным мужчиной, сильно напудренным, во фраке и крахмальной манишке. Кроме него, в коридоре стояли еще несколько курильщиков.

Мы пошли вдоль ряда одинаковых, отделанных коричневым пластиком дверей. Я пожалел, что не спросил, за какой из них можно найти Вадима, и уже остановился, собираясь постучать в первую попавшуюся, как вдруг дверь, мимо которой мы только что прошли, распахнулась, и, оглянувшись, я увидел Тофика.

Схватив Нину в охапку, я отпрянул к стене. И вовремя. Из комнаты, опираясь на костили, вышел Вадим.

— Подожди, — крикнул он Шахмамедову. — Ты сегодня работаешь?

— Нет, нет! Ты меня не уговаривай. Три дня уговаривал, хватит! Я тебе так скажу: если не хочешь, это сделаю я! Понимаешь?! Сам сделаю!

«Чего-чего, а горячности в нем не поубавилось», — мельком подумал я.

— Хорошо. Подожди у служебного входа. После концерта...

— Никакого концерта! Никакого после! Сейчас! Мне надоело цацкаться с этой гадиной! Сегодня он от меня ушел, а завтра из города улизнет. Ты этого хочешь, да?! Или сейчас, или...

— Ладно, — перебил его Вадим. — Я попробую отпроситься, придумаю что-нибудь. Только сначала заедем ко мне, надо переодеться. Ты на машине?

— Нет, не на машине.

— Поедем на моей. На, держи ключи. Жди, я скоро выйду.

Я крепко взял Нину под локоть и, шепнув «не оборачивайся», повел ее в конец коридора. Мы благополучно дотянули до конца коридора и свернули за угол.

Только тут я перевел дух. Потом взглянул на Нину. Лицо у нее побледнело и было испуганным.

— Ни о чем не спрашивай. Потом ты все поймешь. В ответ Нина беззвучно пошевелила губами. Я выглянул из-за угла.

Вадим стоял в противоположном конце коридора и говорил с напудренным толстяком. Надо было переждать.

Я снова посмотрел на Нину. Она стояла, прислонившись к стене и полузакрыв глаза.

— Поцелуй меня, Володя, — неожиданно попросила она.

Мимо нас прошел кто-то из оркестрантов и, хохотнув, пропел густым басом:

**О море в Гаграх! О пальмы в Гаграх!
Кто вас увидел, не забудет никогда...**

Голос стих за поворотом.

— Не бойся, все будет хорошо, — сказал я.

— Я не боюсь. — Страх в ее глазах и вправду исчез.

— Сейчас мы зайдем к Вадиму. Постараимся держаться так, будто ничего не случилось.

— Я постараюсь...

Дальнейшее происходило быстро и как будто не с нами, а с кем-то другим, за кем я наблюдал со стороны.

Вадима мы застали складывающим свою флейту в футляр. Увидев нас, он отложил инструмент и, выслушав, повел лабиринтами переходов в зал, где перепоручил высокой седой женщине, которая пообещала посадить нас на приставные места сразу, как только начнется второе отделение. Вадим, в свою очередь, пообещал встретить нас после концерта, пожелал приятно провести время и, сославшись на строгость дирижера, удалился.

Минут пять мы мозолили глаза седовласой контраперше, потом, улучив момент, сбежали и пустились в обратный путь по закулисным лабиринтам.

Вадима мы нагнали у самого выхода. Он мелькнул в проеме и захлопнул за собой дверь.

Счет пошел на секунды.

— Ты останешься здесь, — сказал я Нине.

Неизвестно, чем закончится моя последняя попытка проникнуть в тайну смерти Кузнецова, но в любом случае я не имел права втягивать в это дело Нину.

— Сейчас ты найдешь телефон и позвонишь по номеру, который я тебе дам. Скажешь, кто ты, и передашь разговор, который мы слышали. — Я назвал номер. — Запомнила?

Она кивнула и отпустила мою руку.

— Повтори.

Нина повторила.

— После того, как позвонишь, возвращайся домой и жди.

Я легонько подтолкнул ее в спину, выжал немногого и открыл входную дверь.

Пока мы мотались по закоулкам «Юбилейного», наступила ночь. В небе висела половина луны. Высыпала звезды.

— Ну что, нашел флейтиста? — спросил дружинник.

— Нашел.

— А девушку где потерял?

— Сейчас выйдет.

Нина действительно вышла и остановилась рядом.

Выяснить, почему она это сделала, я не успел: со стоянки, мигая малиновыми фонарями, отъехала «Каравелла».

Я подбежал к стоянке такси и, рванув дверцу, почти упал на переднее сиденье.

— Давай за той машиной. Я из милиции, — выдохнул я. Все-таки хорошо, что рядом со мной будет парень, в случае чего поможет.

Я отдался и глянул на водителя. Так. Надо же такое везение! Рядом со мной за рулем находилось миниатюрное существо с синей ленточкой в толстой короткой косе. А сзади сидела Нина, которая следом за мной вскочила в машину. Ладно. Уж такое мое счастье. Мы вылетели со стоянки.

«Каравелла» показалась сразу, как только мы свернули на бульвар.

22.07. Начал преследование. Объект — «Жигули» белого цвета, государственный номерной знак 87-92.

Она шла на средней скорости, соблюдая правила — обычная машина, — но я-то знал, что один из сидевших в «Каравелле» — убийца, а другой — его следующая, третья по счету жертва.

Мы шли на некотором расстоянии, пропустив впереди себя три легковушки. Меня немного беспокоила Нина, но, чувствуя свою вину, она сидела тихо, точно воды в рот набрала. Девушка за рулем была спокойна, сосредоточенна и вела машину как заправский автогонщик.

У меня не было четкого плана — в подобных случаях действуют по обстановке. Не пытался я и анализировать подслушанный разговор. Достаточно того, что он вывел меня на преступника. Сейчас я видел все свои ошибки. И мелкие и крупные — всякие, но одной никогда себе не прощу — профессия отца Юрковского. Он же врач, хирург.

— Вадим у отца останавливается, когда приезжает?

— Нет, на даче.

Мы выскочили на ярко освещенный центральный проспект и пошли по прямой.

Во встречном потоке света стали отчетливо видны два силуэта на переднем сиденье «Каравеллы».

О чём они говорили? Обо мне? О Серге?

Я вспомнил еще одну свою ошибку — «Кантотовы». Там я проворонил железное доказательство, не оставлявшее камня на камне от алиби преступника. Желудевый человечек. Продавщица сказала, что они давно проданы. Давно! Значит, он приехал не в понедельник, а много раньше. Мне бы зацепиться за это слово... Да что вспоминать — задним умом кто не горазд? Ничего, теперь он от меня не уйдет, как тогда, в Якорном, теперь он на крючке.

Вдруг Нина сообщила:

— За нами едет какая-то машина.

— Пусть едет. — На всякий случай я все же взглянул в зеркальце обзора.

Сзади, пристроившись нам в хвост, катила новенькая желтая «Лада».

— Ты давно ее заметила?

— Давно.

Только этого не хватало!

Я сказал девчушке: «Сбавь скорость». Она проделала это точно, не задавая вопросов — молодец! «Лада» сделала то же самое. Мы поменяли ряд. «Лада» повторила наш маневр. Кажется, нас тоже держали на крючке.

— Попробуй рассмотреть, кто в ней, — попросил я Нину, и наш «таксист» чутко тормознул.

— По-моему, это Стас, — сказала Нина.

Она могла спутать, но не спутала — я тоже рассмотрел сидевшего за рулем человека. Это был Стас. Он же Макевичук. Он же поданный всех держав Макковей — босс и главный сборщик податей.

«Что-то рановато он засуетился, — подумал я. — Это, конечно, большая часть, но он нарушает условия договора, до назначенного срока еще почти полтора часа».

— Откуда Вадим знает Стаса? — спросил я.

— Они из одной компании. Верней, были из одной, пока Вадим не переехал. По крайней мере так говорил Сергей.

Слева мелькнула автозаправка и конечная остановка автобуса.

«Каравелла», за ней мы, а за нами желтая «Лада» пересекли городскую черту.

— На следующем повороте они свернут на дачный поселок, вот увидишь, — сказала Нина.

Похоже, мне повезло, что она села в машину. Конечно, ей здесь не место, но высаживать ее на виду у Стаса было слишком рискованно.

— Ты знаешь дорогу? — спросил я.

— Мы были там один раз прошлым летом.

Проехав метров триста, я попросил девушку развернуть машину в обратном направлении. За нами, визжа шинами, развернулась «Лада».

— Потушите фары, — сказал я, — съезжайте на обочину.

На счетчике было около трех рублей. Похоже, от Нины мне не избавиться, а вот эту малышку я отправлю.

— Спасибо вам, — сказал я, — вы очень помогли.

— Я могу еще... Куда вам надо? — вдруг низким голосом, так не соответствующим ее виду, сказала девчушка.

Я удивился:

— Больше не надо. Спасибо.

Она, видимо, обиделась, и машина резко взяла с места. Мы остались с Ниной одни.

Темноту прорезал яркий пучок света. Скользнул по чаеколу деревьев.

— Что бы ни случилось, стои молча вон там, за деревом, — предупредил я Нину.

«Лада» скрежетнула тормозами и как вкопанная стала поперек дороги. Из кабине выскочил Стас.

Мы сблизились, вернее, приближался он — медленно, с опаской, как человек, настигший врага, но не знающий, чего от него ожидать.

— Вот мы и встретились, Вальдемар, — сказал он, пряча что-то за спиной. — Как видишь, я исполнил свое обещание. Теперь очередь за тобой. Где деньги?

— Нет денег. И не будет. — Я сделал шаг в сторону.

— Стой там, где стоишь. — В его руке появился обрезок трубы. Кончились твои шуточки. Лучше отдавай добром.

— Я не шучу, нет у меня...

Он не дал договорить, коротко взмахнул обрезком и ударил, целясь в голову. Каким-то чудом мне удалось увернуться.

— С Хромым спутался? — Он восстановил равновесие и стал, широко расставив ноги, похлопывая концом трубы по ладони. — Деньги, конечно, у тебя?

Сделав ложный выпад, я откачнулся в сторону, и в ту же секунду в воздух взметнулся стальной обрезок.

Я пошел на перехват, но тоже промахнулся, и мы оба повалились на землю.

Он был тяжелей килограммов на шесть, к тому же я упал на спину. Стас вскочил, чтобы добить меня ногами, но он переоценил силу своих ударов. Я успел подняться и, когда он кинулся вперед, встретил его прямым правым. Левый боковой лишил его способности к сопротивлению, а третий удар сбил с ног.

Стас рухнул. Если не считать ссадины под глазом и порванной рубашки, я отделался легким испугом. Чего не скажешь о противнике. Он лежал, раскинув руки, и не подавал признаков жизни. Я похлопал его по щекам. Он застонал и судорожно глотнул воздух. Приводить его в чувство я не стал, это заняло бы слишком много времени, а сейчас каждая минута была на вес золота.

Я снял галстук, перевернул Стаса лицом вниз, крепко связал ему руки. Потом оттащил к «Ладе», уложил на заднее сиденье, поднял стекла на дверцах, вынул ключ и закрыл машину.

— Где дача? — спросил я у Нины. Все это время она стояла у обочины, испуганно наблюдала за происходящим.

— Там, — показала она в темноту.

— Иди к щоссе. Останови машину, отыщи телефон и позвони в милицию. Номер не забыла?

Она замотала головой.

Я еще раз проверил дверцы «Лады» и во весь дух помчался по дороге.

В зеленоватом свете луны смутно мерцала колея с проросшей посередине черной травой. Без умолку верещали кузнички.

Я добежал до поворота.

Впереди, на фоне густых зарослей орешника, тускло поблескивала лаком, стояла «Каравелла». Где-то невдалеке хрустнула сухая ветка, но разбираться, Нина это или кто другой, я не стал. Надо было действовать.

Я подбежал к машине. Кабина была пуста. За увитой плющом изгородью в глубине участка светились два окна — одно погорче, другое мутным красным

прямоугольником,—остальное тонуло в потемках. Калитка оказалась незапертой. Я прошел к дому и остановился у крайнего от крыльца окна.

По ярко освещенной комнате, поглядывая на часы, нервно расхаживал Шахмамедов. Через приоткрытую форточку доносилась музыка. Я двинулся вдоль стены и заглянул во второе окно.

Оно было занавешено, но не плотно—в центре между задернутыми шторами оставалась узкая щелька.

Я прильнул к стеклу, но увидел лишь висевший на стене ковер и колеблющуюся тень на полу, по движению которой невозможно было определить, что делает человек, отбрасывающий эту тень. Вот она переместилась, пропала, затем снова появилась, и всю длину щели заслонила фигура в белоснежной сорочке и черном с атласными лацканами смокинге.

Вадим—это был он—поставил на подоконник пузырек и вновь исчез из поля зрения, направившись, по всей видимости, в соседнюю комнату. За миг до этого я заметил в его правой руке новосортный платок, с которого капала какая-то жидкость.

Все, что происходило со мной до сих пор, начиная с памятного разговора в кабинете начальника уголовного розыска и до драки со Стасом, от которой еще ныни синяки и ссадины, было предложено, подготовкой к этой самой минуте. В мою постройку лег последний недостающий кубик. Сейчас на моих глазах, по существу, повторялась сцена, однажды уже разыгранная на задворках гостиницы. Преступник действовал тем же самым способом, что и тогда, уверовав в его универсальность. Я знал, чем это закончилось для Кузнецова, и потому не раздумывал: бросился к крыльцу, перескочил через ступеньки и, распахнув дверь, ворвался в комнату.

В противоположном ее конце, опираясь на костили, стоял Вадим. В шаге от него—Тофик. Оба они обернулись в мою сторону.

— А вот и он!—С этими словами Шахмамедов сорвался с места, и почти одновременно меня пронзила дикая боль в голени.

Мне нельзя было согнуться, но рефлекс, на который я был рассчитан удар, сработал прежде, чем я успел что-либо сообразить. Я склонился к ушибленному месту и немедленно поплатился за это.

Сокрушительный удар ногой в подбородок отбросил меня назад. Я стукнулся затылком о дверной косяк и потерял сознание.

4

Глаза у Симакова голубые. Даже слишком голубые. Для человека, занимающего его должность, больше подошли бы серые со стальным отливом, и чтобы брови сходились на переносице, как у героев потерянных книжек, которые я читывал в школе. Увы, во внешности моего начальника не было ничего геройского: и брови самые обыкновенные, и глаза без отлива—скорей усталые, с белками, покрытыми от недосыпания сетью мелких кровеносных сосудов. Это было первое, что я увидел, выбравшись из бездны, куда меня отправил не знающий жалости и сомнений Тофик.

Симаков смотрел пристально, не отрываясь, потом сказал что-то, но я рассыпал только конец фразы: «...так будет удобней»,—после чего лицо его отодвинулось, и надо мной навис розовощекий мужчина в белом медицинском халате. Он тоже заглянул мне в лицо и, ободряюще улыбнувшись, сгинул.

«Плохи мои дела»,—подумал я и пощупал голову. Она была тут сплена на бинтами, а шум в ушах и одревесневшая челюсть свидетельствовали, что дела мои не блестящи.

Постепенно я сориентировался в пространстве и обнаружил, что сижу в кресле поблизости от места, где получил первый в своей жизни нокаут. Самого победителя в комнате не было. Кроме Симакова, здесь находились еще несколько человек, которых я раньше не видел. У стола с ручкой и бумагой сидел парень в милиционской форме, а у окна спиной ко мне—Юрковский.

...Вы встретились четырнадцатого,—долголет до меня приглушенный повзкой голос Симакова. Он переместился в дальний угол комнаты и обращался к Вадиму, видно, продолжая прерванный разговор.—Кузнецов сообщил вам об условии, которое поставил перед ним Станислав Маквейчук, и вы пообещали занять деньги. Верно?

Ответа я не слышал.—Вадим говорил слишком тихо,—но что-то он все же ответил, потому что последовал уточняющий вопрос:

— Но вы дали ему понять, что он может рассчитывать?

И опять я не услышал, что ответил Юрковский, да это в общем-то и не требовалось: я знал, как оно было на самом деле, и мог при желании воспроизвести его ответ, если, конечно, он не настолько глуп,

чтобы запираться после того, как его накрыли с поличным.

— У вас с Кузнецовым давние счеты, к тому же в глубине души вы всегда презирали его за слабость. Себя-то вы всегда считали сильной личностью, не так ли? Впрочем, об этом позже...

Симаков достал папиросу, продул мундштук, но, поклевавши, не закурил и спрятал ее в пачку.

— Вы решили воспользоваться планом бывшего компаньона и в тот же вечер подобрали ключ, так? ...Молчите... Хорошо, я вам все напомню,—сказал Симаков ровно, каким-то чужим, незнакомым голосом.—На следующий день, пятнадцатого, около шести вечера Кузнецов вышел из дома и отправился на работу. Вы остались у гостиницы. Это произошло в 21.30. Вы подогнали свою машину к двери с обратной стороны гостиницы. Открыли замок, проникли в бухгалтерию и взяли под наблюдение спуск в ресторан. Припомните?

Последующие события представлялись мне до того здраво, будто я сам при этом присутствовал.

До сих пор Юрковский действовал по чужому сценарию, дальше—по своему собственному. Если Стас шел напролом и чуть ли не силком заталкивал Кузнецова в ловушку, то он поступил хитрее: подкинул приманку, и Сергей сам полез в западню. Произошло это так.

В двадцать один сорок Кузнецов вместе с выручкой поднялся в холл гостиницы. Вадим встретил его наверху, у лестницы, и сказал, что привез деньги и что готов их отдать—для друга, дескать, ничего не жалко. Кузнецов, естественно, счастлив: наконец-то он вернет долг и освободится от уничижительной зависимости от шантажистов. Чего же мы ждем, спрашивает он, где деньги? Как это где, отвечает Вадим, разумеется, в машине, не таскать же такую крупную сумму с собой, а машина здесь, в двух шагах—он специально подъехал с черного хода, о котором рассказал Сергей. Почему с черного? Ну, во-первых, ради интереса, проверить, правду ли он говорил о плане Стаса или это только предлог, чтобы взять взаймы. Ну и, во-вторых, не хотел передавать деньги при свидетелях. Кузнецов в нерешительности: он должен сдать выручку, через 10—15 минут он освободится, но Вадим говорит, что не может ждать. Можем встретиться позднее, предлагает Сергей, после работы. Вадим не возражает, только сегодня он не может, прямо сейчас должен срочно уехать из города. Это решает дело, отсрочка пугает Кузнецова, он соглашается. Они входят в дверь бухгалтерии, щелкает английский замок, и единственный свидетель, Буба Кикабидзе, с застывшей улыбкой смотрит им вслед...

Возможно, я ошибался в деталях, но общая картина была именно такой. Это подтверждалось и вопросом, который задал Симаков:

— Вы пользовались эфиром?

Ответ содержался в слабом кивке Вадима, сидевшего в прежней позе у окна.

К Симакову подошел одетый в штатское оперативник. Он сказал что-то, чего я не слышал.

Оперативник удалился, и Симаков вновь обратился к Юрковскому, неожиданно переведя разговор на мою особу:

— Двадцать девятого на Приморской появился наш сотрудник. Понадчуя вы не придали этому особого значения, тем более что вечером прочли заметку о несчастном случае. Вы решили, что нас обманул трюк с одеждой, и успокоились. Однако уже на следующий день вас разыскал Шахмамедов и сказал, что к нему обращался некий Сопрыкин—подозрительный тип, называвшийся знакомым Кузнецова. Он остановился на Приморской и предлагал сбыть валюту.

Шахмамедов сказал, что со слов Кузнецова ему известно о плане ограбления, так как Сергей просил у него взаймы, и что он подозревал, что Сопрыкин и есть преступник, виновный в гибели Кузнецова. Тофик считал вас близким другом Сергея. Он хотел обратиться в милицию, но прежде решил посоветоваться с вами. Сообщение Шахмамедова вас напугало. Не из-за Сопрыкина, которого вы не знали и пока что не имели оснований опасаться. Полной неожиданностью для вас стало то, что кто-то еще знает о плане Маквейчука и связывает его с гибелю Кузнецова. Вы предложили Тофику установить наблюдение за квартиратором, а в милицию заявить не раньше, чем добудете более веские улики его виновности, для чего обещали познакомиться с Сопрыкиным...

Вот она, причина и разгадка агрессивности, которую проявлял ко мне Тофик.

Собственно, оба мы заблуждались. Каждый по-своему. Он подозревал меня, а сам я до последнего считал Шахмамедова наиболее вероятным кандидатом на роль обвиняемого...

Я сосредоточился, стараясь унять нараставшую головную боль. Ненадолго это удалось.

— Утром первого октября,—продолжал Симаков,—на Приморскую пришел Герасимов. Вместе с

Сопрыкиным они посетили бар «Страус». Это насторожило вас. Подозрения усилились еще больше, когда они встретились со Станиславом Маквейчуком. Утверждение Сопрыкина, что он и раньше останавливался на Приморской, его активность и узкая избирательность в контактах навели вас на мысль, что он работник милиции. Вечером Сопрыкин вторично посетил бар, а когда вышел оттуда, следом за ним выбежал Герасимов. Вы в панике. Задуманное и осуществленное с математической точностью преступление может раскрыться из-за единственной не учтенной вами мелочи. О способе совершенного вами преступления знают уже трое. Шахмамедов до поры обезврежен, он под вашим контролем. В молчании Маквейчука вы тоже уверены—тому невыгодно рассказывать первому встречному о своем лопнувшем проекте. С Герасимовым совсем иначе. Он, ближайший помощник Маквейчука, наверняка знал о его намерениях, но он поглуп и может проболтаться о черном ходе, которым воспользовался преступник. В этом случае милиция получила бы сведения, которые, по вашему мнению, заставят ее отказаться от версии о несчастном случае. Возникнет другая версия—о сообщнике, а этого вы боитесь больше всего. Герасимов становится опасным, и это решило его участь. Если до Якорного вы были только грабителем, то там, Юрковский, вы стали убийцей...

До меня не дошел смысл последних слов Симакова. Почему в Якорном? А Кузнецов? А одежда, подброшенная на пляж?

Я даже не пытался вникнуть в это противоречие. И комната, и люди, и стул у окна с сидевшим на нем флейтистом подернулись дымком, отдалились. Перед глазами вдруг всплыла луна, дорога, испуганное лицо Нины. Где она? Почему ее нет?

Я хотел спросить об этом, но не успел...

Когда я очнулся, стул у окна был пуст: Юрковского уже увили. Парень в милиционской форме продолжал возиться с бумагами, а Симаков сидел в кресле напротив, держа руку у меня на колене.

— Ну вот и молодец, лейтенант,—сказал он. — Такими ты мне больше нравишься.

Не знаю, что ему во мне понравилось, но чувствовал я себя паршиво.

— Говорить-то можешь?

Я выдавил из себя какой-то невнятный звук.

— Ладно, ладно, вижу, что можешь.—Он подавил улыбку.—Не горой, Сопрыкин, до свадьбы заживет. Кости цели, а царапины пройдут, что ж это за мужик без царапин. Сам виноват, зачем лез на рожон? Мы уже все знали.—Из сострадания он не стал развивать эту тему.—Ничего, теперь ты у нас тот самый битый, за которого двух небитых дают. Отдохнешь денек-другой—и за дело.

— Нина...—пропел я.

— Здесь твоя Нина, во дворе ждет.—успокоил он и, помявшись, добавил:—Тут такая штука, Володя, ты еще не знаешь. В общем, Кузнецов жив.

— «Ну и шуточки у него!»—подумал я, но Симаков не шутил.

— Жив,—повторил он.—Мы нашли его тут, в подвале. В бессознательном состоянии. Сейчас над ним медики колдуют.

Я перевел взгляд на стул у окна, и Симаков объяснил:

— Да, он не хотел его убивать, рука, говорит, не поднималась. Собирался вывезти после фестиваля, а потом шантажировать: так, мол, и так, исчез, мол, вместе с выручкой, считающейся погибшим, а потому вот тебе на первые расходы и кати на все четыре стороны. Так-то, брат...

Он встал, подошел к двери и заговорил с кем-то, стоявшим снаружи. Потом вернулся ко мне.

— Машина пришла, сейчас поедем.

— Куда?—подумал я.

— В больницу тебе надо. Подлечиться и вообще...

Я достаточно хорошо изучил Симакова, чтобы сомневаться, что « вообще » сказано неспроста.

— Между прочим, помнишь чемоданчик с двойным дном, ну, тот, что Маквейчук для валюты подготовил?

Он полез в карман за своим «Беломором», но так его и не вытащил.

— Понимаешь, Володя, есть у нас одна идея. Как ты смотришь, если мы этот чемоданчик тебе передадим, во временное, так сказать, пользование? Связи у Маквейчука обнаружились, в другие города ведут. Нам бы на эти связи выйти...

Я оперся о подлокотник и попробовал встать. Симаков поддержал меня, и мы вышли на крыльцо.

Посреди двора лежало ярко-зеленое пятно травы, освещенное фарами милиционской машины. Чуть поодаль стояла «Скорая помощь» с задранной кверху дверцей багажника.

«Вот и финал, к которому ты так стремился»,—съязвил мой всегдаший оппонент.

«Скорей пролог»,—по привычке возразил я, хотя мы говорили об одном и том же.

Я поиском глазами Нину...

2-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

В олимпиаде приняли участие несколько тысяч человек и 81 команда.

24 команды и 512 читателей отлично выполнили все задания. Жюри решило не прибегать к слепому жребию, а дать победителям дополнительные задания.

К участию в решении заданий по русским шашкам допускаются участники и команды, у которых следующие регистрационные номера: А—11, 13, 27, 34, 49, 50, 52, 55, 65, 66; Б—12, 15, 17, 19, 21, 22, 24, 32, 38, 41, 43, 52, 55, 60, 66, 68, 70, 77, 92, 93, 98, 101, 102, 103, 105, 107, 120, 122, 135, 156, 157; В—11, 18, 22, 26, 35, 39, 40, 43, 46; Г—8, 17, 18, 30, 33, 35, 51, 61, 66, 78, 87, 104, 105, 107, 112, 115; Д—4, 7, 8, 21, 23, 32, 39, 44, 47, 55, 63, 65, 73; Е—4, 7, 22, 32, 36; Ж—3, 8, 20; З—1, 9, 14, 19, 22, 32, 33, 42, 51, 56; И—3, 4, 14, 18, 36, 44, 56, 60; К—2, 3, 4, 5, 16, 24, 29, 37, 53, 54, 56, 60, 62, 67, 69, 70, 77, 78, 90, 91, 92, 105, 106, 113, 114, 119, 122, 142, 143, 146, 162, 168, 185, 191, 198, 199, 202, 204, 206, 210, 221, 227, 228, 247, 250, 252, 253, 261, 267; Л—4, 6, 10, 12, 14, 29, 32, 42, 44, 47, 50, 53, 57, 58, 64, 65, 66; М—1, 2, 13, 18, 40, 46, 48, 51, 58, 61, 73, 76, 79, 84, 87, 94, 95, 106, 109, 119, 127, 130, 136, 140, 151, 159, 166; Н—3, 6, 16, 22, 34, 40, 43, 47, 60, 61, 66; О—5, 15; П—3, 4, 9, 11, 20, 27, 37, 39, 44, 48, 50, 60, 63, 64, 70, 74, 75, 88, 89, 90, 101, 106, 107, 109, 110, 111, 139, 142, 144, 149, 151; Р—2, 3, 13, 14, 15, 21, 30, 38, 40, 41, 43, 50, 51; С—4, 10, 22, 25, 29, 30, 31, 45, 50, 53, 58, 65, 74, 76, 85, 93, 95, 99, 100, 101, 108, 109, 110, 111, 112, 115, 116, 125, 137, 147, 163, 175, 185, 189, 197; Т—8, 9, 18, 20, 27, 28, 31, 35, 36, 37, 47, 52, 55, 64, 68, 72; У—2, 9, 10, 11; Ф—15, 21, 24, 32, 34, 43; Х—4, 37, 38, 40; 4—1, 5, 6, 11, 17, 19, 32, 34; Ш—1, 12, 13, 21, 23, 27, 33, 37, 56, 60, 65, 73, 74; Щ—6, 8; Ц—10, 11, 16; Ю—5; Я—8, 13; команды—07, 08, 011, 012, 016, 017, 030, 038, 042, 044, 045, 049, 050, 053, 057, 058, 059, 062, 066, 067, 070.

К участию в решении заданий по международным шашкам допускаются участники, у которых следующие регистрационные номера: А—24; Б—23, 91, 147; В—70; Г—26, 47; Д—14, 77; И—48; К—21, 116, 136; Л—38, 46; М—9, 14; О—34; П—71, 136; С—35, 51, 83, 121, 153; Т—33, 63; Ф—13; Ш—46; Щ—3; Ц—3; Я—23.

К участию в решении заданий по русским и международным шашкам допускаются участники и команды, у которых следующие регистрационные номера: А—17, 21, 31, 40, 44, 78; Б—14, 16, 25, 80, 104, 105, 117, 150, 152; В—12, 29, 34, 37, 38; Г—1, 65, 73, 114; Д—27, 70; Е—16; Ж—12, 15; З—10, 12, 13, 24, 30; И—11, 22, 35; К—8, 32, 33, 40, 41, 49, 50, 58, 94, 102, 104, 123, 144, 218, 254; Л—11, 20, 21; М—15, 17, 29, 30, 57, 60, 71, 81, 116, 128, 135, 155; Н—4, 13, 14, 17, 33, 41, 42; О—2; П—14, 19, 85, 117, 123; Р—4, 6, 9, 19,

26-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ

Первый тур

1. В. Чепижный, 1984. Мат в 2 хода.
1. Сс5! (1 балл)
2. В. Чепижный, 1968. Мат в 3 хода.
1. d4! Ke3 2. Kb4, 1... cd 2. Kc5. 1. Kb4? Ke3 2. de—пат! (2 балла)

Второй тур

1. В. Шлемкин, 1964. Мат в 3 хода.
1. Cf6! Kpb6 2. h8! Kp:16 3. Lh6x. 1. Ca1? Kpb6 2. h8!—пат! (1 балл)
2. Т. Зирс и В. Массман, 1953. Мат в 4 хода.
1. Kd4! Kp:d4 2. Lf4+ Kpc5 3. Lb3 Krb6 4. Lc4x. 1. K~Kpd4 2. Lf4+ Kpc5 3. Lb3—пат! (2 балла)

Третий тур

1. А. Мандлер, 1960. Мат в 7 ходов.
1. g3! Kph7 2. g4 Kph8 3. g5 Kph7 4. g6+ Kph8 5. g7+ Kph7 6. Kf6+ Kph6 7. g8Kx. 1. g9? Kph7 2. g5 Kph8 3. g6—пат! (2 балла)
2. Ф. Палатиц, 1942. Мат в 6 ходов.
1. Cb6! Kpb8 2. Cd8! Kpc8 3. Ca5 Kpb8 4. b6 Kpc8 5. b7+ Kpb8 6. c7+ (2 балла)

Четвертый тур

1. Д. Кноппель, 1941. Мат в 3 хода.
1. Ce8! (чукванг) 1... Kg4 2. Kpf8!, 1... g4 2. Kpf6! 1. Kpf8? g4! 1. Kpf6? Kg4+! (2 балла)

По горизонтали:

7. Порт в Шотландии. 10. Автор первого монгольского историко-революционного романа «Заря над степью». 11. Форма мышления. 12. Несколько рядом растущих деревьев. 15. Военнослужащий командного состава. 18. Самая быстрая часть водного потока. 19. Остановка на отдых во время похода. 20. Очень ловкий человек, проныра. 21. Морская птица. 24. Письменное требование на материалы, запасные части. 25. Рубеж в соревновании, рекорд. 26. Наземная часть корнеплодов. 27. Сообразительность. 29. Всякая обвязка тонким тросом на судне. 31. Оттенок, еле заметная разница. 34. Помещение для ремонта и хранения дирижаблей. 36. Деталь фотоаппарата. 37. Рассказ М. Горького. 38. Французский писатель, участник Сопротивления. 41. Пасечный инвентарь. 44. Советский скульптор и график-анималист. 45. Основное население автономной республики. 46. Туголлавский металл.

По вертикали:

1. Химический элемент. 2. Древнегреческий баснописец. 3. Бытовой инструмент. 4. Персонаж tragedy Еврипида «Медея». 5. Название в других странах жителей США. 6. Десертное блюдо. 8. Роман А. И. Куприна. 9. Производственная машина. 13. Повышение знаний. 14. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 16. Лицемерие. 17. Засахаренная корка цитрусового плода. 21. Пастух. 22. Персонаж оперы Б. Сметаны «Далибор». 23. Денежная выдача в счет зарплаты. 28. Специальность строителя. 30. Крутой берег реки, оврага. 32. Молодость. 33. Город в Замбии. 35. Английский писатель, один из предшественников романтизма. 36. Специалист по шитью изделий из резинки и кожи. 39. Административно-территориальная единица у бурят, калмыков и якутов в старой России. 40. Лестница на судне. 42. Солдат, приведший броненавики к Финляндскому вокзалу на встречу В. И. Ленина. 43. Город в Иране.

Составила
Е. ФЕДОРОВА,
Москва

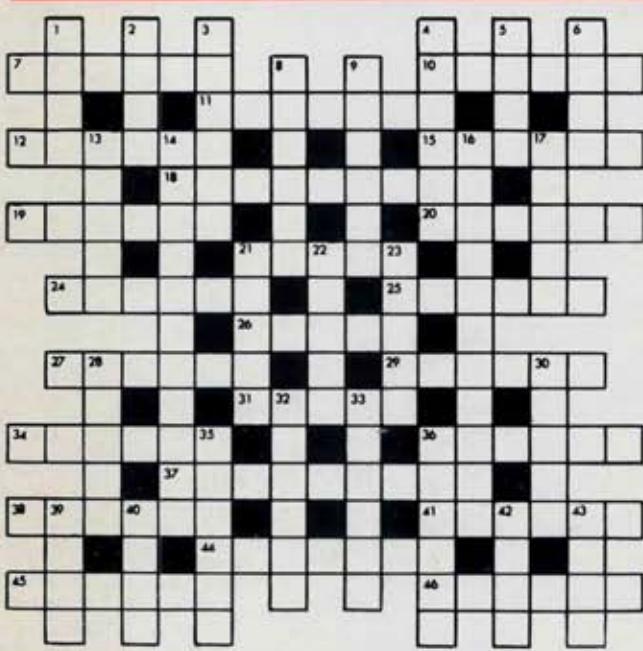
ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 23

По горизонтали:

1. Севидов. 5. Коудбол. 9. Атлетика. 10. Бутаутас. 11. Тайм. 12. Баскетбол. 15. Янич. 18. Крокет. 19. Глима. 20. Марула. 23. Тарни. 24. Тамм. 26. Тобе. 27. Човган. 31. Клиник. 32. Гольф. 33. «Косуля». 37. Киль. 38. Моторалли. 39. Стин. 42. Скалолаз. 43. Плавание. 44. Садгини. 45. Метание.

По вертикали:

1. «Спартак». 2. Волейбол. 3. Дата. 4. Векман. 5. «Кружок». 6. Улак. 7. Бетанкур. 8. Лисичка. 13. Колчин. 14. Тама. 16. Пентатлон. 17. Бадминтон. 21. Чроба. 22. Байга. 25. Борба. 28. Биллиард. 29. Поло. 30. Хуттуунен. 31. Какусис. 34. Яунземе. 35. Жокари. 36. Слалом. 40. Доги. 41. Хват.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 05.11.84. Подписано к печати 20.11.84. А 12890. Формат 70×108^{1/2}. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60. Уч.-изд. л. 10.23. Усл. кр.-отт. 17.50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 3794. Заказ № 3019. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НОВОГОДНИЕ МАРКИ

Новый год...
Наверное, самый любимый праздник.
Добрый и сказочный.
И все мы ждем чего-то нового.
Новых встреч,
радостных событий, удач.
По традиции почтовые ведомства
многих государств в канун
этого праздника
выпускают новогодние марки.
В Советском Союзе их выпуск
был начат в тысяча девятьсот
шестьдесят втором году,
и с тех пор они дополняют
коллекции филателистов ежегодно.

На той, первой марке
были изображены голубь мира
и новогодняя елка на фоне
земного шара.
Ведь встречая каждый новый год,
мы верим, что он будет
мирным для нашей планеты.
Перед вами двадцать четыре марки,
посвященных Новому году.
Они напоминают нам
о прошедшем времени:
ведь каждый год
оставил в нашей памяти
что-то свое, неповторимое.
И эти марки,
как волшебные зеркальца,
отражают в памяти самые яркие
события тех,
уже минувших лет.
Глядя на них сегодня,
на пороге 1985-го,
мы, как обычно
в предновогодние дни,
мысленно оглядываемся
на прожитые годы,
мечтаем о будущем,
загадываем желания,
И надеемся,
что все они сбызательно сбудутся.